

ВЕСЕЛ

*Все сказки
старого
Вильнюса.
Продолжение*

ФЕЯ

Все сказки старого Вильнюса

Макс Фрай

**Все сказки старого
Вильнюса. Продолжение**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Фрай М.

Все сказки старого Вильнюса. Продолжение / М. Фрай —
«Издательство АСТ», 2019 — (Все сказки старого Вильнюса)

ISBN 978-5-17-114669-6

Имя Макса Фрая уже известно всем ценителям хорошей литературы, а «Сказки старого Вильнюса» – один из самых известных и ожидаемых циклов современного фэнтезийного мира. «В Старом городе Вильнюса, как выяснилось, сто сорок семь улиц, переулков, площадей, рынков и мостов; зная характер нашего города, мы не сомневаемся, что это число еще не раз изменится, здесь у нас чуть ли не каждый день что-нибудь появляется и исчезает, а всем кажется, всегда так и было – это одно из правил нашей тайной повседневной игры...» В формате PDF A4 сохранен издательский дизайн

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-114669-6

© Фрай М., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Площадь Йоно Жемайчė (Jono Žemaičio a.)	6
Проход Йоно Меко (Jono Meko skersvėjo takas)	17
Аллея Казė Шкирпос (Kazio Škirpos al.)	26
Улица Калинауско (K. Kalinausko g.)	29
Улица Кармелиту (Karmelitų g.)	33
Улица Кауно (Kauno g.)	51
Кафедральная площадь (Katedros a.)	58
Улица Кедайню (Kėdainių g.)	60
Улица Клайпедос (Klaipėdos g.)	72
Улица Косцюшкос (Kosciuškos g.)	79
Улица Кранто (Kranto g.)	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Макс Фрай
Все сказки старого Вильнюса
Продолжение

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Площадь Йоно Жемайчė (Jono Žemaičio a.)

Правила джиннов

Юсуф был странный.

Во-первых, одно имя чего стоит. С таким именем хорошо быть персонажем «Тысяча и одной ночи» или, ладно, арабским студентом, их у нас не то чтобы много, но все-таки есть. Или хотя бы просто смуглым бородатым брюнетом с манерами избалованного и одновременно давно некормленого кота. А в сочетании с русыми волосами, бледно-голубыми, словно бы выцветшими на солнце глазами и веснушками на носу имя Юсуф кажется таким же невозможным, как крылья, клыки или хвост. Рога, и те были бы уместней: по крайней мере, под ними можно вообразить невидимый шлем, а викинг из широкоплечего увальня Юсуфа – хоть сейчас в голливудскую массовку зазывай.

Во-вторых, Юсуф всегда ходил в юбке. Не в одной и той же; юбок у Юсуфа было много, он часто и с явным удовольствием их менял. Длинные, узкие из строгой костюмной ткани; кожаные, рокерские, с заклепками и застёжками-«молниями» в самых неожиданных местах; пестрые, широкие, как японские штаны-хакама; брезентовые, блестящие, с ассиметричным косым подолом; да какие угодно, разве что, ни одной клетчатой. Подозреваю, Юсуф не хотел портить сногшибательный эффект даже минимальным сходством с шотландцами, толпа которых ежегодно приезжает на баскетбольные матчи и гуляет по городу в традиционных килтах, к ним-то давно все привыкли, зато к другим вариантам – нет. Теоретически вполне общеизвестно, что мужские юбки с завидной регулярностью появляются в коллекциях haute couture разных модных домов, но мало ли что творится на подиумах, по улицам в таких нарядах пока не очень-то ходят. А если и ходят, то не у нас.

В-третьих, у Юсуфа было два профиля, настолько непохожих, словно его голову слепили из двух разных голов. Если присмотреться, становилось понятно, что на самом деле у него просто сломан нос, да так удачно, что анфас практически незаметно, зато один профиль получился курносый, а второй – роскошный, орлиный, хоть сейчас на монете чекань. И улыбался он криво, всегда только одной левой половиной рта, одновременно трагически заламывая правую бровь, так что горбоносый профиль обычно выглядел веселым, а курносый – подчеркнуто меланхоличным. Когда рассказываешь, получается, словно бы Юсуф нарочно так кривлялся; но кажется, все-таки нет.

И в четвертых, при всей своей ослепительной эксцентричности, Юсуф был воплощением здравого смысла. Очень спокойный и рассудительный человек. И, насколько можно судить со стороны, хозяйственный и практичный. По крайней мере, «Черная чашка» при нем расцвела.

«Черная чашка» – это кофейня на площади Йоно Жемайчė, напротив военного министерства, маленькая, всего на шесть столов и два широких подоконника, на которых тоже можно сидеть. Сперва Юсуф стал одним из ее завсегдатаев, а потом как-то незаметно переместился за стойку и выглядел там уместно и естественно, словно всегда так и было. Я так понимаю, хозяевам кофейня уже надоела, закрывать ее было жалко, а Юсуф просто в нужный момент подвернулся под руку и сделал им хорошее предложение; впрочем, это только мои догадки, как там было на самом деле, я не знаю.

Факт, что Юсуф стал единолично хозяйничать в «Черной чашке», с утра до вечера, без выходных, и как-то со всем справлялся сам, без помощников, даже посуда на столах не задерживалась, и мусорное ведро оставалось, в худшем случае, полупустым, и туалет блестел, и очередь собиралась – ну, максимум два-три человека, хотя дела в кофейне явно пошли в гору;

я имею в виду, народу порядком прибавилось, как магнитом всех притягивало. И ясно было, что этот магнит – Юсуф, который, с точки зрения стороннего наблюдателя, большую часть времени вообще проводил снаружи, у входа, с короткой черной сигаретой в зубах. Юсуф дымил, как паровоз. Но каким-то непостижимым образом, это совершенно не мешало ему в нужный момент оказываться за стойкой с очередной порцией только что приготовленного кофе в руках.

Я ходила в «Черную чашку» и до Юсуфа, когда там хозяйничали Кястас и Настя, сперва полные энтузиазма, потом уже не особо; я не раз слышала краем уха, как они деликатно переругиваются друг с другом по телефону на тему: «И ни одна зараза не приходит меня, бедняжку, подменить». Под конец они уже совсем пали духом, сидели с кислыми минами, перестали заказывать свежую выпечку, ради которой многие к ним ходили, даже кофе стал ощутимо хуже, и я мысленно возложила венок на гроб любимой кофейни, которая так удачно расположена на моем ежедневном маршруте между работой и домом, что хочешь, не хочешь, свернешь. По утрам глоток эспрессо придает мне нужное ускорение, а латте с сиропом по вечерам помогает вспомнить, почему я до сих пор не повесилась. Да потому, что жизнь, несмотря ни на что, хороша. По крайней мере, местами. И «Черная чашка» – одно из этих мест.

Кстати, при Юсуфе кофе в «Черной чашке» стал не просто лучше, а по-настоящему отличным, это даже мне было ясно, хотя я совсем не гурман. У меня один внятный критерий: если горько и при этом не противно, значит, все хорошо.

Но положила руку на сердце, дело, конечно, не в кофе. А в обстановке. И в атмосфере. Я хочу сказать, что с тех пор, как в «Черной чашке» начал хозяйничать Юсуф, мне стало гораздо проще вспоминать, почему я до сих пор не повесилась. И даже вовсе не задаваться этим вопросом – в некоторые, особо удачные дни.

Мы с Юсуфом здоровались еще в те времена, когда он был не барристой, а простым завсегдатаем, как я сама. Ну то есть, как – здоровались, просто обменивались приветливыми кивками. Позже, обосновавшись за стойкой, он стал полноценно желать мне хорошего утра, дня, или вечера, как и всем остальным клиентам; я вежливо отвечала, но и только, заговорить с ним мне бы в голову не пришло. Я не люблю разговаривать с незнакомцами; положила руку на сердце, со знакомцами тоже, я вообще не люблю разговаривать с людьми, зато мне нравится слушать, что они говорят – не мне, а друг другу. Поэтому болтовню Юсуфа с другими посетителями «Черной чашки» я всегда подслушивала с удовольствием, хотя ничего особенно интересного он им вроде бы не рассказывал. Просто журчал, как ручей, спокойно и даже как-то утешительно – не по смыслу, по интонации; послушаешь несколько минут, и потом целый день ходишь довольная, хотя ничего особенно хорошего с тобой не случилось, да и вообще – ничего.

Впервые Юсуф заговорил со мной однажды вечером, когда я курила, усевшись снаружи на подоконнике, где всегда по традиции лежали тонкие маты из кожаменителя, специально для желающих сесть. Спросил: «Он не мокрый? – и, не дожидаясь ответа, пояснил: – Днем был небольшой дождь».

Я ответила: «Спасибо, вроде уже не мокрый», – вот и весь разговор.

Но для Юсуфа с этого момента все изменилось. Вероятно, в голове у него хранился список клиентов, с которыми следует или просто можно разговаривать, и теперь он всякий раз беседовал со мной о погоде, городских праздниках, ремонте соседних улиц, отреставрированных домах, новых скульптурах, музыке, кинофильмах и других пустяках, обращался так ласково и доверительно, словно я была его любимой младшей сестрой; я ненавижу так называемые «смолл-токи», всю эту необязательную болтовню ни о чем, но всякий раз покупалась на его интонацию и отвечала почти с удовольствием, а может быть, слово «почти» здесь лишнее; ладно, чего там, с Юсуфом было приятно поговорить. Однажды вечером он, ни о чем не спра-

шивая, протянул мне светло-коричневую таблетку: «У вас начинает болеть голова; вы, наверное, думаете, кофе поможет, но сегодня лучше примите цитрамон». Я так растерялась, что проглотила таблетку, хотя обычно не принимаю лекарств, запила предупредительно подsunутой минералкой; Юсуф подмигнул: «За сговорчивость вам полагается кофе за счет заведения. Но – не сегодня. В следующий раз».

На самом деле я совсем не отличаюсь сговорчивостью, но в тот раз ушла домой, так и не выпив кофе, спрашивала себя по дороге: «Мама, что это было? Гипноз?» Но голова, надо сказать, прошла практически сразу, за это я была благодарна Юсуфу. Жизнь и так невеселая штука, куда мне еще дополнительная боль.

На следующий день Юсуф и правда не взял с меня денег за кофе, но вел себя сдержанно, с разговорами особо не лез, всем своим видом показывал, что не претендует на новую степень близости или какое-то особое отношение только потому, что вчера дал мне таблетку, а я ее приняла. Мне это понравилось: такая подчеркнутая деликатность по нынешним временам великая редкость, я очень ее ценю.

Примерно неделю спустя я возвращалась с работы довольно поздно, около десяти. Так иногда бывает: жизнь главного бухгалтера сравнительно небольшой юридической фирмы, по большей части, легка и беззаботна, но пару раз в год наступает расплата. В смысле аврал. Впрочем, мне-то как раз грех жаловаться, авралы меня бодрят, будь моя воля, устраивала бы их почаще; ладно, как есть, тоже вполне ничего.

Я была уверена, что в это время «Черная чашка» уже закрыта, но в зале горел свет, а за столом напротив окна сидела парочка, оба огненно-рыжие, с совершенно одинаковыми аккуратными вздернутыми носами, так что не поймешь, то ли влюбленные, то ли просто брат и сестра. Юсуф нес вахту у входа, курил свою черную сигарету, приветливо улыбнулся мне половиной рта: «Как вы сегодня поздно! Я думал, уже не придете. Очень вам рад».

Разумеется, я зашла. И заказала латте, хотя по моему опыту, после восьми вечера кофе, включая совсем слабый и сладкий, мне лучше не пить. Но если всегда поступать правильно, жизнь окончательно утратит даже те остатки смысла, которые мы придумали себе в утешение, потому что никакого смысла, конечно же, нет.

Пока я пила латте, примостившись на высоком табурете у стойки, Юсуф прошелся по залу, шурша подолом длинной широкой юбки из какой-то блестящей, на вид непромокаемой ткани, собрал пустые чашки и вытер столы, не несколькими суетливыми жестами, как сделала бы я сама, а одним долгим непрерывным движением; никогда прежде не обращала внимания, как он наводит порядок, а сейчас наконец оценила. Очень красиво, как будто уборка грязной посуды – какое-то тайное боевое искусство, и Юсуф в совершенстве им овладел.

Вернувшись за стойку, Юсуф вдруг сказал: «Мне кажется, вы должны хорошо играть в нарды. Хотите партию? Я очень давно не играл, да и вы тоже».

Я не успела не то что ответить, даже обдумать его предложение, а передо мной уже лежала маленькая карманная доска с крошечными магнитными шашечками; считается, что дорожная, у меня тоже такая есть, хотя сама не знаю, зачем ее купила, играть-то мне не с кем, ни дома, ни в дороге. Я живу одна и путешествую тоже одна. И действительно очень соскучилась по игре.

– Странно, – сказал Юсуф, когда я бросила кубики, – почему-то мне кажется, что в последний раз вы играли в нарды со смертью. Но это все-таки вряд ли. Смерть не играет в настольные игры с людьми.

Я усталилась на него, забыв сделать ход: что за чушь?! Но потом кое-что вспомнила и удивилась еще больше. И рассмеялась, потому что правда вышло смешно.

– В последний раз я играла в нарды с папой, – наконец сказала я. – Но знаете где? В похоронном бюро! Он там одно время работал администратором, или что-то вроде того; не знаю, я не вникала, слишком далеко друг от друга живем. Несколько лет назад приезжала в гости, зашла за папой к нему на работу, чтобы вместе идти в ресторан, а ему надо было кого-то дожидаться, не то взять, не то отдать ключи; в общем, тогда мы с ним и поиграли, хороший способ скоротать полчаса.

– А, – с явным облегчением кивнул Юсуф, – да, так понятно. А то получалась какая-то ерунда.

– Но откуда вы вообще взяли?.. – начала было я, но он меня перебил:

– Ваш ход.

Даже не знаю, почему не стала требовать у него объяснений. Скорее всего, потому, что и сама понимала: что ни скажет, все равно не поверю. А если поверю, тем хуже. Мне потом с этим жить.

Первую партию я выиграла, вторую проиграла, третью и четвертую снова выиграла, обе с минимальным преимуществом, зато пятую продула как-то совершенно позорно, а перед началом шестой мы вдруг обнаружили, что уже половина первого. И Юсуф предложил: «Отыграйтесь завтра. Вам же, наверное, рано вставать».

Назавтра я и правда отыгралась, выиграла три партии из четырех. Немного опасалась, что теперь придется играть каждый вечер, и мне быстро надоест, а Юсуф так искренне радуется, что нашел наконец подходящего партнера для любимой игры, что мне будет проще сменить кофейню, чем придумать, как вежливо ему отказать. Но Юсуф больше не вспоминал о нардах, так что примерно через неделю я сама предложила сыграть, и он просиял: «Отлично! Я уже очень соскучился, но не хотел вам надоедать».

В подобных случаях обычно говорят: «Так мы и подружились». Но даже наедине с собой я могу сказать только: «Так мы... не знаю что». Потому что я правда не знаю, что именно произошло между нами. И произошло ли вообще хоть что-то. По большому счету, мы с Юсуфом из «Черной чашки» просто стали регулярно играть в нарды, примерно раз-два в неделю. А иногда вместе выходили покурить.

Однажды мы курили у входа в кафе, а по площади, мимо военного министерства шли моряки в красивой парадной форме. Не знаю, как их к нам занесло, у нас не портовый город; впрочем, неважно. Я тогда почему-то призналась Юсуфу:

– Я в детстве хотела стать моряком, представляете?

– А я – джинном, – откликнулся он.

– Кем?! – переспросила я, в полной уверенности, что ослышалась.

– Джинном, – повторил Юсуф. – Всемогушим, как в сказках, только, конечно, без лампы. Чтобы не выполнять желания любого дурака, который ее найдет, – и, помолчав, добавил: – Но я, кстати, до сих пор не передумал. Работаю в этом направлении. Делаю, что могу.

– Джинном, значит, – растерянным эхом откликнулась я. – Духом, созданным из чистого бездымного пламени. Хорошая, должно быть, профессия. Губа не дура у вас.

– Не дура, – спокойно подтвердил Юсуф. – Но человеку трудно стать джинном.

– Трудно, но все-таки можно?

– Точно пока не знаю. Надеюсь, что да, – сказал он, выбросил докуренную сигарету и исчез за дверью кафе. Я вошла следом; Юсуф как раз ставил перед очередным клиентом чашку с только что сваренным кофе, как будто никуда не выходил.

Три дня спустя, когда я снова застала Юсуфа у входа в «Черную чашку» с сигаретой в зубах, он, не поздоровавшись, сказал:

– Есть сорок правил, исполняя которые на протяжении достаточно долгого времени, человек может стать джинном. А может и не стать, тут уж как повезет. Не всякий человек подходит для превращения в джинна. Но пока не попробуешь, не узнаешь, подходишь ли ты.

Я так удивилась, что споткнулась и чуть не упала; и упала бы, если бы Юсуф меня не подхватил. Спросил:

– Не ушиблись?

А я спросила:

– Что за правила? Откуда вы их узнали? Как такое вообще может быть?

– Понятия не имею, – ответил Юсуф. – Может быть, они мне приснились. А может быть, пригрезились наяву. – И, рассмеявшись, добавил: – А может быть, я просто сам эти правила выдумал. У меня в детстве воображение было – о-го-го!

Мне почему-то стало так обидно, словно я уже твердо решила превратиться в джинна, дело оставалось за малым: получить инструкцию. И вдруг выясняется, что никакой инструкции нет, меня разыграли, умеренно остроумно и совершенно непонятно зачем.

– Извините, – поспешно сказал Юсуф. – На самом деле ничего я не выдумывал. Куда уж мне. Просто сперва сказал вам правду: «Они мне приснились», – сразу понял, как глупо это звучит, и попытался превратить разговор в шутку. Шутка явно не удалась.

– Нормально звучит. Всем время от времени снятся странные сны. И некоторые люди, включая меня, придают им довольно большое значение, – заметила я. И вошла в кафе, а Юсуф остался на улице со своей сигаретой. Но за стойкой он все равно почему-то стоял.

Кроме нас в «Черной чашке» никого не было, хотя время самое бойкое, вечер, в начале седьмого здесь обычно полно народу, куда они сегодня все подевались? Нет, правда, куда?

– Первое Правило Джиннов, – сказал Юсуф, ставя передо мной пиалу с зеленым чаем вместо привычного латте, – гласит: завладей семью вещами, на которые не имеешь права по рождению. Звучит как нечто невыполнимое, правда? Но я в свое время много об этом думал и понял, что не обязательно грабить караваны и убивать царей, чтобы занять их престол. Можно просто уехать из города, в котором родился, поселиться в другом, изучить его лучше, чем старожилы, полюбить, устроиться, завести дом, обрасти кучей приятелей, стать завсегдатаем в местных кофейнях, быть в курсе всех городских новостей, радоваться добрым переменам и огорчаться, когда в городе что-то не так, словом, сделать чужой город своим – вот вам и первый пункт.

– Это и правда не слишком сложно, многие так удачно переезжают, – согласилась я. – А еще что?

– Можно сменить имя, – улыбнулся Юсуф. – По крайней мере, я это сделал; специально выбрал арабское имя – в честь джиннов и просто потому, что я сам – человек другой культуры. Не араб, а наполовину белорус, а наполовину поляк. Мои родители никак не могли назвать ребенка Юсуфом. Никаких шансов! Тем не менее это теперь мое имя. Даже в паспорте записано. Менять документы хлопотно, но я решил, дело стоит таких трудов.

– И юбки вы поэтому носите? – не удержалась я.

– Конечно. Такая одежда по праву рождения мне определенно не положена, она считается женской. А я шестой год постоянно юбки ношу. Уже трудно представить, что раньше одевался иначе; на старых фотографиях какой-то странный незнакомец в штанах. В этом смысле мне, конечно, здорово повезло с эпохой: в наше время одевайся, как хочешь, ничего тебе за это не будет, разве только прохожие иногда оборачиваются, и детишки пялятся, как на клоуна, но это, как по мне, совсем не беда. А еще я курю.

– И что с того? – удивилась я. – Многие курят.

– Не понимая, что они делают, – усмехнулся Юсуф. – Дым некоторых растений, включая табак, предназначается в дар высшим духам. Я курю – возможно, вы обратили внимание – только сигареты из натурального табака. И таким образом, вдыхая дым, присваиваю чужую

еду. Но высшие духи не против. Они на самом деле совсем не жадные. И любят делиться с теми, кто не забывает их благодарить.

Я хотела расспросить его подробнее про высших духов и сигареты, но в это время в кофейню наконец-то ввалилась развеселая компания студенток с разноцветными волосами, и Юсуф занялся их заказом, а я подумала: перекрасить волосы в какой-нибудь розовый, синий или фиолетовый цвет – это, наверное, тоже одно из возможных решений? Вроде бы, сходится: никто на этой планете не мог родиться с таким цветом волос. Интересно, а почему Юсуф не перекрасился? Это даже менее экстравагантно, чем ходить в юбке, по крайней мере, я не раз видела в городе мужчин с разноцветными волосами... И какие еще три вещи он незаконно присвоил, если на то пошло? Увел чужую жену? Издал под своим именем украденную рукопись романа или хотя бы институтский диплом? Перерисовал чужое фамильное дерево, заплатил за печать и теперь может хвастать дворянскими предками? Или выжил после смертельной болезни, присвоив себе саму жизнь? Долго еще ломала голову, но расспрашивать не решилась: захочет – расскажет сам.

Не рассказал. И вообще вел себя как ни в чем не бывало, так что я даже начала сомневаться: да был ли вообще тот странный разговор о правилах для людей, желающих превратиться в джиннов? Или просто приснился? В детстве я совсем не умела различать сны и явь, да и теперь путаюсь иногда.

Но месяца два спустя, во время очередной партии в нарды Юсуф вдруг сказал:

– Вы извините, что иногда сбиваю вас с толку своей болтовней. Со мной в этом смысле трудно: пятое Правило Джиннов велит говорить все, что взбредет в голову, не задумываясь о последствиях. И я стараюсь по мере возможности его выполнять.

– Если так, вы плохо стараетесь, – заметила я. – Я имею в виду, вы довольно редко говорите странные вещи.

– Так это потому, что они редко приходят мне в голову, – улыбнулся Юсуф. – Я в сущности скучный человек.

– А какие остальные правила? – рискнула спросить я. И тут же прикусила язык. Будь я на месте Юсуфа, мне бы совсем не понравилось, что кто-то бесперемонно лезет в мои дела.

Но он не рассердился, только печально вздохнул:

– Я понимаю, как это некрасиво: заинтриговать и ничего толком не объяснить. Но, к сожалению, восемнадцатое Правило Джиннов запрещает раскрывать людям тайны. Нечаянно проболтаться можно, а намеренно рассказать, увы, нельзя. Я бы с удовольствием выдумал несуществующие правила, специально чтобы вас развлечь, но третье Правило Джиннов гласит, что лгать нельзя даже в шутку. А если нечаянно вырвалось, надо сразу же извиниться перед собеседником и признаться, что обманул. Это, пожалуй, самое трудновыполнимое правило, очень я с ним намучился, пока привык. Хорошо хоть умалчивать и недоговаривать разрешается, а то даже не знаю, как бы я дожил до этого дня.

– Да, всегда говорить правду довольно неудобно, – согласилась я.

Больше я его о правилах не расспрашивала, но однажды, вернувшись домой, нашла в кармане пальто салфетку из «Черной чашки», тоже, конечно, черную, на которой белым карандашом было написано: «Девятое Правило Джиннов: каждый день кого-нибудь удивляй». И почему-то обрадовалась, хотя, по идее, должна была рассердиться, что он залез мне в карман. Но Юсуф есть Юсуф, поди на него рассердись.

В ноябре, когда дни делаются все короче, а до солнцеворота еще так мучительно далеко, что в него почти невозможно поверить, мне стало хуже. Ничего удивительного, в это время мне всегда становится хуже, в смысле повеситься хочется даже во сне; на самом деле это не так страшно, как, наверное, можно подумать, страшно было только в первые годы, пока я не

привыкла и не убедилась на опыте, что эта горькая вечная тьма не имеет надо мной особенной власти, точнее, что она – это не вся я. Кроме тьмы есть что-то еще, и оно твердо решило выжить, не для радости, которой мне, в силу устройства организма, не светит, а просто назло. Чтобы не достаться тьме на завтрак, обед и ужин, ишь, раскатала губу, обойдется! Что-что, а это пока в моей власти – заставить тьму голодать.

Поэтому я не только до сих пор не повесилась, но каждый день хожу на работу и даже не путаюсь в цифрах, чего только не сделаешь назло врагу. А что с кислой мордой, и вокруг меня густое черное облако, невидимое, но явственно ощутимое – ничего не попишешь, коллеги потерпят, благо у меня отдельный кабинет. Но другим людям меня в это время, конечно, лучше не видеть. Дело не в том, что я опасаясь с ними рассориться или чем-то обидеть, просто иррационально боюсь, что их поглотит моя голодная тьма. Хотя, конечно, так не бывает. Чужая тьма никому не страшна. Умом я это понимаю, но все равно стараюсь ни с кем не встречаться, даже с родителями по телефону не разговариваю, только пишу короткие сообщения; к счастью, они верят, что с ноября до Нового года у меня на работе страшный завал.

Но в «Черную чашку» я, конечно, исправно заходила каждый день, по утрам и после работы; не такая я дура, чтобы отказаться от этого утешения, последнего аргумента в споре с тьмой, единственного недолговечного убежища от нее. Ради этих визитов я весь день копила силы; их худо-бедно хватало на одну почти искреннюю улыбку, с которой я говорила Юсуфу: «Привет». Он отвечал, как обычно, развлекал меня болтовней, несколько раз доставал из-под стойки нарды – за эти дары я была ему благодарна, хотя знал бы кто, сколько усилий мне стоило их принимать.

Однажды во время игры – я как раз начала выигрывать и почти по-настоящему этому радовалась, ну, насколько могла – Юсуф вдруг сказал: «О. Кажется, это можно убрать», – и коснулся моего лба; жест совершенно неуместный, но безобидный, так проверяют, не поднялась ли температура. Я даже не отшатнулась, но удивилась: чего это он? Но не успела спросить, потому что расплакалась. Сама не знаю, как это произошло, обычно я очень сдержанная, даже наедине с собой.

Ничего не случилось, поступок Юсуфа меня не обидел, только чуть-чуть удивил, но я рыдала, как в раннем детстве, когда любое огорчение – горькое горе, малейший испуг – лютый ужас, а пустяковая обида невыносима, и кажется, что все это – навсегда. Юсуф сохранял полную невозмутимость, только выдал мне пачку салфеток и сказал:

– Двадцать первое Правило Джиннов гласит: «Когда хочется плакать, плачь». Вам, конечно, эти правила исполнять необязательно, зато мне есть, чему поучиться. Отлично вы плачете, даже зависть берет.

Услышать про зависть почему-то было так смешно, что я рассмеялась сквозь слезы. А досмеявшись, обнаружила, что слезы наконец-то закончились. И сказала Юсуфу:

– Хорошо. Значит, я могу не извиняться. И не объяснять свое поведение. Тем более, я все равно не знаю, как его объяснить.

Он отмахнулся:

– Еще и не такое бывает. Лучше делайте ход, пока я не воспользовался вашим положением и не начал переставлять шашки. Правила правилами, но я с рождения жулик, а против природы не попрешь.

Как-то мы доиграли; кажется, я даже выиграла эту партию, впрочем, не поручусь, очень плохо помню, чем закончился вечер. И только по дороге домой, заметив, что кручу в руках сложенный зонт, словно бы выполняя простенькое упражнение с мечом, поняла, что настроение у меня если и не отличное, то как минимум легкомысленное. И никакой тьмы во мне нет. Только снаружи, но она-то как раз совсем не страшная, мутно-желтая, призрачно-голубая, местами оранжевая из-за фонарей.

Тьма не вернулась ко мне ни во сне, ни наутро, а к вечеру я уже почти не верила, что была какая-то тьма, превратившая мою жизнь в аккуратный, грамотно спроектированный филиал ада на одну условно грешную душу; на самом деле, очень условно, сколько там тех грехов. Помнить – помнила и вряд ли когда-нибудь забуду, но не всем измученным телом, как обычно даже выздоровев, вспоминают болезни, а только теоретически: «было – так».

Я, конечно, зашла в «Черную чашку» с утра, по дороге на работу, как почти всегда делала. Юсуф приветливо поздоровался, поставил передо мной эспresso и убежал протирать столы; впрочем, все к лучшему, мне надо было спешить. Зато вечером он предложил выйти покурить, угостил своей сигаретой, как по мне, слишком уж крепкой, все-таки я совсем не высший дух. И с нескрываемым, явно злорадным удовольствием любовался, как я давлюсь горьким дымом, наконец, милосердно отнял угощение, утешил:

– Ничего, я к ним тоже не сразу привык.

Дождался, пока я развернусь, чтобы войти обратно в кофейню, и прошептал, почти касаясь губами затылка:

– Пятнадцатое правило джиннов гласит: «Не печалься о чужих болезнях, скорбях и бедах, но если можешь исцелить, исцеляй».

А когда я переступила порог «Черной чашки», он, конечно, был уже там, стоял, склонившись над кофейной машиной, то ли исправлял какую-то поломку, то ли просто фильтры менял, такой серьезный и сосредоточенный, что я не решилась спросить, какого черта он дурит мне голову. В смысле, сказать, что я теперь, кажется, должна ему целую жизнь. И не знаю, чем отдавать такой долг. И не факт, что придумаю. В общем, я промолчала, но Юсуф все равно ответил, на миг оторвавшись от недовольно фыркающей машины: «Не все долги надо отдавать».

С Рождества до Нового года в нашей фирме каникулы, и на эту неделю я всегда уезжаю куда-нибудь к морю, в тепло. Я люблю путешествия, можно сказать, только ради них и работаю, а возможность удрать из нашей темной мокрой зимы в чужое вечное лето – это настоящее счастье, в той форме, в какой оно вообще доступно для меня.

Билеты я всегда покупаю заранее, еще весной. И гостиницу заказываю примерно тогда же. Потом цены начинают расти и к осени взлетают до почти немислимых, но дело, конечно, не только в этом; то есть на самом деле вообще не в этом, экономна я только в теории, на практике мне плевать. Просто к началу каникул от меня обычно остается так мало, что добровольно пальцем не пошевелю, а оплаченные билеты тянут меня как на аркане – туда, где будет почти хорошо. Нехитрый трюк, но со мной он неизменно срабатывает: я не люблю, когда рушатся мои планы. Терпеть этого не могу.

На этот раз все было иначе – в том смысле, что меня не надо было тащить на аркане, я сама подпрыгивала от нетерпения, предвкушая поездку: если уж раньше солнце и море меня хоть немного, да радовали, то как же отлично там будет сейчас!

За несколько дней до праздников я увидела объявление на дверях «Черной чашки». Там было написано: «В Сочельник кофейня будет работать до полуночи, ждем всех, кому одиноко в Рождество». Я сперва очень обрадовалась такой прекрасной идее, но потом вспомнила, что улетаю двадцать четвертого, сразу после обеда, так что не для меня этот праздник. Так и вошла в растрепанных чувствах, улыбаясь и чуть не плача. На вопросительный взгляд Юсуфа честно ответила:

– Огорчилась, что не попаду на вашу рождественскую вечеринку. Еду в отпуск, двадцать четвертого днем самолет.

– И правда жаль, – согласился он. Больше ничего не сказал, даже, кажется, ободряюще улыбнулся одной половиной рта, но вернувшись домой, я поменяла билет на двадцать пятое. Страшно вспомнить, какую пришлось добавлять доплату, но денег было совсем не жаль. Чувствовала себя полной дурой, и это свежее, яркое ощущение захватило меня целиком.

Юсуфу я ничего не сказала. Решила, пусть будет сюрприз. Сам говорил, что девятое Правило Джиннов велит каждый день кого-нибудь удивлять. Вернее, написал на салфетке. Я ее тогда приколотла кнопкой к доске для записей в коридоре; так до сих пор и висит.

По дороге я, помню, подумала: «Вот будет номер, если кофейня закрыта!» – и тут же отругала себя за глупость. Юсуф написал объявление, значит, будет работать. Кому и верить, если не ему.

Свернув на площадь, я увидела, что в «Черной чашке» горит свет, и прибавила шаг. Впрочем, я всю дорогу очень быстро шла, даже жарко стало, хотя была в легком осеннем пальто – очень уж теплый выдался вечер. У нас почти всегда «черное», то есть бесснежное Рождество.

Юсуф курил у входа, заметил меня издалека, поднял руку в приветственном жесте. Сказал:

– Не надеялся, что вы придете. – Подумав, добавил: – Но все равно верил, что будет именно так. Надежда и вера, сами знаете, разные вещи.

– Разные, – подтвердила я.

Я думала, в кофейне этим вечером будет или совсем пусто, или, наоборот, людно и празднично. Но не угадала: вечером Сочельника в «Черной Чашке» все было как всегда, точнее, как ранним вечером воскресенья: народу немного, зато все расслабленные и довольные, заказывают чаще чай лате, чем кофе, многие берут пирожные, и никто никуда не спешит. Вот и сейчас за одним столом сидела рыжая парочка, которую я здесь время от времени встречала, за другим – маленькая кудрявая женщина, невзрачный коренастый мужчина средних лет и высокий блондин, за обе щеки уписывающий шоколадный торт; этих я, кажется, тоже видела пару раз. А на подоконнике, теоретически предназначенном для романтических юных дев, расположились два здоровенных дядьки, еле втиснувшись, бедные, и вот их-то я точно видела в первый раз, а то бы запомнила: у одного глаза ярко-зеленые, как огни светофора, у второго к разбойничьей роже прилагались совершенно детские ямочки на щеках.

Юсуф поставил передо мной высокую прозрачную чашку с кофе и шапкой взбитых сливок, сказал:

– По случаю праздника с настоящим ямайским ромом. Называется «Фарисей». Его положено пить, не размешивая, сквозь сливки, но если очень хочется, так и быть, размешайте. Слова дурного вам не скажу.

И подхватив еще две таких чашки, понес их дядькам на подоконнике. Вернувшись, достал нарды, подмигнул мне:

– Когда еще и играть.

То ли кофе с ромом на меня так подействовал, то ли просто общая атмосфера, но я продула четыре партии кряду, чего прежде никогда не случалось. Мы с Юсуфом всегда играли примерно на равных, даже я чуть-чуть лучше, логика и расчет – моя сильная сторона. Но, похоже, вся моя логика улетела в отпуск вовремя, в отличие от остальной меня.

– Не огорчайтесь, – сказал Юсуф после четвертой партии. – Мне сегодня с самого утра везет, аж голова кругом. Такой уж день. Идемте лучше покурим, пока никто не хочет добавки. Надо ловить момент.

– ...Последнее, сороковое правило Джиннов гласит: «Исчезая из мира людей, можно выбрать, в чьей памяти ты останешься», – сказал Юсуф, прикурив свою черную сигарету. – Мне это нравится. Как-то я не готов вот так сразу совсем с концами исчезать. Как вы на это смотрите?

– На что? – опешила я. – На перспективу исчезнуть с концами? А что, знаете, может, я и не против – если не прямо сейчас.

– Ну что вы. Куда вам сейчас исчезать, – совершенно серьезно ответил Юсуф. – Вы, можно сказать, только жить начали... я имею в виду, делать это с удовольствием. Не самый подходящий момент все бросать. Я хотел спросить, как вы посмотрите, если я останусь именно в вашей памяти? Мне кажется, вам это скорее понравится, чем повредит, но мало ли, что мне кажется. Может быть, вы не такая, как я себе представляю. Я довольно плохо разбираюсь в людях. И вообще фантазер.

Этот разговор мне не нравился. Какой-то он был не праздничный. Недостаточно легкомысленный для новой, сегодняшней, глупой, счастливой меня. И я честно попыталась разрядить обстановку:

– В моей памяти вы все равно останетесь, хотите того или нет. Некоторые вещи не забываются. Одни ваши юбки чего стоят! Нет уж, такие воспоминания я ни за какие сокровища не отдам.

– Отлично, – кивнул Юсуф. – Значит, по рукам.

И действительно протянул мне руку. Пришлось ее пожимать. Ладонь у него была такая горячая, словно он только что вышел из сауны. Или специально на радиаторе руки грел.

В награду за покладистость я получила еще порцию «Фарисея». И еще одну. Вечер набирал обороты, в «Черную чашку» ввалилась компания трезвых, но возбужденных туристов во главе с крупной дамой в шапочке Санта-Клауса, которая восторженно повторяла: «А я вам говорила, это Вильнюс! Самый чокнутый город на свете! Здесь даже в Сочельник работают кофейни! Убедились теперь?» Юсуф угостил их кофе за счет заведения и прибавил громкость на магнитоле, которая тихо напевала что-то себе под нос в дальнем углу. Рождественские гимны сменились танцевальной музыкой; после какого-то по счету «Фарисея» я внезапно обнаружила себя танцующей невообразимо дикую пародию на танго в объятиях незнакомца с разбойничьей рожей, причем, кажется, где-то под потолком. Впрочем, это обстоятельство смутило меня только наутро, когда я, невыспавшаяся, но неописуемо довольная собой и жизнью, волокла вниз по лестнице чемодан, пытаюсь вспомнить, как вернулась домой.

Правильный ответ: да никак не вернулась. Просто почему-то проснулась там.

Семь дней отпуска пролетели, как один очень длинный, ленивый, утомительный, скучный, веселый, солнечный, пасмурный, заполненный одиночеством и болтовней с незнакомцами день. А что в ходе этого дня несколько раз прилегла ненадолго поспать – так это обычное дело на южном морском курорте, где размеренно тянется и незаметно пролетает наша чужая, под проценты одолженная у скупердяйки-судьбы жизнь. Мне она всегда нравилась больше, чем настоящая, могла бы, застыла бы в этой капле солнечной теплой смолы навсегда, но на этот раз мысли о возвращении домой не портили мне удовольствия, а, наоборот, взбадривали. «Прилечу ранним вечером, – думала я, – и сразу пойду в “Черную чашку”. И тогда...» Я понятия не имела, что будет тогда. Скорее всего, ничего особенного: Юсуф приготовит мне латте, скажет: «Долго вас не было», – и достанет нарды. Ну или просто позовет покурить. И расскажет еще что-нибудь о Правилах Джиннов, или, что гораздо более вероятно, о них помолчит, но так выразительно, что лучше любого разговора. А может, вообще ничего не произойдет. Меня в равной степени устраивали все варианты. Кроме одного, но его я предвидеть никак не могла.

Кофейни «Черная чашка» на площади напротив военного министерства не было. И вообще никакой кофейни. В том месте, где мы с Юсуфом курили у входа, теперь была только стена, причем не стена здания, а просто сравнительно невысокая ограда, отделяющая площадь от территории Президентуры; я и сама не понимала, где тут могла уместиться кофейня. Но она была! Совершенно точно была, несколько лет. Называлась «Черная чашка»; господи, да у меня дома салфетка из этой кофейни, я только что оттуда, своими глазами видела: салфетка висит!

Я так растерялась, что несколько раз зачем-то обошла площадь, превращенную в стоянку для автомобилей работников военного министерства, потом пошла вдоль стены, сунулась в открытую калитку, попала в проходной двор, через который часто возвращалась домой из кофейни, вцепилась в первого встречного старичка: «Скажите, пожалуйста, здесь рядом недавно было кафе...», но по выражению его лица поняла, что расспросы бесполезны, кафе моего собеседника совершенно не интересовали, вне зависимости от того, рядом они находятся или нет.

Я больше никого не пыталась расспрашивать, а собралась с духом, взяла телефон, вошла в интернет, отправила запрос: «Вильнюс кафе черная чашка». Поиск выдал мне кучу названий кафе и ресторанов: Caffeine, Mint Vinetu, Kinza и еще какую-то ерунду, не имеющую ни малейшего отношения к настоящей «Черной чашке», куда я ежедневно ходила, к Юсуфу, его юбкам, нардам и Правилам Джиннов, к нашему Сочельнику с «Фарисеями» и ко мне, счастливой, пьяной, танцующей танго, ужасно довольной своей жизнью, хотя так и не ставшей моряком.

Я даже теперь совсем не чувствовала себя несчастной. Растерянной – да. Сбитой с толку. Огорченной. Испуганной. Очень сердитой. Но несчастной – нет. Если бы сейчас передо мной появился Юсуф, я бы, наверное, его поколотила – не по-настоящему, не всерьез, как любимые младшие сестры дубасят кулаками своих терпеливых братьев, от всего сердца, но вполсилы, твердо зная, что сдачи им не дадут.

Дома я сразу метнулась к доске в коридоре: висит салфетка? Слава богу, висит. И надпись цела: «Девятое Правило Джиннов: каждый день кого-нибудь удивляй». Юсуф, конечно, молодец, хорошо выполняет правила. Вот уж удивил так удивил.

Тогда я вспомнила еще одно, не помню, какое по счету правило: «Когда хочется плакать, плачь». И дала себе волю. В смысле разревелась прямо в коридоре, даже пальто не сняла.

А потом слезы закончились. Их всегда оказывается гораздо больше, чем можно предположить, но все-таки меньше, чем нужно, чтобы плакать вечно. И я, шатаясь от слабости, и придерживаясь за стену, пошла на кухню, чтобы пополнить запас. В смысле выпить воды.

Даже не включая свет, я увидела, что на кухонном столе лежит тетрадка. Совершенно точно не моя, бумажных тетрадей у меня в доме отродясь не водилось. Я их не покупаю уже много лет.

Тетрадка была горячая. Не настолько, чтобы обжечься, но чтобы согреться – в самый раз. Я долго сидела в темноте на табурете, поочередно прижимая тетрадь то к лицу, то к груди, то к коленям, то к шее, очень уж приятно было ощущать ее тепло.

Потом я все-таки включила свет. И увидела, что тетрадь очень старая, обложка, когда-то красная, выцвела до бледно-розовой. И аккуратная надпись «Правила Джиннов» поблекла, но все-таки была вполне различима. Я открыла ее на последней странице, повинувшись детской привычке начинать читать книги с финала, чтобы сразу узнать, чем дело закончилось, и потом не особо переживать. Там было написано: «Тридцать девятое правило: при всякой возможности делай подарки, которых сам никогда не получал».

Проход Йоно Меко (Jono Meko skersvėjo takas) Сквозной проход

– Какая сегодня будет улица? – спрашивает Нёхиси.

Знает, что в качестве секретаря я прекрасен, как свальный грех всадников Апокалипсиса, но спрашивает все равно.

Его счастье, что я честный. И не делаю вид, будто пытаюсь вспомнить то, чего никогда не знал. А просто корчу первую попавшуюся дурацкую рожу и говорю:

– Да какая пожелаешь.

Мое счастье, что он азартный. И вместо того, чтобы испепелять меня негодующим взором, радуется:

– Забыл? Отлично! Значит, можно погадать.

На свет божий появляется шляпа. Откуда она появляется – отдельный вопрос. Обычно я в таких случаях говорю (в том числе, и себе), что Нёхиси достал ее из рукава, как фокусник. Но сейчас он выглядит, как довольно крупный солнечно-рыжий кот. Какие могут быть рукава у кота.

Что касается меня, в данный момент я выгляжу как человек. Относительно невидимый, то есть видимый не всем подряд. Однако руки у меня на месте, и это не настолько хорошая новость, как может показаться. Она означает, что я обречен писать.

На свет, по-прежнему божий, извлекаются – на этот раз хотя бы ясно, что из шляпы – школьная тетрадка в линейку и карандаш.

– Записывай! – командует Нёхиси. – Я буду диктовать.

Что с ним поделать, записываю названия улиц Старого города, благо Нёхиси помнит их наизусть. Ну то есть как – теоретически считается, что помнит. А на практике всякий раз получается разное количество. Несколько лет назад было сто восемь, как имен у Шивы или бусин на буддийских четках; я, помню, очень радовался этому совпадению, носился с ним, как с писанной торбой, пока при следующем подсчете улиц не оказалось сто двадцать шесть. Потом их вдруг стало сто четырнадцать, потом сто пять, потом внезапно сто тридцать одна, и я окончательно махнул рукой на подсчеты. Так до сих и не понял – то ли память Нёхиси не столь совершенна, как, по идее, положено всемогущему существу, то ли число наших улиц действительно непостоянно, причем само по себе – лично я в их дела до сих пор никогда не вмешивался и по своей воле ничего не менял. Хотя, может, и следовало бы. Любой бардак должен либо быть немедленно упорядочен, либо с самого начала организован мной.

На этот раз улиц у нас сто девятнадцать. Ладно, тоже хорошее число. Бумажки мы, разумеется, складываем в шляпу, чтобы вытянуть одну наугад. Отдельный вопрос, кто ее будет вытягивать. Не то чтобы нам обоим настолько нет веры, жульничать самим неинтересно. Просто Нёхиси всемогущий или что-то вроде того, да и я не совсем пропащая душа. Заранее ясно, что любой из нас, сам того не желая, вытащит из шляпы бумажку с названием улицы, которую прямо сейчас по какой-то причине любит больше других. Это не то чтобы катастрофа, но какой тогда смысл гадать.

Поэтому мы сидим на низком подоконнике, рядом с витриной сувенирного магазина, где полчаса назад устроились со своим рукоделием, и озираемся по сторонам в поисках помощника. Довольно долго, надо сказать, озираемся. Не то чтобы нам нужен какой-то особенный человек. Любой, кто способен сейчас меня увидеть, вполне подойдет. Но в три пополудни, во вторник таких героев не то чтобы много: люди слишком заняты повседневными делами, а это

здорово мешает видеть реальность такой, какова она есть – непостижимой, неопределенной и полной сюрпризов.

Одна надежда на туристов. Собственно для того они и уезжают из дома невесть куда, чтобы увидеть что-нибудь необычное. Например, меня.

Вот и сейчас нас выручает крупная черноглазая девица в зеленом пальто, с ярко-оранжевой шевелюрой и рюкзаком в виде розового клыкастого демона за спиной. Она пытается незаметно сфотографировать меня телефоном, но я перехватываю ее взгляд и говорю по-английски:

– А покажите, что получилось!

Это не просто повод заговорить, мне действительно интересно. По тому, что человек увидел на месте меня, можно довольно много понять о нем самом. А я люблю понимать.

С экрана телефона, любезно предоставленного смущенной девицей, на нас взирает здоровенный бритоголовый старец, с бородой, заплетенной в разноцветный косы. Нос у этого удивительного меня размером чуть ли не в полголовы, один глаз прикрыт пиратской повязкой, шея замотана ажурной вязаной шалью с кистями, камуфляжная куртка украшена брошью в виде божьей коровки, на руках тяжеленные перстни в форме черепов. Что тут скажешь, хорош засранец. Отличное чувство комического у девочки. И неплохой, хоть и несколько эксцентричный вкус.

Нёхиси, едва взглянув на снимок, задирает хвост и пулей удирает в ближайшую подворотню. Он молодец. Вряд ли эта милая барышня способна сохранить душевное равновесие, услышав, как басовито хохочет вполне обычный с виду уличный кот.

– Спасибо, – говорю я, возвращая телефон владелице. – Отлично получилось.

– А можно я вас еще раз сфотографирую? – осмелев, спрашивает она. – В другом ракурсе? В смысле вблизи.

– Можно. Но только при одном условии... – начинаю я.

На этом месте барышня заметно напрягается, явно прикидывая, не придется ли ей сейчас удирать от полоумного старца. Нормальная на самом деле реакция, я бы на ее месте тоже насторожился. От такого типа, каким я ей привиделся, чего угодно можно ждать.

– Просто достаньте из этой шляпы бумажку, – говорю я. – Одну, наугад.

– О, так я буду ярмарочным попугаем! – радуется она.

У меня на языке вертится: «Расцветка у вас для такой роли что надо», – но я благоразумно помалкиваю. С этими юными девицами никогда не угадаешь, какой комплимент их обрадует, а какой испортит настроение на ближайшие семьдесят лет.

– Так какая же у нас сегодня улица? – нетерпеливо спрашивает Нёхиси.

Барышня уже удалилась, предварительно сфотографировав меня примерно три миллиона раз. А он как раз досмеялся и вышел из подворотни, все такой же рыжий, по-прежнему кот. Этот облик он способен носить целый день, даже цвет не меняя. Все прочие надоедают ему гораздо быстрее.

– Очень странная, – говорю я. – Она даже не то чтобы улица. А какой-то сквозняк имени Йонаса Мекаса¹ – если дословно. Знаю художника с таким именем², но что в его честь назвали некий проход, впервые слышу. Это вообще где?

¹ Улица, о которой здесь идет речь, называется Jono Meko skersvėjo takas – «сквозной проход Йонаса Мекаса», но дословно это может быть прочитано как «проход сквозняка».

² Йонас Мекас (1922) – американский режиссер-авангардист литовского происхождения. В 1954 году с братом Адольфом начал издавать журнал «Кинокультура» (Film Culture), который со временем стал считаться самым важным изданием о кино в США. В 1962 году он основал знаменитый «Кооператив кинематографистов» (Film-Makers' Cooperative), а в 1964 – «Синематеку кинематографистов» (Film-Makers' Cinematheque), которые в конечном итоге переросли в «Антологический

– Ну здравствуйте. Это же твоя любимая лестница от Ужуписа к Художественной академии. Где раньше ангел в арке висел, пока ты не подговорил его улететь.

– Не подговорил, а просто честно рассказал о разнообразии возможностей, открытых всем крылатым существам. Каждый гражданин, даже если он жестяной ангел, должен знать свои права.

– Ладно, – вздыхает Нёхиси. – Пусть так.

– Надо же, я даже не подозревал, что эта лестница считается отдельной улицей. И кстати, не помню, что записывал это название. Ты мне такое точно диктовал?

– Если твоя подружка достала бумажку из нашей шляпы, значит диктовал, – невозмутимо отвечает Нёхиси. – Иначе откуда бы ей там взяться, сам посуди. Чудес не бывает.

Смешно.

– Ладно, – говорю, – что теперь делать. Впрочем, место вполне подходящее для игры. В каком-то смысле, даже наилучшее из возможных. Пошли?

– ...Здесь что, вообще никто никогда не ходит? – возмущается Нёхиси. – Мы сидим уже три часа!

На самом деле максимум десять минут. Но у каждого свое ощущение времени, поэтому спорить бессмысленно. Только сочувственно покивать. И объяснить:

– Всего третий день, как более-менее потеплело. За зиму все привыкли, что ступеньки обледенели, поэтому вниз, к академии лучше ходить другой дорогой. Еще не успели сообразить, что лед растаял, вот и нет никого. Ничего, кто-нибудь да появится, куда они денутся. Не грусти. Хорошо же сидим.

Сидим мы и правда отлично, по крайней мере, с точки зрения кота: на заборе, обмотанном строительной сеткой. Будь мое тело чуть более человеческим, ни за что бы сюда не полез, но сегодня я в отличной физической форме, позволяющей элегантно воспарить над любыми обстоятельствами, включая неудобные для сидения поверхности. Всегда бы так.

– Ну вот! – наконец восклицаю я. – Смотри, кто-то здесь все-таки ходит. Не зря ждем.

– Какие девчонки хорошие!

От избытка чувств Нёхиси по кошачьему обычаю бодает меня в бок. Я отвечаю ему торжествующей улыбкой – видишь, я же тебе говорил!

Хотя проку от этих девчонок, честно говоря, никакого. Вчетвером идут. А по нашим правилам игрок обязательно должен быть один, иначе ничего не получится. Но все равно, почин есть почин, а красивые студентки Художественной академии, будем считать, хорошая примета. Теперь дело пойдет.

– Вот, – говорит Нёхиси, – Вот! Наконец-то. Идет одна. Смотри, какая красotka!

Я с энтузиазмом соглашаюсь:

– О да!

На самом деле вполне обычная женщина лет тридцати. В черном пуховике с капюшоном и джинсах в обтяжку, которые, будем честны, не делают ноги тоньше, а потому мало кого красят, но ей вполне можно такие носить. Хотя лично я...

На этом месте во мне некстати просыпается художник, что само по себе не беда, но он тут же будит своего непутевого брата дизайнера. Теперь я обречен мысленно наряжать незнакомку, приближая ее к существующему исключительно в моем воображении идеалу. Да столь увлеченно, что не сразу замечаю, как лестница исчезает, склон холма становится бескрайней равниной, залитой талой водой, так что казалась бы озером или даже морем, если бы из

этой воды не поднимались высокие белоствольные деревья, по-зимнему голые, но с уже набухающими темно-вишневыми почками. Интересно, что из таких в итоге получится? Красные листья? Цветы?

Я смотрю, как женщина останавливается, прижав руки к груди; другие, оказавшись на ее месте, обычно озираются по сторонам, а эта застыла, как статуя, и только полы длинного серебристого плаща трепещут на теплом влажном ветру, как па...

Бездарное на самом деле сравнение. Никуда не годится. При чем тут какие-то паруса.

– Плащ – твоя работа? – деловито спрашивает Нёхиси. – Или она сама?

Пожимаю плечами.

– Поди теперь разбери. Ты лучше посмотри, какие у нее здесь удивительные облака. Ты такие когда-нибудь видел?

– Видел, – подумав, кивает Нёхиси. – Такие прозрачно-зеленые, сияющие, как будто их подсветили лампой, иногда проплывают на границе между сновидениями шестого и седьмого уровня погружения, которых обычно никто не помнит наяву. А эта красotka себе оттуда облака утащила – что тут скажешь, молодец.

В этот момент женщина тяжело оседает на землю, и мы оба сразу понимаем: с нее хватит. Пора немедленно прекращать. Хотя разыгравшееся пространство, будь на то его воля, еще бы пару минут в таком виде с удовольствием покрасовалось. Но на сегодня – все.

Миг спустя наваждение рассеивается, вместо серебристого плаща на женщине снова черный пуховик, вместо зеленых сияющих облаков – наши обычные февральские тучи, а вместо залитой водой равнины – склон холма, строительные заборы, стены домов и частично отремонтированная лестница, на одной из ступенек которой она и сидит. Ничего страшного не случилось, даже не примерещилось, просто шла, как всегда замечтавшись, не смотрела под ноги, споткнулась, и вот результат.

Меньше, чем я втайне рассчитывал. Но все-таки лучше, чем ничего.

– Гораздо лучше, чем ничего, – говорит мне Нёхиси. – Она, конечно, забудет. Вернее, скажет себе, что ей даже нечего забывать. Зато этот холм не забудет, как был мокрой весенней равниной и как в талой воде отражались сияющие облака. Такого воспоминания ему всю жизнь не хватало.

Ну, это да.

Трудно сказать, для кого мы на самом деле играем. Ясно, что в первую очередь для себя – как и все, что делаем. Но не только.

Нёхиси считает, что земле, на которой построен наш город, очень полезно время от времени ненадолго превращаться во что-то такое, чем она никогда до сих пор не была. Я с ним не спорю, но втайне болею за игроков – за случайных прохожих, оказавшихся в нужное время в нужном месте, где можно увидеть свой персональный утраченный рай, подлинную причину вечной неосознанной горечи, невыразимую тайную родину своего сердца. Формулировки, конечно, никуда не годятся, просто я не знаю, как еще можно назвать пейзажи, возникающие перед взорами одиноких прохожих, когда мы с Нёхиси вытаскиваем наугад из шляпы очередную бумажку с названием улицы, которой суждено пережить кратковременные удивительные превращения, занимаем места на галерке и принимаемся ждать. Все остальное наши игроки делают сами. То есть мы не подсовываем им собственные наваждения. Наоборот, затем и играем, чтобы увидеть чужие. Не только, конечно, но в том числе и затем.

Вот о чем я думаю, пока мимо нас проходит очередная шумная компания студентов, за ними старушка с внуком примерно пяти лет и парочка туристов, безостановочно фотографирующих телефонами наши живописные руины и разноцветные граффити на стене.

Хорошие ребята, но, увы, не в игре.

– Мальчишка! – оживляется Нёхиси. – Смотри, какой отличный мальчишка! И один, без спутников. Это он большой молодец.

«Мальчишке» вот так навскидку вряд ли меньше пятидесяти. Но это видят мои неисправимо человеческие глаза, а Нёхиси своими кошачьими, как говорят в таких случаях, прозревает самую суть. Поэтому мое дело маленькое – засунуть в задницу свои суждения и почтительно внимать.

Длинный и тонкий, как богомол, в очках с толстыми стеклами, с трижды обмотанным вокруг тощей шеи полосатым вязаным шарфом, одетый скорее небрежно, чем по-настоящему бедно, наполовину русый, наполовину седой, наш мальчишка вприпрыжку бежит по лестнице, того гляди взлетит. И похоже, его совсем не смущает, что лестница идет уже не вниз, к реке, а вверх по заросшему какими-то дикими синими травами склону горы, такой высокой, что даже нам с Нёхиси не разглядеть ее вершину; похоже, эта гора бесконечна, никакой вершины у нее просто нет.

– Смотри, совсем не испугался, – одобрительно говорит Нёхиси.

– Или вообще не заметил, что стало... эээ... немного не так?

Словно бы отвечая на мой вопрос, очкарик смеется громко и торжествующе: наконец-то вышло по-моему! – вот о чем его смех. А когда гора с синей травой исчезает, сменяясь обычным пейзажем, он на ходу, не замедлив шаг, даже не сбившись дыханием, грозит небу неожиданно большим при его худобе кулаком. Можно подумать, это у них старый спор.

– Это у них старый спор, – вслух произносит Нёхиси. – У мальчишки со всем остальным миром, я имею в виду. Он с детства хотел усилием воли изменить реальность, почти все равно каким образом, лишь бы своими глазами увидеть, как – ну, к примеру, на ровном месте вырастает самая высокая в мире гора. Или залитая асфальтом площадь становится рощей столетних дубов. Или болото знойной пустыней. На самом деле, ему все равно, что во что превратится. Или почти все равно.

– И, судя по тому, как он держался, у него уже кое-что получалось, – улыбаюсь я. – Это явно не первый раз.

– Только подолгу удерживать не умеет, – кивает Нёхиси. – Оно и понятно: здешняя материя все-таки чересчур инертна, даже для меня. Надо постараться не упускать его из виду, это хороший партнер для большой игры. Если забуду о нем, напомни. Договорились?

Не будь он котом, я бы сейчас повис у него на шее. Но не на чем там пока повисать, придется для выражения своих сложных и сильных чувств воспользоваться строительным забормом, должен же быть от него хоть какой-нибудь прок.

– Отлично кувыркаешься, – одобрительно говорит, глядя на мои упражнения, Нёхиси. – Не знал, что ты акробат.

Словно бы в ответ на мое веселье, на лестнице появляется еще один мальчишка. Этот уже настоящий, я имею в виду, он выглядит, как подросток, каковым, строго говоря, и является. Навскидку, не больше пятнадцати лет.

– Ты его помнишь? – взволнованно спрашивает Нёхиси. – Очень везучий! Он уже дважды нам попадался: на Кафедральной площади и...

– И возле горы Трех Крестов³, – подхватываю я. – Причем оба раза видел одно и то же: белый замок, похожий на Нойшванштайн⁴, только примерно вчетверо выше. И такой сияющий,

³ Речь о горе Trijų Kryžių Kalnas, на вершине которой установлен памятник жертвам сталинизма в виде трех белых крестов. Впрочем, кресты на этой горе стояли с первой половины семнадцатого века. Тогда они считались памятником монахам-францисканцам, убитым язычниками. Власти, то российские царские, то немецкие, то советские эти кресты периодически сносили, а население упорно их восстанавливало.

⁴ Замок Нойшванштайн (буквально: «Новый лебединый утес») – знаменитый романтический замок баварского короля Людвига II в юго-западной Баварии. Король принимал настолько активное участие в разработке чертежей, что замок можно

словно его строили специально приглашенные ангелы из материалов, выписанных с небес. А вот, собственно, и он.

Белый замок уже тут как тут, он красуется на вершине горы Трех Крестов, по такому случаю изрядно подросшей, покрывшейся снегом и окружившей себя другими ледяными вершинами. Наш мальчишка, взмахнув руками, переходит на бег, а мы – что мы. Смотрим ему вслед и мысленно делаем ставки: сколько продержится? Хорошо бы не меньше минуты. Пусть получится! Давай! Впрочем, на самом деле, дольше одного восхищенного вздоха – уже превосходный результат.

Мальчишка давным-давно скрылся в зарослях у реки, предположительно свернул к мосту, а замок по-прежнему ослепительно белеет на фоне заснеженной горной гряды.

– Третья минута пошла, – говорит Нёхиси, почему-то шепотом, хотя никого, кроме нас, сейчас на лестнице нет.

На пятой минуте небесный Нойшванштайн все-таки исчезает, как и положено недолговечному видению. И я удивлением понимаю, что втайне от себя самого надеялся: а вдруг он теперь навсегда? А ведь взрослый вроде бы че... Ладно, не человек, а черт знает кто, но все равно взрослый. И прекрасно знаком с правилами этой игры; более того, добрую их половину выдумал сам. Ну я даю.

– Ну он дает! – восхищенно вздыхает Нёхиси. И, помолчав, добавляет: – Надеюсь, мальчик не очень огорчился, что замок не навсегда.

– Еще как огорчился, – говорю я. – Лично я на его месте сейчас бы в голос рыдал. Но это огорчение – естественная составляющая выпавшего ему счастья, так что пусть будет. Главное, что не испугался. Всерьез испортить такое событие может только страх. Вот женщину в черном мне действительно жалко, а этим двоим впору позавидовать. С ними случилось необъяснимое. Невероятное, невозможное. И им теперь с этим жить.

– Ну слушайте, как так можно? – укоризненно говорит Таня, – Неужели вам людей совсем не жалко? Ни капельки, да?

Мы изумленно переглядываемся. Откуда она здесь взялась? Только что не было никакой Тани, и вдруг – здарсьте пожалуйста, младший инспектор Граничной полиции, тут как тут. Стоит не на лестнице, а во дворе, с другой стороны стены, в дурацкой полосатой пижаме и разноцветных носках, один розовый с желтой пяткой, второй – красный в синий горох; пожалуй, я тоже такие хочу. Но замечательные носки почему-то совершенно не улучшают Танино настроение. Сверлит нас укоризненно-огненным взором, как учительница математики, застывшая своих лучших учеников курящими в школьном дворе.

Интересно, с каких это пор сотрудники городской Граничной полиции взяли моду лезть в наши дела? Вообще-то им не положено, у нас на этот счет договор. С другой стороны, судя по носкам и пижаме, Таня сейчас не на службе. Просто дома после дежурства вздремнуть прилегла. Так что даже не придерешься. Кто угодно имеет полное право видеть нас с Нёхиси во сне – если сумеет. А Таня – талантливая девочка, далеко пойдет, несмотря на удивительную кашу в кудрявой голове.

– Нет, – наконец отвечает Нёхиси. – Нам никого не жалко. А должно быть? За что тут жалеть?

– Сам бы хотел оказаться на их месте, если бы не сидел уже на своем, – добавляю я. – Это же такое отличное приключение: идешь себе по делам, ничего особо интересного не ожидаешь, и вдруг – хлоп! – полная смена реальности. Счастье как оно есть.

– Это тебе только кажется, – хмурится Таня. – Привык судить по себе. Обычно людям совсем не нравится обнаруживать, что они сходят с ума.

– Нравится, не нравится, это не разговор, – отмахивается Нёхиси. – Мне вон тоже далеко не все нравится. И ничего, живу.

Танины глаза, и без того не то чтобы маленькие, становятся огромными, как блюдца. Ей бы сейчас собаку из сказки Андерсена на поводок, вышло бы очень смешно.

– Тебе не все нравится?! – потрясенно спрашивает она. – Вот уж никогда бы не подумала. Но что?..

– Например, инертность материи, – неохотно говорит Нёхиси. Он очень не любит жаловаться, но оставлять важный вопрос без ответа тоже как-то нехорошо. – Как ни бейся, норовит принять привычную форму. А я, знаешь ли, не привык, чтобы дела моих рук были менее долговечны, чем вечерний туман. Когда соглашался на эту работу, даже не представлял, насколько...

– Аууу! – перебивает его собака с глазами как чайные чашки.

Как и всякое существо, которому пришлось возникнуть из небытия вследствие моего легкомысленного решения, она сейчас в шоке. Но ничего, привыкнет, обживется, еще спасибо скажет. Всякому сказочному чудишу приятно стать чьим-нибудь сном.

– Господи, что это?! – восклицает Таня.

– Не «что», а «кто». Можно подумать, тебе впервые в жизни приснилась собака.

– Такая, можешь представить, впервые. И слушай, откуда у меня в руках поводок? Твои проделки?

С достоинством пожимаю плечами. Интересно, а чьи же еще. Но поводок все-таки исчезает. Обрекать этих двоих на общество друг друга, пожалуй, действительно перебор.

Почуввав свободу, собака вертит головой во все стороны, жадно нюхает воздух и наконец убегает в направлении выхода из двора. Ее намерения мне понятны: как можно скорей присниться еще куче народу. В четыре пополудни задача нетривиальная, но ничего, как-нибудь дотянет до ночи, и сразу станет легко.

– Один ты умеешь меня утешить, – укоризненно говорит Нёхиси. – Но эта собака мне тоже не слишком понравилась, извини. И все-таки думай прежде, чем делать. Хотя бы иногда. Для разнообразия. Забыл, что я сейчас кот?

– Лучше уж пусть тебя пугает, чем ни в чем не повинных прохожих, – мстительно хихикает Таня. – Ты всемогущий, переживешь. А люди...

– Тем более переживут, – отмахивается Нёхиси. И серьезно, насколько это вообще возможно, сохраняя кошачий облик, добавляет: – Человек, можно сказать, рожден для потрясений. И очень быстро портится, если его время от времени не трясти.

– Тише, – говорю я. – Сюда идут.

Таня делает трагическое лицо, но не уходит. Страшная правда о Тане заключается в том, что как бы она ни пыталась нас вразумить, на самом деле ей до смерти интересно увидеть, что будет. Это гораздо важнее, чем настоять на своем. И так каждый раз. Потому и говорю, что она далеко пойдет: любопытство – великая сила. И ключ вообще ко всему.

– Смотри, какая важная дама к нам приближается! – взволнованно шепчет мне Нёхиси.

Это даже я понимаю, хоть и не кот. В толстой, крашеной хной старухе, которая осторожно опираясь на палку, спускается к нам по лестнице, столько неопишуемого достоинства и внутреннего огня, что вполне можно принять ее за странствующую королеву какой-то неведомой далекой страны.

– Я ее знаю, – говорит Таня. – Это мадам Мадлен, француженка, здесь, совсем рядом живет. Однажды приехала в Вильнюс на экскурсию с группой пенсионеров, и так ее что-то здесь зацепило, что решила остаться навсегда. Лет десять уже живет, если не больше. Я почему, собственно, в курсе: наше начальство любит устраивать познавательные экскурсии для новичков, и когда я только поступила на службу, меня сразу потащили посмотреть сны мадам Мадлен, по ним как раз очень легко понять, как сновидения отдельных горожан влияют на состояние общегородского онейрологического поля. Она огромная молодец: украсила сновидения гру-

шевыми садами – не только свои, все подряд – научила тополя завязываться узлами, вытерла пыль с фонарей и пригласила компанию призраков своих предков, потомственных циркачей, вы наверняка их много раз видели, ребята любят показываться на городских ярмарках, в том числе, наяву. А еще мадам Мадлен развела в сновидениях мелких, размером со стрекозу драконов – вот это действительно бесценный вклад!

– А почему бесценный? – удивляется Нёхиси. – Какой от них толк, если размером со стрекозу? Их же даже не разглядишь.

– Вообще-то, в сновидениях люди обычно гораздо внимательней, чем наяву. За любую незначительную деталь способны зацепиться и вырастить из нее целый мир. Но дело даже не в этом. Драконы старой Мадлен, как выяснилось, охотно едят пауков, которых безответственно развели в общем пространстве другие сновидцы, а те принялись обильно плодиться, уже до экологической катастрофы было недалеко. Но драконы численность этих красавцев быстренько подсократили. Что, на мой взгляд, отлично. Людям обычно не нравится видеть во сне пауков, и я не исключение.

– Просто ты не умеешь их готовить! – хором говорим мы с Нёхиси, и я тут же прикладываю палец к губам: наша важная дама едва ковыляет, но пока мы трепались, она уже прошла почти половину лестницы и приближается к нам.

Остановившись возле забора, прямо напротив моей свисающей сверху ноги, старуха задирает голову и некоторое время разглядывает меня с таким интересом, что я бы дорого дал за возможность узнать, кого она увидела на моем месте. Но привычки фотографировать незнакомцев телефоном мадам Мадлен не имеет. И отразиться мне здесь совершенно не в чем, увы.

Наконец нервы у меня не выдерживают, и я говорю:

– Добрый день!

– Добрый день, – приветливо отвечает мадам Мадлен. – Хорошо, что вы заговорили, а то я стояла, гадала, кто вы: манекен, наряженный мушкетером, или все-таки живой человек в костюме мушкетера. А спрашивать было неловко.

– Очень даже живой, – заверяю ее я. – Как мало кто в этом городе! – И решив, что надо как-нибудь объяснить свой экзотический облик, зачем-то возникший в воображении моей собеседницы, добавляю: – Жду коллег. У нас фотопроект.

– Искусство – это прекрасно, – величественно кивает старуха и наконец идет дальше. Шаг, передышка, еще один шаг.

Таня у меня за спиной беззвучно хохочет, закрыв рот руками. «Мушкетер! – восхищенно шепчет она. – Ты – и вдруг мушкетер!»

– Мушкетер короля, заметь, – с достоинством подтверждаю я. – А не какой-то бессмысленный гвардеец кардинала. Учись, как надо завоевывать женские сердца.

– Мне-то зачем? – изумляется Таня.

– Просто так, чтобы были. Лишнее женское сердце в хозяйстве никому не повредит.

– Вы так все пропустите, – укоризненно говорит Нёхиси. – А там есть на что посмотреть.

Там и правда есть на что посмотреть. Наша лестница теперь обрывается на краю невесть откуда взявшейся пропасти, но дело не в самой пропасти, а в том, что скрывается на ее дне, там, внизу, в позолоченной солнечным светом, жемчужной от влаги долине, где стоит город; впрочем, нет, не стоит, течет. Зыбкий и переменчивый, он словно бы соткан из дождей и фонтанов, струи, бьющие из земли и стекающие с небес, переплетаются и складываются в дома причудливых форм, с винтовыми лестницами на крышах, устремленными в небо и растворяющимися в облаках.

Вот это мадам Мадлен, вот это она выдала. Сколько я всего на своем веку перевидал, но подобного, кажется, никогда не...

– Никогда такого не видел, – говорит Нёхиси.

– Даже ты?!

– Даже я. Только однажды, очень давно слышал легенду – совершенно напрасно смеешься, я не шучу, там, откуда я родом, тоже есть легенды и сказки – о городе, который вечно идет, как дождь, одновременно оставаясь на месте. И жители города текут вместе с ним, ежесекундно изменяя свой облик, характер, взгляды и настроение, но при этом, конечно, оставаясь собой. Может быть, это он и есть? Ну и подарок! Ну и мадам Мадлен! Сумела меня удивить.

Тем временем, сама мадам Мадлен стоит на краю лестницы, в смысле у края пропасти и, не отрываясь, смотрит вниз.

– А ее сердце выдержит такое потрясение? – робко спрашивает Таня. – Она же старенькая совсем.

Я пожимаю плечами.

– Да чего там выдерживать. Выдержало же оно долгую жизнь без этого города. И без малейшей надежды хоть когда-нибудь... Ох!

Охает мы втроем удивительно слаженным хором – особенно если учесть, что один из нас кот, вторая видит сон, и только я в достаточной мере человек, чтобы охнуть от ужаса и восторга в тот миг, когда грузная рыжая старуха отбрасывает в сторону палку, единственную надежную опору, связывающую ее с этой землей, и делает шаг вперед. И не падает; впрочем, и не взлетает, а становится ярким, рыжим от хны дождем и льется вниз.

– Это как же? – жалобно спрашивает Таня. – Что теперь с ней будет? Она упадет? Умрет?

– Скорей уж наоборот, воскреснет, – растерянно откликаюсь я.

– Некуда тут было падать, – напоминает Нёхиси. – Эта пропасть нам только мерещится, вы чего?

– Но она же правда исчезла, – голос Тани дрожит. – Ее нигде нет, а палка осталась, вон, валяется, в самом низу лестницы. И только не пытайтесь списать на то, что я сплю. Я-то, может, и сплю, а вы точно наяву все это творите. И мадам Мадлен пропала наяву.

– Да ладно тебе – пропала. Просто вернулась домой до срока. Там сейчас небось веселый переполох, и за вином в лавку уже побежали, – говорит Нёхиси. – Это мало у кого получается, – добавляет он. – На моей памяти она всего четвертая. Нам сегодня удивительно повезло.

Аллея Казё Шкирпос (Kazio Škirpos al.) Эффект Жаровски

*Я как бог, никто в меня не верит
(случайно подслушанная реплика неизвестного прохожего)*

– ...а тебе уже рассказывали легенду о Жаровски? Ну, про студента-гуманитария чуть ли не с кафедры востоковедения, который по рассеянности перепутал аудиторию, зашел на лекцию к математикам, где как раз разбирали полное доказательство теоремы Ферма, посидел, послушал, сказал: «Так можно же проще!», вышел к доске, написал буквально три строчки, извинился: «Вообще-то я с другого факультета», – и ушел, оставив аудиторию обтекать. На этом месте рассказчик обычно делает круглые глаза и сообщает, что профессор демонстративно посмеялся над выскочкой, но решение тщательно переписал в тетрадку, а двумя днями позже, конечно же, умер от инфаркта, а тетрадку – еще раз конечно же! – так и не нашли. Вот сразу ясно, что древняя история, сейчас бы все сфотографировали телефонами – если бы было что.

– Трижды, – улыбается Томас. – В том числе начальство, с назидательным выводом: вот почему своих студентов надо знать в лицо. По-моему, это такая типичная страшилка для преподав-новичков, как и все остальные истории про гениальных первокурсников, которые у нас вместо Гроба-На-Колесиках и Черной Руки – все знают, что их не бывает, но слушать все равно интересно. А ты откуда знаешь про Жаровски? Ты разве преподавал в нашем универе?

– Ну так друзья там работали, – пожимает плечами отец. – Они эту байку на хвосте принесли. Мы смеялись, что легенду явно сочинили гуманитарии, чтобы их боялись. Но никто их не боится все равно.

– Тем более, что перепутать аудиторию у них при всем желании не получится, – смеется Томас. – Из их корпуса к нашему через полгорода придется чесать.

* * *

– ...папа рассказывал про одного чувака, они то ли учились вместе, то ли просто жили в одном дворе, так у него, представляешь, машины всегда заводились, – говорит Лена, закуривая третью по счету сигарету.

Господи, – думает Магда, – как же тянется время, когда ждешь эвакуатор, хуже, чем в любой очереди, кроме, может быть, той, которая в туалет. И Лена трещит, не умолкая. И ведь не попросишь заткнуться – обидится. Все почему-то обижаются, когда их просят немножко помолчать.

– ...ни хрена не разбирался, – продолжает Лена, – хорошо, если вообще знал, как открыть капот. Может, даже сам не водил, не помню. Папа говорил, он вообще был гуманитарий – то ли философ, то ли филолог, что-то в таком роде. Просто вот такое у него было удивительное свойство: если сядет за руль, повернет ключ в замке зажигания, любая машина заведется, даже с севшим аккумулятором. Ты вообще представляешь, какие тогда были машины? Жуткое барахло. Зимой, в мороз, когда никто не мог завестись, у него под окном хором орали: «Жа-ров-ски! Жа-ров-ски!» – и он такой выходил, весь красивый, в импортной дубленке, как кинозвезда. Брал по рублю с носа, это в то время было, как сейчас... а даже не знаю. Вроде пару бутылок пива можно было купить. Ну значит, примерно три евро. Все равно дешево. Вот бы его сейчас сюда, этого папиного филолога! И никого не надо ждать.

– Ну слушай, – говорит Магда, с трудом скрывая раздражение, – ну так не бывает. При всем уважении к твоему папе, по-моему, это какая-то ерунда. Был, наверное, какой-нибудь сообразительный мастер, ходил по дворам в морозы, всех заводил, быстро и дешево; кто-то краем уха что-то не то услышал, и привет, готова городская легенда о мироточащем фило-софе-автомеханике... О, смотри, кто-то едет. По-моему, это к нам.

* * *

– ...и на этом несуществующем языке писал стихи, – говорит Марк.

– Стихи на несуществующем языке? – недоверчиво спрашивает Элла. – А твоя мама их видела вообще?

– Их никто не видел. Этот... – как его звали-то? – Вацлав, Вацлав, Вацлав... Жарковский? Жароцкий? Жаровский? – ладно, на самом деле неважно – так вот, он их прятал. Закапывал куда-то, я толком не понял. В общем, делал какие-то тайники.

– Да ладно! – смеется Элла. – Тайники он делал! Из стихов на несуществующем языке! Вот уж сокровище так сокровище! Просто некоторые знают, какую лапшу надо вешать на уши девушкам. Ну, правда, смотря каким. Со мной у него этот номер не прошел бы.

* * *

– ...и жил там несколько лет, – говорит Андрис. – На этом долбаном острове, где уже сорок лет вообще никого нет, натурально Робинзоном. Устроил себе дом внутри гигантской черепахи... Ну чего ты смеешься, не в живой черепахе, а в статуе. Там же раньше была вилла какого-то богача, куча скульптур осталась. А от дома одни развалины, в них уже невозможно жить...

– Внутри черепахи? На необитаемом острове? Ты что, в это веришь? – спрашивает мать.

– Конечно, нет. Но очень люблю эту историю. Лучшая из всех, которые папа выдумывал про своих друзей. Самая абсурдная. И одновременно красивая. Прикинь: крошечный тропический остров, вокруг океан, рассвет. Из гигантской каменной черепахи вылезает заспанный голый мужик с тетрадкой – он же там сны свои записывал. По папиным словам, у Жаровски была такая идея, что если спать в полном уединении, сновидения будут какие-то особенные. Якобы без каких-то помех. Правда, эту тетрадку никто никогда не видел, папа говорил, этот Жаровски книгу про сны писал. Но так и не написал. Непросто написать целую книгу, когда ты всего лишь чей-то вымышленный друг.

– Но кстати, на хуторе действительно спится гораздо лучше, чем в городе, – задумчиво кивает мать.

* * *

– ...мог прийти среди ночи, сказать: «А поехали на море», – и поди возрази, триста километров по трассе за два часа, чтобы окунуться и сразу назад, потому что Нийоле утром на работу... невыспавшейся, с красными глазами и гудящей от шампанского головой, вот радость-то, да? Но она говорила, это было такое счастье, что уже потом ни с кем не смогла.

– Старые девы любят сочинять такие истории, – пожимает плечами Алдона. – Про великую любовь, которой они хранят вечную верность. А там всех реальных событий – увидела кого-то в окно... ладно, предположим, в гостях у подруги – и давай фантазировать. В каком-то смысле очень удобно, можно больше ничего не делать, жизнь и так полна.

– Но наша Нийоле была не такая. Я имею в виду, не классическая старая дева с бульварным романом под подушкой. Ты помнишь, какая она красивая на институтских фотографиях? Ай, ну что я спрашиваю, ты ее не на фотографиях видела. У вас же разница в возрасте всего пять лет.

– При чем тут красивая-некрасивая? Не от этого зависит. Просто некоторые люди боятся реальной жизни. Нийоле – моя сестра, и я точно знаю, жизни она боялась. Даже в кино, когда самую обычную драку показывали, всегда закрывала глаза. И, кстати, этого ее поклонника никто никогда не видел. Ни родители, ни подруги. Специально я за ней не следила, но не помню, чтобы она куда-то бегала по ночам.

– Нийоле говорила, им обоим нравились тайны. Да и продолжалось это всего одно лето. Потом этот Жаровски уехал в какую-то экспедицию, писал ей письма без обратного адреса и постепенно совсем пропал...

– Письма она, конечно же, сожгла.

– Ну да, – вздыхает Рута. – Говорила, сожгла, когда поняла, что он не вернется. Наверное, и правда не было у нее никакого поклонника. Ты совершенно права.

* * *

Вацлав Жаровски идет домой. Сколько в его жизни было домов, сколько, наверное, еще будет – шестьдесят два года, считай, только начало жизни, настоящей, вдумчивой, полной, как даже и не мечтал – а прямо сейчас его дом окружен цветущими кленами и стоит у самой реки.

Вацлав Жаровски идет, ускоряя шаг, чувствует, как тело его становится невесомым, тихо смеется от внезапно охватившего его счастья и закрывает глаза, но по-прежнему видит тропу под ногами, стволы деревьев и пасмурное серое небо, сулящее скорый дождь.

«Это сон», – думает Вацлав Жаровски и сразу смотрит на свои руки. В молодости он читал книгу о магии сновидений, из которой почему-то запомнил именно это правило: когда понимаешь, что видишь сон, надо смотреть на руки. Черт его знает зачем.

Вацлав Жаровски видит, что его руки стали прозрачными, говорит себе: «Точно сон», – и смеется, стоит и смеется, смеется, смеется, пока его тело тает и стелется над рекой, как холодный поземный туман, словно не было никогда никакого Вацлава Жаровски, словно один только Вацлав Жаровски в мире и есть.

Улица Калинауско (K. Kalinausko g.) Ну, например

С виду совсем дряхлая развалина, думаю я, разглядывая сидящего напротивощего сутулого старика.

На самом деле ему, скорее всего, едва за шестьдесят, это поколение поголовно выглядит много хуже, чем смели надеяться ответственные за их обработку скульпторы из мастерской Кроноса. Не живые, а *дожившие до пенсии*. Впрочем, дед, разминающий сейчас сигарету кривыми ревматическими пальцами, похоже, все еще работает – то и дело поглядывает на часы и в целом вид имеет вздрюченный, как человек, опасющийся опоздать на службу. Особого рода напряжение чела в сочетании с тусклым, но цепким взглядом, свидетельствует о привычке к систематическому умственному труду. Скорее всего, препод из технического колледжа, осеняет меня, это же здесь совсем рядом, на Басанавичяус, дорогу два раза перейти. Карьеру, понятно, не сделал, студентов сдержанно недолюбливает, как и все остальное человечество, без разбора. Они отвечают ему столь же сдержанной взаимностью, даже прозвища, небось, никого не прилепили за все эти годы, ни смешного, ни обидного, просто никто никогда не судачит о бедняге за глаза, настолько он неинтересен. Не злой, на экзаменах не валит, зачеты ставит автоматом, вот и ладно, но благодарности его поведение не вызывает, люди всегда инстинктивно распознают равнодушие и не прощают, даже когда оно им на пользу.

Сюда, в парк, дед, конечно, приходит покурить в перерывах между лекциями. Теоретически он мог бы курить во дворе колледжа, но коллеги-преподаватели, те, что помоложе, неодобрительно косятся, и, хотя вслух ничего не говорят, дед и сам понимает – как-то нехорошо при молодежи, даже если молодежь сама всю дымит в уборной на первом этаже, презрев административные запреты.

Я исподтишка разглядываю старика – сигареты обычно хватает на семь-восемь минут, а с развлечениями в парке, прямо скажем, не очень, и лишь наличие двуногих бескрылых ребусов помогает скоротать время.

Я, понятно, далеко не Шерлок Холмс, ну так и мир вокруг гораздо проще и скучнее, чем художественная литература, люди тут самые обычные, нелитературные персонажи. Ни маркеров, ни конюхов, ни даже отставных флотских сержантов среди виленских прохожих в помине нет, только клерки обоего пола, пролетарии всех стран, школьники, студенты, пенсионеры, неистребимые тетки с кошелками, изредка иностранцы и богачи – люди особой породы, этих разгадывать интересней, но, честно говоря, не намного. А еще порой на глаза попадает потрепанная интеллигенция старого советского образца, вроде этого деда. Чрезвычайно, замечу, потрепанная. Ветхая одежда со следами былой солидности – пальто ему, похоже, справили еще при советской власти, не просто купили, а именно *справили*, долго копили, потом ходили всем семейством за реку, в центральный универмаг, приценивались, выбирали; брюки поновее, но покойного президента Бразаускаса⁵, несомненно, еще застали на посту. А вот портфель совсем древний, впору принести его в дар историкам-краеоведам, старьевщики на такое добро все равно не позарятся, а науке польза. Ботинки... Кстати, на удивление приличные ботинки. Не новые, слегка поношенные – до того самого состояния, которое делает дорогую обувь по-настоящему элегантной. Ботинки, внезапно решаю я, подарок сына. Купил себе, оказались тесноваты, разносить не удалось, в магазине обменять отказались, подумал, вздохнул и отдал отцу. Я уже почти вижу этого сына – большой, грузный мужчина за тридцать, звезд

⁵ Альгирдас Бразаускас (Algirdas Mykolas Brazauskas) – первый президент независимой Литвы, т. е. брюки датируются 1993–1998 годом.

с неба не хватает, но на ногах стоит крепко, хозяйственный, обеспеченный, прижимистый и властный, весь в мать. Жена у деда, спорю на что угодно, толстая, шумная, басовитая старуха, готовит отлично, а продукты покупает только самые дешевые, умеет, как говорится, *сделать из говна конфетку*. И, конечно, держит беднягу в черном теле, уж ему-то не понаслышке известно слово «заначка», которое окончательно уйдет из активной лексики вместе с этим поколением, стало быть, совсем скоро.

А в портфеле у него, конечно же, бутылка самого дешевого бренди, думаю я. Сейчас еще одну пару в колледже отчитает, а потом отправится в гости к старому приятелю. Счастливчик овдовел пару лет назад, поэтому теперь у него можно сидеть, сколько душа пожелает, вернее, пока не закончится выпивка, а что будет вечером дома, об этом лучше вовсе не думать. Впрочем, ничего такого, к чему дед не успел привыкнуть за эти годы, до сих пор не убившие беднягу, но и сильнее не сделавшие, вопреки безответственным обещаниям прочитанных в юности книг.

Мне уже тошно от собственной прозорливости; куда лучше было бы не вычислять, опираясь на факты и житейский опыт, а выдумывать, но выдумывать я не умею, поэтому просто отворачиваюсь от деда с потаенной бутылкой в ветхом портфеле и принимаюсь разглядывать тех, кто сидит на других лавках. В стороне, на безопасном расстоянии от курящих нас, устроились мамаша с коляской и старуха с внуком-дошкольником – пустой номер, нечего тут разгадывать, и без того обе как на ладони. А слева у нас кто? Женщина средних лет в красном пальто с укороченными по последней моде рукавами, в длинных, до локтя трикотажных перчатках из недорогого молодежного магазина – я не то чтобы специально интересуюсь дамскими аксессуарами, но почти каждый день хожу мимо витрины, где они выставлены, невозможно не опознать. Готов спорить, обручального кольца под перчатками нет, и не было никогда, и теперь уж, пожалуй, не будет, с таким жалким, с детства напряженным выражением лица женихов особо не наловишь, сколь бы хороши не были длинные ноги в плотных черных чулках. Я и сам поспешно отворачиваюсь и даже инстинктивно отодвигаюсь, хотя где я, а где дама в красном, между нашими скамейкам непреодолимая пропасть, шага четыре, не меньше.

И живет она до сих пор с родителями, мрачно думаю я, вернее, не с родителями, а с мамой. И не удивлюсь, если домой должна возвращаться к девяти, послабления возможны только в дни рождения подружек, да и то не факт. Какие уж тут женихи. Вот бедняга.

Отвернувшись от дамы в красном пальто, я увидел, что у меня появился сосед. В парке полно пустых скамеек, но тип в дурацкой шапке с помпоном почему-то выбрал мою, деликатно уселся на самом краю, достал из кармана диковинный портсигар, изукрашенный в стиле иллюстраций к арабским сказкам, и теперь судорожно обшаривает карманы в поисках зажатки – похоже, безуспешно.

Не желая и дальше оставаться свидетелем его мук, я протянул бедняге спичечный коробок, который все это время машинально вертел в руках – оказывается. И подумал, что судьба в кои-то веки подкинула мне интересную шараду. Хрен его знает, кто этот тип. Клерком он не может быть по определению, шапка дурацкая – еще ладно бы, но к шапке прилагается подбитый овчиной джинсовый полушубок и, самое главное, две разноцветные штанины, одна из шоколадно-коричневого вельвета, вторая, помоги мне, мать божья, из красного. Такую красоту не каждый день увидишь. Для студента он недостаточно молод, для богача, даже очень эксцентричного, чересчур расслаблен, да и тряпки слишком дешевые. Иностранец? Похоже на то.

– Спасибо, – говорит моя интересная шарада, принимая спички.

Ну вот, теперь ясно, местный. Настолько местный, что по сравнению с ним я сам иностранец, хотя живу здесь уже четырнадцать лет. Тогда, внезапно осеняет меня, художник. И левая рука, гляди-ка, измазана белой краской. Элементарно, Ватсон!

– Почти угадали, Холмс, – неожиданно говорит незнакомец с помпоном. – Не художник, но архитектор. А краска – это потому что у меня здесь рядом объект. Полная перепланировка квартиры, ремонт и, конечно, дизайн интерьера.

Я умею скрывать удивление. По крайней мере, мне приятно думать, что умею. Поэтому я забрал протянутые мне спички и вполне хладнокровно откликнулся:

– Я действительно подумал, что вы художник. А почему вы сказали: «Холмс»?

– Потому что вы очень внимательно нас разглядывали – меня и всех остальных. И я подумал – ну, например, этот человек играет в Шерлока Холмса. Подмечает детали и делает выводы. Отличное развлечение, пока куришь в парке. И наверняка принял меня за художника – с учетом того, в каком виде я нынче выскочил из дома, это самое логичное заключение. Я сам так часто играю. То есть не совсем так. Логика – не самая сильная моя сторона. Да и с наблюдательностью не все благополучно. Поэтому я не ломаю голову над фактами, а придумываю всякую ерунду. Впрочем, нет, не «придумываю». Скажем так, я просто позволяю всякой ерунде появляться в моей голове. Понятия не имею, откуда она берется, но развлечение выходит отличное. Всякий раз какой-нибудь сюрприз.

– Хорошее дело, – согласился я. – Но у меня так, к сожалению, не получается. Не могу игнорировать факты. И не делать очевидные выводы тоже не умею. Рад бы, но не выходит.

– Просто вы еще никогда не старались как следует, – безмятежно улыбнулся он. – Ерунда штука гордая, в чью попало голову добровольно не придет. Для нее сперва надо расчистить место, а потом отправить приглашение и терпеливо ждать. А пока у вас в голове нет никакой ерунды, могу, если хотите, поделиться своей.

Я кивнул – из вежливости. Старается человек, развлекает меня, честно отрабатывает позаимствованную спичку. Это какой же надо быть сволочью, чтобы не поддержать беседу.

– Ну, например, у этого старика в портфеле спрятан дракон, – выпалил он.

Я даже опешил. Чего угодно ожидал, но дракон в портфеле – это и на неловкую шутку не тянет. Перебор. Абсурд. Да просто глупость.

– А женщина в красном пальто, – он на секунду замешкался и уверенно продолжил: – ну, например, балерина. Не прима, конечно, кордебалет, но все-таки. В пачке, на пуантах, блески в волосах, как в детстве мечтала. Но вот беда, недавно она заметила, что стремительно стареет, когда кружится в танце по часовой стрелке; ей сейчас всего двадцать семь, а кажется, что лет на десять больше, правда? И ведь ни с кем не обсудишь такую беду, никому не пожалуешься, тем более, совета не спросишь. Толку все равно не будет, засмеют, начнут перешептываться за спиной, перестанут приглашать на вечеринки. Всякий человек отчаянно одинок, но большинство узнает об этом только когда с ними начинает происходить *что-то не то*. Впрочем, наша балерина молодец, сама нашла выход. Теперь она часто тайком остается в театре после закрытия, выходит на сцену и подолгу кружится – против часовой стрелки, конечно. Она вовсе не убеждена, что это поможет, то есть вообще не верит, только смутно надеется, но еще до Рождества наглядно убедится, что ее наивный метод работает. Это открытие навсегда изменит нашу даму в красном и весь мир... Ну, положим, не то чтобы весь, а, скажем, в радиусе трех-четырех метров от ее танцующего тела. И это, поверьте, совсем немало.

Ему бы романы писать, а не квартиры ремонтировать, снисходительно думаю я. Изображать вежливую заинтересованность при этом не забываю. Мне нетрудно, а психу с помпоном приятно.

– А женщина с коляской?

Сам не знаю, зачем я спросил. Вполне можно было выбросить почти докуренную сигарету и распрощаться.

– Там, похоже, все очень интересно. Ну, например, ее младенец не родился, как это принято у добрых людей, а просто приснился своей матери... Ну как – просто. Он снился ей почти каждую ночь на протяжении нескольких лет, и женщина так привыкла к этому сну, что

почти не удивилась, проснувшись однажды от громкого плача. В ее снах младенец был тих как ангел, наяву же ему требовалось срочно менять пеленки, а потом бежать в магазин за молочной смесью, но женщину это совершенно не смутило. Она давно мечтала о ребенке и была вполне готова к сопутствующим житейским трудностям. Вместо того, чтобы сводить себя с ума, размышляя о случившемся с ней невозможном событии, новоиспеченная мать лихорадочно гадала, как раздобыть свидетельство о рождении, которое, впрочем, внезапно обнаружилось в одном из ящичков бабкиного буфета, где прежде хранился ветеринарный паспорт сбежавшего еще прошлой весной кота. Она наспех сочинила для соседей и коллег по работе умершую родами незамужнюю кузину, и на этом предпочла остановиться, сказала себе, что все улажено, так что и думать больше не о чем. Правда, иногда беспокоится – будет ли ее младенец расти, как все нормальные дети, и как его следует воспитывать, чему учить, но всякий раз говорит себе: «Поживем – увидим», – и она совершенно права... А знаете, что забавно? Эта женщина сейчас запросто могла бы обсудить свои сомнения с соседкой по лавке. Очень интересная старушка. Ну, например, она живет на свете уже не первую тысячу лет, и много чего повидала. Видите, рядом с ней сидит мальчик? Случайный наблюдатель, вроде нас с вами, глядя на них, подумает: любящая бабка выгуливает внука, обычное дело. Как же, держи карман шире! Старая ведьма взялась выращивать себе очередное новое тело, то-то малыши от нее ни на шаг не отходит. Вы когда-нибудь видели такого спокойного ребенка? То-то же.

– Но ребенок – мальчик. А она – женщина, – возразил я.

Как будто все остальное было логично, и только тут – небольшая нестыковка.

– Ну правильно, мальчик, – согласился архитектор. – В любом деле важно разнообразие. Женщиной она уже побывала не раз; мужчиной, впрочем, тоже. Чередование, надо думать, освежает ощущения.

– Слушайте, – решительно сказал я. – Так нельзя. Дед с драконом в портфеле, балерина, запутавшаяся во времени, мамаша со сновидением в коляске, ведьма, вытаскивающая на прогулку свое будущее тело. Это получается, во всем парке ни одного нормального человека нет?

– Почему нет? Есть, – улыбнулся псих с помпоном. – Мы с вами. Впрочем, нет, только вы, потому что я... Ну, например, я сейчас не здесь, а еще на объекте. Только через четверть часа в парк покурить выйду.

Фильтр догоревшей сигареты обжег мне пальцы. Я вздрогнул, уронил окурок на землю, но, устыдившись, подобрал и щелчком отправил в урну. Интересно, подумал я, с кем я все это время разговаривал? Хороший вопрос. Хороший, но в сложившейся ситуации совершенно бесполезный. Чем скорее я выброшу из головы всю эту чушь, тем...

Старик в потрепанном пальто тем временем тоже докурил и принялся возиться с замком своего портфеля. Я как замороженный следил за борьбой негнущихся пальцев с холодным металлом, думал, что надо бы предложить помощь, но так ничего и не сказал. Наконец замок капитулировал, и на свет был извлечен ярко-красный плюшевый дракон в прозрачной целлофановой упаковке. Старик критически оглядел его со всех сторон, достал из внутреннего кармана открытку и принялся прикреплять ее к свертку.

Это просто игрушка, думал я, оглушенный грохотом собственного сердца. Дешевая плюшевая игрушка из «Максимы», подарок внуку или внучке, ну что ты, в самом деле, успокойся, пожалуйста, очень тебя прошу.

Старик спрятал дракона в портфель, снова повожился с замком, наконец, встал и неторопливо пошел в сторону улицы Калинауско. Женщина в красном пальто тоже поднялась и стремительно понеслась в том же направлении, широко, по-балетному расставляя носки пестрых резиновых сапожек. Я смотрел им вслед – а что мне еще оставалось.

Через четверть часа, значит, выйдет, вспомнил я. Ладно. Достал из кармана еще одну сигарету, закурил и принялся ждать.

Улица Кармелиту (Karmelitu g.)

Белый кролик Лена

Улицу Кармелиту искал долго и бестолково, зато дом узнал еще издалека – розовый, как и писала Рут. И нужный подъезд в глубине двора нашел сразу, и даже квартиру, хотя неподготовленного человека их нумерация могла бы свести с ума: на первом этаже третья, пятая и семнадцатая, на втором – восемнадцатая и еще одна пятая, помеченная литерой А, без звонка, об этом Рут тоже предупредила. Постучал. И еще раз, и еще, пока не услышал шаги и лязг задвижки.

Открыла дверь заспанная, растрепанная, в детской пижаме с медвежатами, такая маленькая, что чуть было не попросил ее позвать маму. Совсем не похожа на взрослую женщину, с которой разговаривал в скайпе. Только и сходства, что тоже рыжая.

Спросила, глядя снизу вверх, хлопая длинными, слипшимися со сна ресницами:

– Ты кто?

Черт. Неужели все-таки ошибся адресом?

Сказал:

– Я Эдгар, приехал жить с твоим кроликом.

– Ой, конечно! Прости. Всю ночь собиралась, гадала, приедешь ты или нет, нервничала ужасно, заснула только под утро, и теперь вообще ничего не понимаю.

Предложил:

– Давай я оставлю вещи и пойду гулять. А ты спи дальше. Только скажи, когда возвращаться.

Улыбнулась:

– Спасибо! К полудню приходи, ладно?

Бродил по улицам, глазел по сторонам, раздражаемый противоречивыми чувствами. С одной стороны, вполне симпатичный город и жить здесь, похоже, приятно. С другой – господи, какую же дурацкую авантюру я затеял! Что я буду тут делать целых два месяца? И ведь не откажешься теперь. Рут улетает прямо сегодня вечером, и кролика ей девать некуда. Мне себя, впрочем, тоже некуда девать. Поэтому хватит ныть. Сделанного не воротишь. Лучше выпей горячего чаю и съешь что-нибудь. Хоть какое-то время будешь при деле, несчастье.

На улицу Кармелиту вернулся ровно в полдень. Поднялся, постучал. Дверь распахнулась почти сразу же и Рут предстала перед ним во всей красе. В смысле все в той же детской пижаме с медвежатами. Зато свежая, причесанная и с прояснившимся взглядом. Кажется, даже ростом стала повыше, хотя все равно едва доставала ему до плеча.

– Ты мне практически спас жизнь, – сказала она. – А также разум и человеческий облик. Два дополнительных часа сна помогли мне обрести хоть какое-то их подобие. Пошли на кухню, познакомлю тебя с новой подружкой. И кофе напою.

Отказываться не стал. Любители кофе – народ непримиримый и несговорчивый. Услышав, что вы предпочитаете чай, они, во-первых, автоматически занесут вас в список личных врагов. А во-вторых, все равно сварят кофе и, будьте уверены, нальют вам полную чашку, чтобы сполна насладиться вашими страданиями.

Большую часть кухни занимала здоровенная клетка, где среди опилок, веток и кучек сухой травы царственно возлежал белый пуховый шар.

– Это и есть Лена, – сказала Рут. – Вообще-то, сперва я назвала ее Селеной. Потому что большая, круглая и такая белая, что даже мерцает в темноте отраженным светом, как самая настоящая луна. Но имена от частого употребления стираются и укорачиваются, по крайней мере, в моих руках. Я и сама, как несложно догадаться, Рута. Но последняя буква давным-давно отвалилась, закатилась в какую-то щель; если случайно найдешь ее где-нибудь в коридоре, выброси в окно, без нее лучше.

Улыбнулся:

– Только меня в «Эда» не переделывай, пожалуйста. Сколько себя помню, все вокруг только этим и заняты, а я сопротивляюсь. По-моему, очень противно звучит.

– Не беспокойся, не переделаю. Просто не успею. Я же улетаю прямо сегодня вечером.

– В далекую страну Аргентину, где спелые гаучо падают с ветвей араукарий и танцуют танго на просторах засушливой пампы. Ужасно тебе завидую.

– Да я сама себе завидую, – улыбнулась Рут и поставила на стол две красные кружки. Точь-в-точь такие же были у Эдгара дома, давным-давно, почти год назад, в те незапамятные времена, когда слово «дом» еще имело какой-то смысл.

– Поверить не могу, что все получилось, и уже послезавтра утром я буду пить кофе в Буэнос-Айресе, – сказала она. – Между прочим, только благодаря тебе. Лену совсем не с кем оказалось оставить. Просто катастрофа! То есть на неделю-другую ее многие соглашались взять. Но целых два месяца – это слишком долго. У всех свои планы на лето, в которые совершенно не вписывается чужой кролик. А в практическую пользу объявлений на интернет-форумах я совершенно не верила. Сунуться туда – это был жест отчаяния, а не надежды. Еще пару дней и пошла бы сдавать билеты, пока хоть какие-то деньги можно вернуть. И вдруг как по волшебству появляешься ты!

– Хочешь сказать, если бы я не откликнулся на предложение пожить в Вильнюсе, ты бы отменила поездку в Аргентину? К сестре? Из-за кролика?!

– Ну да. А что делать? С собой Лену не потащишь, кролики плохо переносят дальние путешествия, я узнавала. А на улицу ее уже выбрасывали, хватит.

– Как – выбрасывали?

– Да очень просто. Посадили в коробку, поставили посреди тротуара, и привет. То ли дети в дом принесли, а родители не разрешили оставить, то ли взрослые дураки завели, не подумав, а потом клетку чистить надоело. А откуда, ты думаешь, она у меня взялась?

– На улице нашла?

– Ага. Здесь, совсем рядом, в переулке. Я об эту коробку в темноте споткнулась, о чем-то задумавшись. А там – белый кролик. Сидит смирно, никуда не убегает, таращится, дрожит. Пришлось взять. А ведь как я не хотела заводить зверей! Причем именно из тех соображений, что свяжут по рукам и ногам, решишь куда-нибудь поехать, а ничего не выйдет. Хотя нельзя сказать, что я так уж много путешествую. Я, как все настоящие мечтатели, тяжела на подъем, вон даже в Буэнос-Айрес к Данке целых четыре года собиралась – то билеты дороги, то отпуска не дают, то диссертацию срочно дописывать надо, то большой перевод сдавать, потом, все потом...

– Слушай, а как же ты в итоге решилась? Да еще на целых два месяца. Серьезный срок!

– А я и не решилась! Само так вышло. Это, знаешь, совершенно дурацкая история о глупости и удаче. То есть до сегодняшнего утра я думала, что только о глупости, но теперь, когда ты приехал, чтобы присматривать за Леной, картина выглядит более оптимистично. Я собиралась поехать всего на неделю. Ну, дней на десять, никак не больше. Сказала себе: пора! Потому что который год откладываю, а тут наконец-то отпуск, и Данка рыдает в скайпе, да я и сама почти рыдаю от злости на себя. Дело было за малым: найти дешевые билеты. Потому что грабить банки я не умею, а другого способа быстро добыть кучу денег так и не изобрела. И вдруг на билетном сайте, где я, понятно, просиживала часами, появляется дешевое предложе-

ние, всего триста евро в оба конца. С кучей дурацких пересадок, но, господи, какая разница. И я, ошалеv от счастья, тут же цапнула билет. И только заплатив, внимательно посмотрела на дату возвращения. Чуть в обморок не грохнулась: через два месяца! И билет уже не сдашь. Ну, то есть как, сдать-то можно, но вернут только сорок процентов стоимости. Дешевые билеты всегда с сюрпризом, для невнимательных дурачков вроде меня. Я сперва поплакала, а потом решила: ладно, попробую все организовать. Терять-то уже особо нечего. Думала: кролик – ладно, все подружки ее обожают, кто-нибудь да возьмет. А вот рабооооота! Но вышло наоборот: на работе договорилась сразу же, зато клуб обожательниц Лены меня подвел. Одна собирается замуж, вторая в Берлин, у третьей ремонт, и так далее, у всех уважительные причины, захочешь – не обидишься... Как тебе мой кофе?

Только сейчас обнаружил у себя в руке красную чашку. А во рту, соответственно, горячую горькую жидкость, которая, впрочем, оказалась не особо противной на вкус. Вполне можно жить.

Сказал:

– Если ты едешь в Аргентину, чтобы научиться варить кофе, можешь смело оставаться дома.

– Ого. Вот это комплимент!

Кролик Лена завозилась в клетке. Рут просияла:

– Проснулась! Сейчас я вас познакомлю.

Открыла дверцу, протянула руку. Крольчиха уткнулась розовым носом в ладонь и замерла, блаженно сопя. Рут вытащила ее из клетки, усадила на колени. Сказала, почему-то перейдя на шепот:

– Можешь погладить.

Протянул руку, осторожно коснулся нежного пуха. Осмелев, потрепал мохнатый загривок. Лена сидела смирно, не проявляя ни малейшего желания убежать.

– Надо же, – обрадовалась Рут, – совсем тебя не боится!

Усмехнулся:

– Предчувствует, что нам предстоит жить вместе долго и счастливо, целых два месяца – с точки зрения кролика, почти вечность. Ты не волнуйся, пожалуйста. У меня правда в детстве были кролики, я не наврал. Черный и пестрый, Тим и Балбес, сладкая парочка. Буду рвать твоей Лене свежую траву в парке и покупать морковку с яблоками. И приносить ветки, чтобы зубы точила. И мыть поилку, и менять опилки. Все, что требуется. Я помню.

– И если вдруг что-то случится, визитка ветеринара на холодильнике, – сказала Рут. – Вот эта, синенькая. И еще одна на зеркале в коридоре, на всякий случай. По-моему, это единственный в городе специалист по кроликам, по крайней мере, я больше никого не нашла... Лена, слава богу, ничем не болела и, надеюсь, не собирается, просто мне сначала постоянно мерещилось, будто она слишком мало ест и вообще грустит, так что по докторам я ее, бедняжку, знатно потаскала. Люблю ее очень. Хотя и понимаю, что это довольно глупо – так сильно привязаться к бессмысленному зверьку. Но тут уж ничего не поделаешь. Выпускай ее иногда из клетки, ладно? Ненадолго, просто для разнообразия, чтобы не затосковала. Но только под присмотром. Чтобы ничего не погрызла и не залезла в какую-нибудь щель.

– Конечно. Не волнуйся, правда. Все будет хорошо. Мне нравится возиться со зверьем.

– Отлично, – улыбнулась Рут. – Все решено, все сказано, осталось найти в моем организме кнопку, отключающую тревожность. Всю жизнь ее ищу.

Протянул руку, коснулся кончика ее носа и сказал: «Пип!» Просто невозможно было удержаться.

– Слушай, помогло, – удивленно сказала Рут. – Кто бы мог подумать, что эта чертова кнопка расположена на самом видном месте! А знаешь что? Давай-ка я устрою тебе экскурсию по городу, пока время есть. Покажу все наши достопримечательности: рынок, сапожную

мастерскую, ближайший супермаркет, троллейбусную остановку, чайную лавку, почтовое отделение, булочную, газетный киоск, пару кофеен, книжный магазин и стриптиз-клуб.

Усмехнулся:

– О да, стриптиз-клуб – это самое главное. Только ради него, можно сказать, и приехал.

– Именно так я сразу и подумала, – невозмутимо кивнула Рут.

Усадила кролика ему на колени и отправилась одеваться. Эдгар и Лена растерянно смотрели ей вслед.

Под предводительством маленькой рыжей Рут, сменившей пижаму с медвежатами на футболку с черепом, красные джинсы и ярко-желтые кеды, «вполне симпатичный» город оказался замечательным местом, почти волшебным и одновременно обжитым, разношенным как домашние тапочки, словно в детстве каждое лето приезжал сюда на каникулы к бабушке, которая работала доброй феей в какой-нибудь соседней сказке, а по выходным водила гулять, объясняла: «В этом доме у нас живет очень злой колдун, которого все боятся, зато его жена печет самое вкусное печенье в городе и торгует им с семи утра до полудня, пока злой колдун спит; сегодня уже поздно, а завтра с утра купим немного к чаю, попробуешь. А за теми воротами обитает дракон; говорят, в детстве его подобрала маленькая черно-белая кошка, выкормила как котенка и научила мурлыкать, поэтому дракон вырос очень добрым и ласковым, смотри, не вздумай его дразнить».

Рут, конечно, так далеко не заходила, но и в ее изложении реалистические детали переплетались с сиюминутными вымыслами, связывались в причудливые узлы, складывались в фантазмагорические узоры, слушаешь, смеешься, а потом, за обедом, уже не можешь понять, что видел взаправду, а что просто пригрезилось под негромкий щебет спутницы; проще уж решить, будто все еще едешь в автобусе, спишь сидя, прислонившись лбом к холодному, потемневшему от тысяч ночных дорог стеклу, и видишь такой замечательный сон, что и приезжать уже никуда не надо. Главное – подольше не просыпаться.

Думал: «Как жалко, что она улетает в эту свою дурацкую Аргентину. С другой стороны, если бы не улетала, я бы не приехал сюда. Ну уж нет! К черту такие сослагательные наклонения».

Вслух, конечно, ничего подобного не говорил, только многословно нахваливал поданное к обеду мясо с грибами-лисичками, холодный свекольный суп, капустный пирог. Еда в этом смысле даже лучше погоды, идеальная тема для разговора, помогает хранить полное молчание, ни на минуту не закрывая рта. Смешной парадокс.

Думал, впереди еще весь вечер, практически вечность, но внезапно оказалось, что дело движется к шести, а не позже семи Рут надо приехать в аэропорт. Был бы ребенком, разрыдался бы от обиды прямо за столом – мы же только разыгрались! Но поскольку давным-давно вырос, смог только предложить:

– Давай я тебя провожу.

– Если бы ты знал, сколько весит мой чемодан, спрятался бы от греха подальше в соседском подвале, – рассмеялась Рут. – Но теперь поздно, роковое слово произнесено, и тебе не вырваться из моих когтей!

Возвращались почти бегом, но дома Рут первым делом заключила в объятия кролика Лену, тискала ее, гладила, целовала, шептала что-то в смешное длинное ухо – прощалась. Даже не думала спешить. И только в половине седьмого, когда внимательно следящему за часами Эдгару стало окончательно ясно, что на самолет путешественница уже опоздала, принялась названивать в такси, которое приехало прежде, чем успели вынести на улицу вещи, и домчало их до аэропорта минут за десять – то ли город такой маленький, то ли транспорт тут заколдованный, поди разбери.

Поставив чемодан Рут на ленту транспортера, все-таки сказал:

– Ужасно жалко, что ты улетаешь. Да еще на целых два месяца. Так здорово было с тобой гулять!

– Да, отлично получилось, – улыбнулась она. – Но согласишься, глупо было бы сдавать билет именно теперь, когда есть с кем оставить Лену.

– Твоя правда.

Когда Рут пересекла широкую желтую черту, отделяющую путников от провожающих, сказал ей вслед:

– Я буду расчесывать Лену два раза в неделю. И все остальное. Ни о чем не беспокойся, пожалуйста.

– Все равно буду беспокоиться, – безмятежно улыбнулась Рут. – И ежедневно караулить тебя в скайпе, чтобы подвергнуть допросу. Таково уж мое дурацкое устройство. Переживешь?

Улыбнулся, заранее радуясь предстоящим сеансам связи:

– Переживу.

И еще долго смотрел ей вслед, даже после того, как рыжая голова окончательно скрылась в суетливой толпе уже прошедших досмотр пассажиров.

Восемьдесят восьмой автобус, рекомендованный Рут, домчал его в центр почти так же быстро, как давешнее такси. Некоторое время стоял посреди улицы, раздумывая: что теперь? Многочисленные, на первый взгляд, варианты сводились к универсальной формуле: выпить пива. Вопрос – какого, где именно и сколько раз. Решил, что начать можно прямо здесь, на Ратушной площади, затянутой тентами летних кафе. Но вместо этого почему-то развернулся и пошел на улицу Кармелиту, почти сердито думая: «Кролик там сидит один. То есть, одна. Ай, неважно. И жалюзи в кухне опущены, и сгущаются сумерки – тень, восточная сторона. Вдруг кролик боится темноты? Мои, вроде, не боялись. С другой стороны, кто их знает, я же не спрашивал...»

Открыл чужим ключом чужую дверь, щелкнул в коридоре чужим выключателем, прошел на чужую кухню, открыл клетку, взял на руки большую толстую теплую крольчиху, уселся с ней на чужой диван, зарылся носом в пушистую шерсть, подумал: «Вот я и дома».

А вслух сказал:

– Видишь, какой я дурак? Думал, ты темноты боишься.

И ответил себе тоненьким голоском, как бы от имени кролика Лены:

– Я не боюсь, но все равно молодец, что быстро пришел.

Иногда найти общий язык проще простого.

Ощущение «вот я и дома» не покидало его весь вечер. То и дело обнаруживал все новые совпадения: ладно бы только красные чашки, но диск с моцартовским концертом для флейты в музыкальном центре, добрая половина книг на полках как будто из моей библиотеки, круглый бумажный абажур в гостиной, пластиковая занавеска с морскими звездами в душе, и даже полосатое постельное белье в точности как у меня, словно мы с Рут не познакомились всего три недели назад на интернет-форуме для желающих найти бесплатное временное жилье в разных городах Европы, а прожили душа в душу много лет и успели перенять все мелкие пристрастия и привычки друг друга, так что теперь уже и не вспомнишь, где чье.

После некоторых колебаний постелил себе на кухонном диване, рядом с клеткой, чтобы кролик Лена не затосковала в одиночестве. Сто раз слышал, будто кролики не способны привязываться к людям, но не верил этим утверждениям. Всегда твердо знал, что Тим и Балбес его любили. И кстати, даже скептически настроенная мама признавала, что в его отсутствие кролики теряют аппетит. Ну, то есть, делают небольшие перерывы в еде, что по их грызуновым меркам – суровая аскеза.

Уснул под умиротворяющий хруст морковки с чистой совестью и разбитым сердцем. Ну, скажем так, слегка надколотым. И только утром, кутаясь после душа в темно-лиловое полотенце, сообразил, на что это все похоже. Даже рассмеялся, не то от растерянности, не то просто от неожиданности. Сказал кролику Лене:

– Слушай, похоже, я влюбился в твою хозяйку. Вот прямо rrrrrраз – и все, прикинь. И что теперь делать? Она же черт знает когда приедет. Черт знает когда! Бедные мы с тобой бедные.

От избытка чувств чмокнул крольчиху в меховой лоб и принялся варить кофе, чего никогда до сих пор не делал, поскольку терпеть его не мог. А для гостей держал кофейную машину.

Чуда не произошло, гадость получилась та еще. Но мужественно выпил ужасающий результат до последней капли. Более бессмысленного подвига во имя прекрасной дамы и вообще невозможно. Тем более, что Рут ничего о нем не узнает. Что только к лучшему. Любители кофе никому не прощают надругательств над своей святыней.

Все утро возился с кроликом. Отпустил зверька гулять по всей квартире, а сам ходил следом, как пастух, присматривал, чтобы не безобразничала. Лена, впрочем, вела себя как хорошо воспитанный ангел, даже провода грызть не порывалась, а ведь для Тима и Балбеса провода были любовью всей жизни, самым вожаделенным лакомством, генеральным дьявольским соблазном их вполне райского бытия.

В полдень вернул кролика в клетку и стал собираться на улицу – без особого энтузиазма, скорее из чувства долга. Глупо, приехав в незнакомый город, сидеть в четырех стенах. Хотя уходить из дома совсем не хотелось. Быть здесь – все равно что продолжать разговаривать с Рут; в каком-то смысле, даже больше, чем просто разговаривать. Сидеть на ее диване, развешивать одежду в шкафу среди ее платьев и свитеров, кипятить воду в ее чайнике, кутаться в ее плед – все это казалось сейчас разновидностью ласки, физической близостью, невинной, тайной и сладкой, все равно что спящую за руку держать, гладить по коротко стриженной голове, пока ее разум не ведает, что творится, зато тело прекрасно все понимает и соглашается, и хочет продолжения, и твердо намерено сохранить секрет.

Гулять однако все же пошел, сказав себе, что вернуться в Рутин дом будет даже приятней, чем сидеть в нем безвылазно. К тому же, для начала можно повторить вчерашний маршрут, сентиментальное путешествие влюбленного прекрасно совместится с покупкой овощей для кролика и какой-нибудь человеческой еды – если не себе, то хотя бы холодильнику, который еще со вчерашнего вечера чувствует себя опустошенным, и ощущения его совсем не обманывают, будем смотреть фактам в лицо.

Когда зашел пообедать в то же кафе, где сидели вчера, подумал вдруг, насколько же не похожа оказалась наскоро, наугад, наудачу начатая новая жизнь на старательно вымечтанную в больнице, когда, изнывая от милосердной скуки, незаметно победившей отчаяние и страх, спрашивал себя: «Если получится жить дальше, то как? Чего ты на самом деле хочешь?» В те дни, представляя себя беспечным перекасти-полем, променявшим условно счастливое прошлое и условно же внятное будущее на сочное великолепие текущего момента, строил в воображении умопомрачительные декорации: море, пальмы, загорелые уличные музыканты, крики чаек, блеск рыбьей чешуи, кирпичные стены нью-йоркских лофтов, потемневшие от времени столешницы английских пабов, зелень венецианской воды, белые пески океанских пляжей, скошенные потолки обетованных мансард, синие двери Крита, красное испанское вино и дороги, дороги, дороги, все золото редких ночных огней, вся сладость допитой под утро воды, все дорожные сквозняки, все небеса под самолетным крылом, весь мир, такой прекрасный, необязательный, недоступный и вожаделенный, когда проносится мимо на скорости восемьдесят или восемьсот километров в час, все равно, лишь бы не останавливался.

И вот, сделав первый шаг в полную неизвестность, обнаруживаешь себя в самой статичной из возможных позиций: под зеленым тентом уличного кафе, в самом центре маленького города, который наверняка покажется чертовски скучным не позже, чем послезавтра, когда все достопримечательности будут осмотрены по третьему разу, а новые не возникнут из утреннего тумана по мановению твоей руки, к этой мысли лучше привыкнуть заранее. В тарелке у тебя жареные колбаски, в кружке светлое пиво, в ушах звучат знакомые песни, а в телефоне ждут своего часа свежайшие, бессмысленнейшие новости из интернета, как будто и не уезжал никуда. Только и разницы, что теперь в чужом доме тебя терпеливо ждет белый кролик, рюкзак набит яблоками и свеклой, а дурацкое сердце сжимается от еще не наступившего и вряд ли вообще возможного счастья. И вот это, честно говоря, самый потрясающий сюрприз, совершенно на него не рассчитывал, когда старательно разукрашивал воображаемые декорации, повествующие об идеальной жизни идеального человека на идеальной земле, которой нет – и ладно, не надо, черт с ней. Берем, что есть, и плачем от благодарности, только не прилюдно, я тебя умоляю, в это кафе тебе еще ходить и ходить.

Домой вернулся еще засветло, покормил кролика Лену, сунулся в интернет в надежде на новости от Рут, которых пока не было, да и ждать еще не следовало, она говорила, что рейс с дурацкими неудобными пересадками, в сумме получается больше суток, если так уж хочется нервничать, можно начинать завтра утром, раньше – просто нечестно, не по правилам, запишу тебе штрафное очко.

Примерно час спустя начал понимать, что жизнь бездельника вовсе не так сладка, как представляется офисным страдальцам, измученным бесконечным ожиданием окончания рабочего дня. Но не бежать же устраиваться на работу вот прямо сейчас, в незнакомом городе, в чужой стране, да еще и на ночь глядя. То есть бежать-то, конечно, можно, вопрос – куда?

Правильный ответ: в супермаркет.

Купил пучок душистой травы, муку и дрожжи, ветчину, помидоры, шампиньоны и сыр, а еще несколько блокнотов и пачку карандашей. По дороге домой, злорадно потирая руки, говорил себе: «Ты когда-то мечтал вести в поездках дневник путешественника, описывающего быт и нравы современных европейцев, как будто они – дикие жители экзотических островов, на которые до сих пор не ступала нога цивилизованного человека, искренне удивляться повседневности аборигенов, рисовать их портреты, автомобили, компьютеры и прочие примитивные орудия труда. Вот и начинай прямо сейчас, благо в твоём распоряжении прорва свободного времени, новый город, чужая непонятная речь, щедро одобренная более-менее знакомыми языками, цепкая память и кролик Лена, самая покладистая натурщица всех времен. И приносить тебя в жертву голодным местным богам пока никто не собирается, неплохое начало, мало кому из твоих великих предшественников настолько везло».

Вернувшись домой, замесил тесто для пиццы, пока оно подходило, нарисовал целых три портрета белого кролика, скалку, чайник и собственную босую ногу, которая получилась удачней всех. Отправив пиццу в духовку, вкратце описал вчерашнюю прогулку с Рут и даже несколько диалогов, не слово в слово, но довольно близко к тексту – еще один способ заниматься любовью в отсутствие предмета страсти. Какой я, оказывается, смешной.

Пицца, надо сказать, получилась не хуже, чем дома, хотя обычно чужие духовки преподносят неприятные сюрпризы малоопытным поварам. Остаток вечера поделил между записями сегодняшних наблюдений, едой и возней с кроликом Леной, которая сперва печально сидела в углу клетки, но после небольшой прогулки и дружеских объятий повеселела и принялась хрустеть яблоком. Так устал со всеми этими приятными хлопотами, что отложил мытье посуды на завтра, и душ тоже на завтра, хорошо хоть раздеться хватило сил, а ведь мог бы заснуть, как сидел, все к тому шло.

Утро принесло сразу несколько сообщений от Рут: «Как дела?» «Как у вас дела?» «Ты куда подевался?!» «А, дошло, ты же спишь, у нас шесть часов разницы, я только прилетела и пока ничего не понимаю». «Тоже пойду спать».

Ну слава богу, добралась. Жалко, совсем чуть-чуть ее не дождался, уснул около двух, а Рут объявилась в половине третьего, ждала ответа, волновалась, пока я дрых, как дурак.

Написал: «Прости, действительно спал как убитый, у нас все хорошо, Лена радуется жизни, грызет ветку и передает привет», – и пошел ставить чайник. Умывшись, вернулся в кухню и только тогда сообразил: что-то тут не так. Но что именно? Все вроде бы на месте. Солнце в небе, кролик в клетке, нетбук на подоконнике, потолок над головой, пол под ногами, остывшая четвертушка пиццы в тарелке, тарелка на столе, остальная посуда в ра... Ой, нет. В раковине пусто, и сама она сияет чистотой.

Посуда, включая доску для теста и скалку, обнаружилась в кухонном шкафу, чистая и даже сухая, как будто вымыл ее, как положено, с вечера. А может, и правда вымыл? Да нет же, я точно помню, как засыпая, думал: «Быстро я тут обжился, уже и свинарник развел, как дома»... Вот черт!

Налил себе чаю. Подумал: «Могло быть и хуже. Например, если бы я честно помыл посуду перед сном, а с утра она бы снова оказалась грязной». Развеселился. Вспомнил: «Мама как-то рассказывала, что в детстве я ходил во сне; будем считать, это случилось снова. Оказывается, лунатические припадки бывают чертовски полезны в хозяйстве. Еще бы кроличью клетку научиться чистить, не просыпаясь. И мусор выносить заодно».

Допив чай, сказал кролику Лене:

– Еще есть вариант, что ты у нас – заколдованная принцесса. И по ночам превращаешься в прекрасную девицу, готовую помочь с уборкой приютившим ее добрым людям. В этой версии только одна неувязка: вряд ли принцессы приучены мыть посуду. Поэтому ты вне подозрений, можешь жевать дальше.

Крольчиха виновато моргнула и подошла поближе к дверце, явно напрашиваясь на ласку. Погладил ее, просунув палец через решетку. Сказал:

– А наша Рут спит сейчас в Буэнос-Айресе. У нее там еще глубокая ночь. Минус шесть часов, это тебе не кот чихнул. Знаешь, что такое «кот»? А почему у меня такое замечательное настроение, знаешь? Вот и я – нет. Хотя несколько рабочих версий имеется.

Отправившись гулять, взял с собой нетбук, останавливался в каждом кафе с бесплатным вайфаем, заходил в интернет, проверял, не появилась ли в скайпе Рут. Написал ей несколько писем, забавных и нежных, но ни одного не отправил, опасаясь показаться слишком назойливым. Сохранил в черновиках – может быть, пригодятся когда-нибудь потом.

Давился горьким эспрессо, суеверно полагая его чем-то вроде приворотного зелья: если пить кофе, пока не потемнеет кровь, а глаза приобретут цвет кофейных зерен, Рут не устоит, рано или поздно придет на запах, как голодный хищник, скажет: «Теперь я твоя навек», – прокусит вену и прильнет к вожделенному напитку. Ну или хотя бы просто напишет вот прямо сейчас, потому что невозможно уже ждать, пока пройдут эти дурацкие минус шесть часов, и для нее тоже наступит утро.

Когда Рут наконец проснулась и ответила на его сообщение лаконичным «Ура», отправил ей подробный отчет о жизни кролика Лены. Дескать, ест хорошо, спит спокойно, выпускаю гулять, иногда грустит, явно скучает по хозяйке, но, если погладить, снова довольна, жует и хрустит, ни о чем не волнуйся в своем далеком Буэнос-Айресе, в существование которого так трудно поверить здесь, на залитой августовским солнцем Ратушной площади Вильнюса, но я очень стараюсь, потому что если бы Буэнос-Айреса не было, тебе сейчас пришлось бы оказаться нигде, глупо получилось бы, правда? И кстати, как тебе там?

«Понятия не имею, – ответила Рут. – Я же только приехала. Успела добраться до Данки, выпить вина, завалиться спать и увидеть длинный скучный сон о том, как мою посуду на собственной кухне, а она все не кончается и не кончается, представляешь? Поэтому я пока вообще не уверена, что действительно приехала в Буэнос-Айрес. Но это можно проверить – вот прямо сейчас. О результатах доложу».

Ответил: «Буду ждать». И только попрощавшись, запоздало удивился совпадению: снилось, что мыла посуду, надо же. И, похоже, действительно ее вымыла. Никакое расстояние не мешает хорошей хозяйке навести порядок на своей кухне. А кстати, сколько между нами сейчас километров? Действительно интересно.

Двенадцать тысяч шестьсот восемьдесят шесть, если по прямой, – подсказал всезнающий интернет. И зачем-то добавил: звук преодолеет это расстояние за десять часов двадцать две минуты, а свет – за четыре сотых секунды.

Хорошо быть светом.

Вечером опять затеял пиццу. Не то чтобы совсем ничего кроме нее не умел, но остальные освоенные блюда готовились быстро и просто, а ему сейчас хотелось не столько есть, сколько основательно повозиться с ужином. Мало что так успокаивает и умиротворяет, как готовка, всегда это знал, даже в детстве, когда приходил домой, разобидевшись на всех друзей сразу, и принимался жарить картошку, потому что родители на работе, а в холодильнике – только ненавистный суп. И снимая крышку с истекающей луковым ароматом сковородки, всякий раз обнаруживал, что настроение уже исправилось, а причина ссоры не стоит выеденного яйца.

Снова рисовал кролика, пока подходило тесто, снова записывал подслушанные в городе диалоги, пока пицца томилась в духовке, за едой читал английский детектив в бумажной обложке из стопки, случайно обнаруженной в шкафу среди полотенец, перед сном пошел прогуляться – на самом деле, просто тянул время, надеясь, что Рут объявится в скайпе, но опять не дождался, хотя честно просидел почти до трех.

Посуду, однако, мыть не стал – на этот раз не от усталости, а ради эксперимента. Вдруг поутру она снова окажется чистой? Вот был бы номер.

Проснулся от шума льющейся из крана воды. Открыл глаза и тут же зажмурился от яркого света. За окном только-только начинали синеть предрассветные сумерки, зато лампы горели, все три: верхняя, настольная и светильник, закрепленный над мойкой.

– Сам виноват, – злорадно сказала Рут. – В комнате надо спать, а не в кухне.

Буркнул спросонок:

– Тут же кролик.

И только тогда понял, что происходит нечто невероятное. Хозяйка квартиры, позавчера улетевшая в Буэнос-Айрес, как ни в чем не бывало стояла возле раковины в своей дурацкой детской пижаме с медвежатами. И мыла посуду.

Здравый смысл требовал громко заорать и немедленно проснуться, схватившись за сердце. Но орать при Рут было неловко, а проснуться еще раз без крика не получалось, как ни старался, поэтому просто спросил:

– Ты что, уже вернулась? Как такое может быть? Или вообще никуда не улетала? Просто разыграла меня? Но зачем?

– Ерунда какая-то получается, – вздохнула Рут. – Сколько прочитала в свое время об осознанных сновидениях – кто руки или часы советует разглядывать, кто имя свое вслух произнести или попробовать почитать книжку. Но похоже, я сейчас переплюну всех гуру разом. Терпеливо объяснять своему сну, что я сплю, а он, соответственно, мне снится – элегантное решение, кто бы спорил. Главное, чтобы ты не начал утверждать, будто это я – твой сон. Тогда

я просто чокнусь, не углубляясь в дискуссию. И проснусь в сумасшедшем доме, где мне, честно говоря, самое место.

На всякий случай покосился на свои руки. Вроде бы самые обыкновенные, как всегда; с другой стороны, кто может поручиться, что наяву они не были зелеными, с восемнадцатью пальцами и длинными полосатыми когтями? А что эта бледная пятипалая немочь сейчас кажется нормой – обычное сонное наваждение, знаем, плавали.

Сказал:

– Сумасшедший дом на окраине Буэнос-Айреса – это, по-моему, невероятно романтичный финал, способный украсить любую биографию. А мне тогда придется жить в Вильнюсе с твоим кроликом до конца наших общих дней. Тоже ничего себе артхаус. Все кинофестивали наши.

– Ага. Во сне ты такой же чудесный болтун, как наяву, – заметила Рут. – Какое счастье.

Был так польщен, что переспросил:

– А я был именно чудесный?

– Да не то слово. Я даже пожалела, что не предложила тебе приехать на пару дней раньше. С другой стороны, откуда мне было знать, что мы с тобой так замечательно споемся. В скайпе ты какой-то сердитый был. И грустный. Я даже почему-то решила, что ты от жены хочешь бежать, не сказав, куда. А что, два месяца – отличный срок, чтобы как следует проняло. Боялась только, как бы вы раньше не помирились – что тогда с Леной делать?

Объяснил:

– Да я просто стеснялся. Ты тоже, знаешь, такая строгая была, как учительница. И лет на десять старше, чем на самом деле. Эти дурацкие встроенные камеры никого не красят. А бегать мне не от кого. И мириться, соответственно, не с кем. Не брошу я твоего кролика, не переживай.

– Теперь уже ясно, что не бросишь, – согласилась Рут. – Ты приехал, я на тебя посмотрела, и сразу поняла, что все будет в порядке. А то сказала бы: «Извини, моя поездка внезапно отменилась». Был у меня такой запасной сценарий. Я даже придумала, как прекрасно и с пользой проведу время, если останусь в Вильнюсе – чтобы не так горько реветь после того, как закончится регистрация на мой чертов рейс. Но если бы ты мне не понравился, осталась бы дома, не сомневайся. Я и так-то не в меру ответственная, и это всегда усложняло мне жизнь. Но с кроликом вообще какой-то кошмар начался! Заколдовала она меня, что ли?

– Я бы не удивился. Надо же им как-то среди людей выживать. Вот представляешь, если бы нас разводили великаны-людоеды? И поди разбери, зачем тебя взяли в дом и кормят – чтобы потом сожрать, или просто так, для радости? В такой нервной обстановке гипноз и прочая черная магия – единственное надежное средство. Сам не заметишь, как эволюционируешь.

Рут рассмеялась. Потом сказала:

– Все-таки совсем не похоже на сон. Как-то уж очень связно мы с тобой разговариваем. И обстановка не изменяется, и вообще ничего. Я уже несколько минут смотрю на эту тарелку, не отрываясь. И она до сих пор ни во что не превратилась. Но при этом я точно помню, что легла спать в Буэнос-Айресе, в Данкиной комнате для гостей. Пришла с прогулки и сразу рухнула как подкошенная – столько впечатлений! Плюс вино, да еще джетлаг. А ты что скажешь?

Усмехнулся:

– Ничего не скажу. Потому что если я твой сон, то могу только озвучивать твои идеи. А если ты – мой, тогда вообще все равно, отвечу я или нет. В смысле, настоящая Рут ничего об этом не узнает.

– Логично, – согласилась она. – И это настораживает меня еще больше. Во сне не бывает так логично! Впрочем, ладно. Если уж мне все равно снится, что я дома на кухне, давай хотя бы Лену потискаю. Достань ее из клетки, пожалуйста. Я почему-то никак не могу отойти от раковины... И это просто отлично! Хоть что-то происходит, как положено во сне.

Открыл клетку, протянул руку, осторожно погладил спящего кролика Лену и очень бережно, чтобы не напугать, вытащил зверька наружу. Снова погладил, прислушиваясь, как бьется сердечко – вроде, не быстрее, чем обычно, значит, все хорошо. Медленно, стараясь не делать резких движений, встал.

– Держи свою красавицу.

И только тогда понял, что возле мойки никого нет. И вообще нигде. Что, честно говоря, совершенно нормально, потому что Рут – в Буэнос-Айресе, двенадцать тысяч шестьсот восемьдесят шесть километров отделяют ее сейчас от смешного розового носа кролика Лены, от текущей из крана горячей воды, ярко горящих ламп, стопки чистой посуды в кухонном шкафу и циферблата настенных часов, на которых уже почти пять утра.

На всякий случай Эдгар обошел дом. Кролика носил с собой – без нее в темных комнатах почему-то было жутковато. Потом вернул Лену в клетку и заварил себе чаю. Все равно теперь не уснуть – после такой-то встряски. Присниться, конечно, может все что угодно. Но свет, но вода, но чистая посуда – все это было уже наяву. И совершенно необъяснимо.

– Как ты думаешь, хоть сейчас-то я проснулся? Или еще нет? – жалобно спросил он кролика Лену.

И ответил тонким, насмешливым голоском:

– Проснулся ты или нет, меня не касается. А вот почему ты до сих пор не порезал мне яблоко – это да, вопрос.

Она была совершенно права.

Был уверен, что уснуть не удастся как минимум до полудня, а то и до самого вечера, однако задремал прежде, чем успел допить чай, благо добираться до постели не понадобилось, уже там сидел. И проспал до десяти, как миленький. И, честно говоря, спал бы дальше, да Лена разбудила, не то затеяла в своем домике генеральную уборку с перестановкой, не то просто так бузила, но шум подняла знатный. И вид имела не виноватый, а напротив, чрезвычайно довольный. «Я царица мира, где моя морковка?» – таково было выражение еще недавно кроткой морды.

Достал кролика из клетки, погладил, прижал к сердцу, поцеловал в макушку. Сказал:

– Похоже, ты ко мне уже привыкла.

И пропищал в ответ:

– Это что за телячьи нежности с утра пораньше? Жрать давай!

Быть счастливым дураком легко и приятно. Но превратиться в такового практически невозможно. Мало кому настолько везет.

В таком состоянии и пребывал до самого сеанса связи с Рут. Только в самый последний момент забеспокоился: мне-то самому сейчас кажется, что это был удивительный, совершенно необъяснимый сон. Или даже не сон, а что-то вроде чудесного видения. А со стороны наверное бред собачий, ничего интересного. Может, еще и неприятно станет, что приснилась кому-то за мытьем посуды. Нет чтобы прекрасной принцессой в заоблачном замке!

Но все равно решил рассказать. Благо из-за плохой связи довольствовались письменными сообщениями, а так объясняться гораздо легче, чем вслух. Есть время обдумать каждую фразу. И выражения лица не видно, и голос не дрожит. И вообще.

На каждую реплику Рут отвечала: «Ничего себе!» А в финале призналась: «Представляешь, мне снилось ровно то же самое. Один в один. Полночи мыла дома посуду и трепалась с тобой. Дословно всего не припомню, но примерно о том же. По крайней мере, сумасшедший дом на окраине Буэнос-Айреса определенно упоминался, я еще Данку только что допрашивала, где тут ближайший, посмеялись».

Написал: «Ты извини, пожалуйста, что оставил столько грязной посуды. В первый раз просто спать очень хотел, а вчера нарочно не помыл, чтобы проверить, станет она опять чистой или нет. А выходит, тебя загрузил – каким-то идиотским мистическим способом».

«Ничего страшного, – ответила Рут. – Мытье посуды – единственная домашняя работа, которая меня не бесит. Даже, наоборот, успокаивает. И руки можно погреть».

Собравшись с духом, спросил: «Слушай, а что вообще происходит?» – совершенно не представляя, как можно ответить на этот вопрос.

«Понятия не имею. Но надеюсь, оно продолжит происходить, – написала Рут. – Ужасно это все интересно!»

«Да не то слово».

Вот именно, не то слово. Совсем не то. Но тоже хорошее.

До вечера бродил по городу, ничего толком не замечая, не думая ни о чем, почти не осознавая, что происходит; потом, уже дома здорово удивился, обнаружив, что, оказывается, успел нарисовать несколько десятков человеческих лиц – поспешные неловкие наброски, да еще и в линованном блокноте, вот дурак. Впрочем, какая разница, эти рисунки имеют разве что этнографическую ценность, да и то очень условную, в рамках давным-давно придуманной игры с самим собой. А теперь началась какая-то другая игра, совершенно непонятная, но захватывающая. И такая азартная! Уж очень высоки ставки, даже если никаких ставок нет вовсе, даже если сам их нафантазировал, даже если фраза Рут «Надеюсь, оно продолжит происходить» продиктована только вежливостью, или, например, любопытством, сама же сказала: «Интересно», – и это вовсе не означает, что... Да просто вообще ничего не означает. Все равно ставки высоки, как небо, до которого, если верить надписи в кафе, куда случайно забрел и остался обедать, двенадцать километров; получается, небо в тысячу раз ближе, чем чертов Буэнос-Айрес, где сейчас пьет горький черный кофе маленькая рыжая Рут. Даже чуть больше, чем в тысячу, в тысячу с хвостиком – кроличьим, конечно, чьим же еще.

– Все это хорошо, но ты с недопустимым легкомыслием относишься к обязанности резать для меня яблоки, – насмешливо сказала кролик Лена.

Ну, то есть сам, конечно, сказал, вернее, пропищал, для смеху. Но был совершенно уверен, что озвучивает Ленины мысли. Не так уж сложно было их угадать. А смягчить ее недовольство еще проще.

Пиццу на этот раз не пек, разогрел и доел остатки предыдущих кулинарных экспериментов. Немного прибрал квартиру. Не любил заниматься уборкой, но не мог допустить, чтобы Рут приснился бардак, который он уже успел развести при активном участии Лены. Крольчиха устала прикидываться тихим ангелом и, будучи выпущена на свободу, быстренько раскидала все, до чего успела дотянуться, включая книги, тапки и сложенные в плетеную корзину овощи, отличный вышел натюрморт. Но Рут его лучше не показывать.

Ждал ночи, как давно ничего не ждал. И одновременно очень боялся. Чего именно – бог весть. Что Рут не появится в кухне? Или что она все-таки появится, и тогда окончательно станет ясно, что мы оба сошли с ума? Или не оба, а только я? Или только она? Вот это, кстати, было бы обидно. Общее безумие объединяет, как необходимость вместе выживать на неизвестной планете, воздух которой, вроде бы, вполне подходит для дыхания, но на этом хорошие новости для нас заканчиваются. Или нет?

Или нет.

Сказал Лене:

– Мне с самого начала следовало заподозрить неладное. Если в деле фигурирует белый кролик, можешь начинать писать прощальное письмо своей голове. Но заметь, я ни на что не жалею.

– Еще бы ты жаловался, – пропищала крольчиха.

Ну, то есть не она, конечно. Сам пропищал. Все сам. И уснул тоже сам. В смысле одинешенек. Зато проснулся от шума воды и яркого света, как вчера. И Рут снова была здесь, в пижаме с медвежатами, маленькая, рыжая, растрепанная, немного хмурая спросонок, такая знакомая, настолько привычная, родная, своя, словно вместе росли, или хотя бы снились друг другу с детства – вот как сейчас.

– Очень мило, что ты оставил в раковине всего одну чайную чашку, – сказала Рут. – Но это не облегчило мою участь. Скорее наоборот. Я эту чертову чашку уже несколько минут тру, никак не могу ни домыть, ни просто отставить в сторону. Что, в целом, успокаивает. Нормальный такой себе сон, из разряда особо дурацких. Впрочем, теперь появился ты, и это отлично. Есть кому пожаловаться, что у нас тут сейчас зима – несложно было догадаться заранее, но я, конечно же, не догадалась, взяла с собой полный чемодан футболок и сарафанов, а здесь плюс одиннадцать, лютый аргентинский август, для них все равно что февраль, а больше всего это похоже на наш виленский октябрь, который как раз наступит, когда я вернусь домой. Данкины свитера мне велики, но ничего не поделаешь, хожу, надев один на другой и закатав рукава, такая смешная короткая толстая тумбочка, видел бы ты! Зато нынче побывала в квартале Палермо искала там дом Борхеса; как ни странно, нашла. Познакомилась в соседнем баре с прекрасной безумной англичанкой, она уже несколько лет тут живет. Узнала от нее имена двух главных местных ветров: юго-западный Памперо и юго-восточный Судестада, мальчик и девочка; уверена, что у них роман, и они счастливы вместе, хотя дуют, конечно, по очереди. Я сейчас очень лирически настроена, вот и выдумываю всякую чушь. Зато могу хвастаться, что в Буэнос-Айресе у меня уже целых четыре друга: два ветра, англичанка и Борхес. Но мне все равно мало. Я по тебе скучаю, представляешь? Гуляла сегодня, глазела по сторонам и думала: «Вот бы показать это Эду»... Ох, прости! Ты просил не сокращать твое имя, я помню. Но я не нарочно. Оно само!

Сказал:

– И черт с ним. Я так рад, что ты по мне скучаешь! На таких условиях можешь сократить меня хоть до одной буквы Э.

– Похоже, к тому все равно идет, – усмехнулась Рут. – Но учти, если завтра выяснится, что ты снова помнишь, как я мыла посуду на кухне, и этот наш разговор, я буду все отрицать. Неловко наяву признаваться почти незнакомому человеку, что соскучилась. А во сне само вырвалось. И почему-то нормально. Как будто так и надо. Такой уж дурацкий сон.

– Отличный сон. Но договорились, наяву я тоже сделаю вид, будто ничего такого не слышал. И сам не стану говорить, что счастлив тут, как последний дурак – просто от того, что живу в твоём доме, хожу по твоему городу, кормлю твоего кролика, и вдруг выясняю, что у тебя полотенца такого же цвета, как мои, и простыни, и Моцарт...

– Мой Моцарт такого же цвета, как твой?

Смеялись совсем как наяву. Только Рут при этом продолжала терзать чашку. Похоже, действительно не могла перестать ее мыть.

Добавил, досмеявшись:

– И письма я тебе наяву не отправлю. Потому что письма – это уже совсем страшный компромат на меня. Взрослые люди такого друг другу не пишут. А я уже штук восемь накатал.

– Нет уж, письма пожалуйста, отправь, – строго сказала Рут. – Потому что, во-первых, все равно проговорился. А во вторых, я же действительно скучаю. Зря, что ли, ты снишься мне каждую ночь?

Молчал, совершенно потрясенный тем, как складывается их разговор. В такой ситуации уже все равно, кто кому снится. И как это вообще возможно. И кто сошел с ума, вернее, кто сошел с ума первым. Потому что теперь-то, пожалуй, оба. И, господи, как же это хорошо.

– Слушай, – сказала Рут, – я тебя особо не расспрашивала, хотя ужасно хотела. Но наяву казалось бестактным лезть в чужие дела, я так не могу. Но сейчас-то можно, а даже если нельзя, все равно спрошу: а чего тебя вообще понесло в Вильнюс? Да еще на целых два месяца. Какие у тебя здесь дела?

– Абсолютно никаких. То есть, одно дело теперь есть: присматривать за твоим кроликом. Но это все.

– Ты приехал в Вильнюс, потому что захотел возиться с чужим кроликом? Я правильно тебя поняла? А не проще было завести своего?

– Не совсем так. Я приехал в Вильнюс потому, что здесь нашлось бесплатное жилье на достаточно долгий срок. Ну, просто твое объявление первым на глаза попало. А мне было почти все равно, куда, лишь бы поехать. Лишь бы начать.

– Начать – что?

– Новую жизнь. Такую, как всегда хотелось. Переезжать из города в город, задерживаться где-то на месяц, где-то на полгода, как пойдет, чтобы не туристом по достопримечательностям проскакать, а пожить по-настоящему, втянуться в городской ритм, обзавестись привычками и предпочтениями, с кем-то познакомиться, что-то начать понимать, а потом – рrrrrраз! – и дальше. Еще куда-нибудь. Вообще-то для такой жизни надо быть богачом. Но я, как и ты, грабить банки не умею. Бонни и Клайда из нас не выйдет, это я уже понял. Но может оно и неплохо?

– Переезжать из города в город, – зачарованно повторила Рут. – Менять одну жизнь на другую, не всерьез, понарошку, как будто у тебя их много-много, как платьев в шкафу модницы, самого долгого лета не хватит, чтобы выгулять все, но можно хотя бы просто покрутиться перед зеркалом. Слушай, как же я тебя понимаю! Сама когда-то мечтала так жить. Перепробовать побольше разных судеб или хотя бы только разных городов и стран, и везде представляться разными именами, просто так, от жадности, чтобы примерить на себя все, сколько успею. Но знала, что не решусь. И организовать не сумею. И деньги – хоть сколько-то совершенно необходимо. Откуда, скажи на милость, их брать? Но ты, получается, все же решился. Вот объясни мне, разумной трусихе, как?!

Сказал:

– Знала бы ты, сколько лет я не решался. Жил, как нормальный человек, каждый день ходил на работу, два раза в год брал отпуск, уезжал куда-нибудь на край света, и это было настоящее счастье, только слишком быстротечное – ну уж какое есть. А все остальное время я – отдельно, а мои мечты о вечных странствиях – отдельно, ясно же, что невозможно, так не бывает, люди так не живут, кроме, разве что, нескольких сотен эксцентричных богачей, но одним из них мне не стать, даже если мою прекрасную зарплату завтра увеличат еще втрое. Но, в общем, и так все неплохо, – говорил я себе, оглядываясь по сторонам, сравнивая себя с другими, и был по-своему прав. Так бы и жил до сих пор, если бы не заболел. Одно время думал, что не выберусь, но как видишь, выбрался, даже без серьезных последствий, не хмурясь, забудь, не о чем тут говорить. Просто пока выбирался, у меня появилось время как следует подумать. Спросить себя, что именно так сильно боюсь потерять сейчас. И оказалось – возможности. Сотни тысяч нереализованных возможностей, одна другой слаще. Понятно, что до всех мне не дотянуться, ни одной самой долгой человеческой жизни на это не хватит. Но с чего-то можно начать. Я спрашивал себя: «Чего ты хочешь больше всего на свете?» И отвечал. Целыми днями только тем и занимался, что отвечал себе на этот вопрос. Больничная скука и слоняющаяся по коридорам смерть, о которой никогда точно не знаешь, за кем она сегодня пришла, отличные исповедники. Кого угодно заставят посмотреть в лицо некоторым фактам о себе. А когда я вышел из больницы, практически новорожденный, растерянно озирающийся по сторонам, оказалось, что моя прежняя жизнь уже благополучно рухнула – сама, без моих усилий. На работе мне нашли замену, девушка успела не только закрутить новый роман, но и

выскочить замуж, друзья – не то чтобы отвернулись, даже помогали, чем могли, но им было скучно со мной больным и совсем не о чем говорить с выздоровевшим, а мне – с ними, я все-таки сильно изменился за это время, и общего контекста у нас не стало, это тоже важно, может быть, вообще важнее всего... На самом деле я мог быстренько отстроить на этих руинах новую жизнь, точную копию старой. С моим резюме и знакомствами совсем несложно найти работу, а все остальноеросло бы само собой: девушки, друзья, прежние или новые, какая разница, отпуск на тропических островах, квартира – если не та же самая, то примерно такая же; год спустя я, чего доброго, решил бы, что жизнь наладилась, выдохнул и снова принялся бы мечтать о чем-нибудь прекрасном и даже вполне возможном – для других, не для меня. Но я сказал себе: «Стоп». Подсчитал остатки финансов, окончательно понял, что богатым бездельником мне, увы, не бывать, зато если путешествовать, скажем, автобусами и находить недорогое, а еще лучше бесплатное жилье, моих запасов хватит на пару-тройку очень счастливых лет. По крайней мере, таких, как я хотел. А там – поглядим.

– Ну ты даешь, – вздохнула Рут. – Не думала, что ты такой храбрый.

– И глупый.

– Не без того. Но такой глупости поди еще научись. Слушай, как же я рада, что ты нашел мое объявление!

– А я-то как рад. Совершенно не собирался ехать в Вильнюс. В моих мечтах фигурировали Париж, Барселона, Венеция – список настолько предсказуем, что можешь продолжить сама. И тут вдруг: «Требуется компаньон для белого кролика». Я так и сел. Сперва написал из чистого любопытства, потом ходил, думал, говорил себе: «Какая разница, с чего начинать, лишь бы поскорей, пока голова не заработала в нормальном режиме и не прикрыла проект». И вдруг как-то неожиданно выяснилось, что я уже приехал и стучу в твою дверь. И с этого момента все пошло совершенно не по плану. Поди такое запланируй. Я тут у тебя как-то внезапно обнаружил, что мне все еще довольно мало лет. И я снова ни черта не знаю о мире, в котором мы живем. Зато у меня определенно есть сердце, большое-пребольшое, едва помещается в груди. И куча времени впереди – в любом случае, сколько бы его ни осталось, потому что теперь даже всего один день – это невероятно много, как целая жизнь. Не могу объяснить, почему так. Ай, неважно. Я сейчас вообще ничего не могу объяснить. Но оно все равно происходит, а это главное.

– Знаешь что? – сказала Рут. – Если завтра ты опять будешь все помнить, можешь не делать вид, будто никакого разговора не было. И я не стану. Потому что разговор был. Для меня это важно. Сон, не сон – да хоть галлюцинация. Все равно глупо было бы от него отказываться. Хоть и чокнуться можно, если хоть на минуту задуматься о сопутствующих обстоятельствах.

– Я вчера вечером решил, что все дело в белом кролике. Как только в истории появляется белый кролик, разум может подавать в отставку. Ему же будет спокойнее.

– В белом кролике? – переспросила Рут. – Слуууушай! Ну конечно. Сразу могла бы догадаться. А ну-ка скажи, что сейчас делает Лена?

– Дрыхнет в клетке без задних ног.

– А ты попробуй ее разбудить... Нет, погоди секунду. Послушай. Если я исчезну, как только Лена проснется, значит я угадала. Тогда выходи в скайп прямо сейчас. Я тебе все объясню. А потом пойду сдаваться в сумасшедший дом.

Сказал растерянно:

– Ладно.

И полез в клетку за Леной. Очень медленно и осторожно. Трудно разбудить кролика, не испугав.

К счастью, кролик Лена была не из пугливых. Даже не вздрогнула, когда Эдгар ее погладил. Моргнула и принялась обнюхивать его ладонь, доверчиво положив на нее передние лапы.

Сказал:

– Я молодец. Очень аккуратно ее разбудил. Достать? Хочешь поздороваться?

Но ему никто не ответил. Рут действительно исчезла. И кран на этот раз за собой закрыла. И чашку оставила в мойке – ослепительно чистую, глазам больно.

Подумал: «Ну надо же, а». И пошел включать компьютер, как договорились.

Рут уже ждала его в скайпе. Даже успела написать: «Ну и где же ты?» Такая нетерпеливая. Спросил: «Слушай, все было, да?»

Дурацкий, конечно, вопрос – это если вне контекста. Зато с ним – в самый раз.

«Было, – ответила она. – Более того, я тебе сейчас расскажу, что именно было. Обхохочешься. Хочу это видеть. Попробую позвонить. По ночам тут вроде нормально все работает».

Когда Рут появилась на экране, стало ясно, что пижама с медвежатами по-прежнему на ней. Не то доказательство, не то просто совпадение, поди разбери. Но безусловно добрый знак.

– У нас еще детское время, – сказала она. – Чуть-чуть за полночь. Я тут очень рано ложусь и встаю, а дома была такая сова! Но джетлаг творит чудеса. Сейчас быстренько расскажу тебе про Лену и пойду спать дальше. Просто до завтра откладывать не хочу. Завтра проснусь с ясной головой, подумаю: «Что за глупости», – и не стану ничего тебе рассказывать. А это будет нечестно.

Молча кивнул, подбадривая ее. Дескать, что там про Лену?

– Штука в том, что это я ей приснилась, – сказала Рут.

– Что? Ты? Кому?

Так растерялся, что задал, как минимум, два лишних вопроса. Вполне можно было ограничиться одним «Чтооооо?!»

– Я. Приснилась. Кролику. Лене.

Рут говорила громко и четко, практически по слогам. По некоторым косвенным признакам Эдгар догадывался, что у него по-дурачки распахнулся рот. Но ничего не мог с этим поделать.

– Ну что ты теперь смотришь на меня как на чокнутую, – вздохнула Рут. – Я-то, конечно, чокнутая, не вопрос. Но сейчас дело говорю. С Леной все, видишь ли, очень непросто.

– Ну да. Она же белый кролик.

Наконец-то справился с непокорным ртом, сложил его в более-менее убедительную улыбку.

– Ты сперва дослушай. С Леной у нас было вот что. Когда я принесла ее в дом, поселила в своей спальне – ну, чтобы всегда была под присмотром. И все у нас шло хорошо. Только я время от времени просыпалась посреди цветущего луга. Такой, знаешь, совершенно идеальный луг, залитый солнцем, заросший свежайшей молодой травой, и дождь явно недавно прошел, и земляника поспела. Я думала – какой хороший сон – и спала себе дальше. Не брала в голову. Да и кто бы на моем месте стал? А что у меня в волосах то и дело застревала трава, ничего удивительного – если учесть, что я постоянно собираю ее для кролика. Потом я купила большую клетку и поставила ее в кухне. Лена к тому времени уже вполне обжилась, я решила, можно оставлять ее на ночь одну. И какое-то время ничего особенного не происходило. Ровно до тех пор, пока я не стала спешно дописывать диссертацию. Штука в том, что когда я напряженно работаю, я начинаю много курить. Помогает сосредоточиться; впрочем, неважно. Важно, что из-за этого мне пришлось устроить рабочее место на кухне. Это единственное помещение в доме, где можно курить, потому что там отличная вытяжка, ну и вообще, кухня есть кухня, там должно быть можно все.

– Точно.

– Рада, что ты тоже так думаешь, – зевнула Рут. – Обидно было бы не сойтись с тобой в одном из самых главных вопросов бытия.

– Вот и я обрадовался. Извини, что перебил.

– Ничего. Я сейчас как танк, меня с толку не собьешь. Потому что твердо решила: пока не закончу, спать не пойду. Мощная мотивация! Так вот, стала я работать на кухне. И Лена рядышком в клетке возится. Похрустит-похрустит и засыпает. И вот тогда этот прекрасный райский луг стал мерещиться мне наяву. Я сперва испугалась – ни фиги себе заработалась до галлюцинаций! А ведь, можно сказать, только начала, что дальше-то будет? Да, так вот. Что особенно интересно. Я, как типичная тревожная мамаша, чуть что не так, хватаю кролика на руки, чтобы защитить от всех напастей. И тогда тоже лезла за ней в клетку, хотя глупо, конечно, защищать зверька от собственных галлюцинаций. Но моими действиями руководил не разум, а дремучий инстинкт. Зато когда я брала Лену на руки, видения тут же рассеивались. Я переводила дух, а она сонно моргала и барабанила лапами по моему животу – дескать, оставь меня в покое, дай поспать! Так что какое-то время я была свято уверена, что галлюцинирую от переутомления, и только прикосновение к чудодейственному кролику Лене возвращает мне разум. Но дело, конечно, было не в этом. А в том, что я ее бужу. Это пришло мне в голову гораздо позже. Причем даже не тогда, когда по утрам я выметала из кухни увядшие листья и сухие цветы. А когда у меня остался ночевать приятель. Я постелила ему на кухне, а поутру выслушивала восторженный рассказ о том, как сладко у меня спится. И какой замечательный сон он тут увидел, чудесный цветущий луг, омытый недавним дождем и освещенный солнцем. Соображаешь?

– Ты поняла, что этот луг мерещился не тебе, а кролику?

– Ну как – «поняла». Скорее просто заподозрила. Звучит как бред собачий, особенно если вслух говорить. Кролику вполне может присниться все что угодно, но каким образом ее сны становятся видны всем остальным? А все равно, почему бы не проверить. И я проверила. Перетащила клетку в спальню и спокойно дописала диссертацию без единой галлюцинации. А клетку потом вернула на место. Решила, что больше ничего не хочу знать о снах моего кролика. И так твердо решила, что выбросила из головы все эти глупости – до сегодняшнего дня.

– Но, кстати, цветущий луг мне пока ни разу не примерещился.

– А кто сказал, что кролику все время должен сниться один и тот же сон? – усмехнулась Рут. – Время шло, концепция в ее маленькой голове сменилась; возможно, неоднократно. А тут еще я уехала. Что бы там ни говорили зоологи, а я совершенно уверена, что Лена по мне скучает. И поэтому ей снится, как я мою посуду. Я уже давно заметила, что ей нравится шум воды. Я часто мыла посуду по вечерам, перед тем, как пойти спать. И Лена всегда просила, чтобы ее выпустили из клетки, подходила поближе к мойке, сидела смирно и слушала, как меломан на концерте. Видимо именно так она теперь представляет себе рай: за окном ночь, в кухне горит свет, журчит вода, я мою посуду.

– Но ты же была совершенно настоящая! А не какая-нибудь галлюцинация.

– Откуда ты знаешь? Ты же меня не трогал. А разговаривать можно и с галлюцинацией. Многие так делают, я читала.

– Но ты же все помнишь, как будто действительно здесь была. И в скайп сейчас вышла, потому что мы договорились... – погоди, получается, мы сейчас разговариваем, потому что договорились об этом в кроличьем сне? Ох.

– Получается, – вздохнула Рут. – И я тоже не понимаю, почему так получается. Может быть, штука в том, что я сама в это время спала? И каким-то образом, была «на связи»? Ну, как будто включила телефон, хочешь – звони. А когда я бодрствую, Лене снится что-нибудь другое. Или вообще ничего. Можно же какое-то время спать без сновидений. Медленная фаза... или, наоборот, быстрая? Ни черта не помню о них; впрочем, неважно. Звучит-то в любом случае совершенно чудовищно.

Согласился:

– Чудовищно. Тем не менее, если ты сейчас ложишься спать еще до полуночи, все совпадает. Когда ты мыла посуду, у нас было как раз около пяти утра. И Лена действительно дрыхла.

Твоя версия кажется мне все более разумной. Именно «разумной», прикинь! Приятно сходить с ума в хорошей компании.

– Рада, что тебе нравится. Потому что, подозреваю, именно этим нам с тобой предстоит заниматься в ближайшее время. Знаешь что? Пойду-ка я спать дальше. Завтра еще наговоримся. А посуду лучше больше не мой. Всего одна чашка, как сегодня – это был практически кошмар. Никакого разнообразия!

Сказал, глядя ей вслед, вернее, в потемневший экран:

– По крайней мере, ясно одно: спать я теперь буду только на кухне. Пока не вернешься. А там поглядим.

Улица Кауно (Kauno g.) Где-то здесь рядом

Забрели невесть куда, что само по себе невелика беда, туристам спешить особо некуда, а фотографировать телефоном – косо-криво, даже не ради похвальбы в соцсетях, кого нынче удивишь короткими бюджетными путешествиями, а как бы «на память», в доказательство, что поездка действительно была – не все ли равно, что именно. Но изрядно продрогли на сыром зимнем ветру, к тому же обеим очень хотелось кофе или чаю. Да практически чего угодно горячего, но определенно не шаурмы, безрадостную встречу с которой сулила поблекшая вывеска единственной на всю улицу забегаловки. Тогда Катя подошла к женщине средних лет, выгуливавшей улыбчивую белую лайку, спросила, говорит ли та по-русски, получила в ответ нетерпеливый кивок, сказала: «Я точно помню, в прошлом году где-то здесь была прекрасная кофейня, забыла, как называется, но, может, вы случайно знаете, о чем речь?» Женщина расцвела улыбкой – ну как же, «Кофейная Страна», сама их очень люблю, это совсем рядом, просто вы не с той стороны подошли. Видите арку? Пройдете двор насквозь, выйдете на улицу Кауно, сразу налево, ближайшая к воротам дверь.

Сказали нестройным дуэтом: «Спасибо», – нырнули в арку и попали во двор, где каким-то образом уживались новенький, с иголки двухэтажный особняк, ветхие деревянные сараи, неуместные в декабре яркие пляжные полотенца на веревках и унылая пятиэтажка советских времен, покрытая условно каллиграфическими надписями на разных языках, среди которых попадались вполне понятные: «First things first», «Punk's Not Dead», «Руслан – лох».

Мир велик, везде одно и то же.

Уже в кофейне, заняв очередь за девочкой с голубыми волосами и бородачком в клетчатых штанах, Соня спросила:

– Так ты уже сюда ездила? А говорила, в первый раз...

– Конечно, в первый, – пожала плечами Катя. – А почему ты?.. – и, оборвав себя на полуслове, рассмеялась: – Ай, ну да! Я же той тетке сказала, что в прошлом году... Неважно; я ей соврала. Это просто такой метод быстро находить в незнакомом городе все, что захочешь.

Соня нахмурилась – какой метод? О чем она вообще? Но тут подошла их очередь, и расспросы пришлось отложить.

– Так что за метод? – спросила Соня после того, как они, обхватив озябшими руками горячие кружки, устроились в креслах с такими удобными спинками, хоть никогда отсюда не уходи.

– Просто когда мне нужно срочно найти что-нибудь в незнакомом городе, я всегда спрашиваю прохожих так, как будто точно знаю, что оно где-то тут рядом есть.

– Что ты имеешь в виду?

Когда Катя начинала вот так бойко, бодро тараторить, Соня переставала ее понимать. Из-за этого всю жизнь считала себя глупее сестры. Хотя самой было ясно, не в уме дело, просто у них разная скорость. Дай им обеим какую-нибудь задачу повышенной сложности и срок на решение сутки, ее, в итоге, решит именно Соня. А элементарную, из учебника арифметики для младшей школы, но за десять секунд – за этим к Кате. У Сони предложение сделать что бы то ни было за десять секунд вызовет, в лучшем случае, головокружение. Они вообще были очень разные, во всем, хоть и родились почти одновременно, с разницей двадцать, что ли, минут. Но не близнецами, а двойняшками, настолько непохожими, что их никогда не принимали за сестер.

– Извини, – кротко сказала Катя. – Вечно я тараторю. Смотри как: когда я оказываюсь в незнакомом городе и очень хочу быстренько найти, например, как сегодня, хорошую кофейню, которая совершенно не факт, что есть поблизости, я выбираю какого-нибудь симпатичного прохожего и говорю: «Я точно помню, что где-то тут была отличная кофейня, но почему-то не могу ее найти». И всегда выясняется, что рядом действительно есть отличная кофейня. Или аптека. Или художественная лавка, или обувной магазин. Да все что угодно. Однажды в Праге я оказалась с заблокированной картой, практически без наличных, в воскресенье, когда банковская служба поддержки бодро обещает разобраться завтра – представляешь, да?

Соня невольно поморщилась, вообразив такую неприятность. Вот за это она и не любила путешествия: в любой момент может случиться какая-нибудь дурацкая накладка, на которую нужно быстро реагировать, соображать, принимать меры, менять планы, все вот это вот. Причем всего заранее не предусмотреть, не застрахуешься, как ни старайся. Конечно, ничего страшного в этом нет, все преодолимо, но что за отдых, если приходится что-то там преодолевать? Командировки – еще ладно бы. Работа есть работа, можно и потерпеть.

– Какая-то еда у меня в гостинице была, – продолжала тараторить Катя, – а наличную мелочь я почти сразу спустила в уличном киоске на горячую булку и что-то вроде какао, думала, не пропаду. И не пропала, конечно, но гулять весь день под моросющим дождем мимо всех этих сияющих теплых окон, за которыми пьют и едят, и ни разу нигде не присесть было ужасно обидно. Так я, представляешь, спросила какую-то юную парочку: «Ребята, мне этой весной где-то здесь бесплатно налили кофе...» – они мне не дали договорить! Дружно закивали и показали какую-то забегаловку – ну как забегаловку, скорее даже что-то вроде ресторана – с подвешенным кофе. Знаешь, что это такое?

Соня, когда-то читавшая об этой традиции в Интернете, кивнула.

– Ну вот. А я именно тогда и узнала. Дело было лет восемь, кажется, назад... Неважно! Важно, что даже в такой непростой ситуации сработало. В общем, по моему опыту, если спрашиваешь о чем-то так, словно точно знаешь, что оно где-то здесь рядом, обязательно оказывается, оно действительно есть. А когда просто: «Подскажите, где тут у вас что-нибудь такое?» – как повезет.

– Интересно, – задумчиво сказала Соня. – А почему обязательно в незнакомом городе?

– Потому что в своем всегда более-менее представляешь, что тут где. Что в каком районе есть, а чего совершенно точно быть не может. Даже если не знаешь, все равно краем уха слышала, мельком видела или просто догадываешься. И в итоге выходит нелепо, как попытка угадать имена собственных одноклассников на общей фотографии. Невозможно угадать то, что и так знаешь. Понимаешь, о чем я?

– Пожалуй, – согласилась Соня. И надолго умолкла.

Катя косилась на сестру с некоторым опасением. Уже привыкла, что настроение у той может испортиться когда угодно, от любой ерунды. И тогда уж – где мой конь пройдет, не растет трава. То есть слова дурного не скажет, и улыбаться будет, и вежливо поддерживать разговор, а нервы все равно вымотает, и настроение испортит, и выглядеть на любом празднике жизни будет, как гроб под новогодней елкой. Как ей это удастся, не понимает никто.

Но сейчас Соня выглядела вполне довольной. Сидела в кресле, маленькими глотками пила щедро разбавленный молоком кофе, рассеянно рассматривала развешанные по стенам плакаты. И явно не жалела, что согласилась на совместную поездку. Скорее всего, временно не жалела. Но все равно отличный результат.

Катя уже давно старалась растормошить сестру, которая сиднем сидела дома, не то что куда-нибудь за границу, а на оставшуюся им родительскую дачу выбиралась хорошо, если пару раз за все лето. И к морю ни разу не ездила с тех пор, как их восьмилетних в последний раз возили в Крым родители. Считай, вообще никогда. Изредка ее отправляли в рабочие команди-

ровки, в Германию и обратно. С командировками Соня смирялась и справлялась легко, поездок она не боялась, просто не любила. Не понимала, какого рода удовольствие можно получить от перемещения тела в пространстве. «Все равно везде примерно одно и то же», – говорила она.

Ясно, что не всем быть великими путешественниками, невеликими тоже не всем. Но Катя не оставляла надежды привить сестре хоть какой-то вкус к поездкам. В первую очередь ради себя. Катя любила сестру. То есть дело даже не в этом, мало ли, кого мы любим, вовсе не обязательно всюду таскать их за собой. Просто с Соней было здорово делать что-нибудь вместе. Все равно что, да хоть пельмени лепить. Вместе у них получалось как-то удивительно ладно, легко и быстро, как будто вместо одной неторопливой помощницы получила целую дюжину. Соне вроде бы тоже нравилось проводить время с сестрой, но от поездок она до сих пор наотрез отказывалась, изобретательно сочиняя отговорки, одна убедительней другой. И вдруг согласилась на четыре дня поехать в Вильнюс. Интересно, почему? Что-то пошло не так? Или, наоборот, чересчур «так»? И оказалось, что все это время хотелось совсем другого, чего теперь, как ни старайся, не получишь? Поди угадай, Сонька скрытная. С ней никогда не поймешь.

– А что-нибудь совсем невозможное ты пробовала? – спросила Соня.

С момента разговора в кафе прошло уже часа полтора. За это время сестры успели допить кофе, вернуться в Старый город, слегка заплутав по дороге, сфотографировать пару десятков забавных рисунков на стенах, купить ядовито-зеленые носки с Гомером Симпсоном и запоздало осознать, что дарить их некому, такие никто не станет носить. Значит, придется справляться самим.

Поэтому Катя сперва не поняла, о чем речь.

– Пробовала ли я что-то невозможное? – переспросила она. – Хороший вопрос. Пожалуй, все-таки нет. Как же его попробуешь, если оно невозмо?..

Соня, обычно готовая годами терпеливо ждать, пока собеседник закончит фразу, не дала ей договорить.

– Я имею в виду, ты когда-нибудь пробовала сказать кому-то из прохожих, что где-то рядом совершенно точно находится... ну, я даже не знаю. Летний дворец королевы фей. Курсы хождения в голом виде. Штаб-квартира чемпионата мира по безутешным рыданиям. Прачечная для облаков. Было бы смешно, если бы они и на это соглашались. И показывали дорогу. И ты попадала бы во все эти удивительные места.

– А, поняла! – обрадовалась Катя. – Нет, совсем невозможное – точно нет. Но, кстати, мой пражский вопрос про бесплатный кофе был на грани, согласись?

– Если даже теоретически не знать, что бывают заведения, где кофе «подвешивают», пожалуй, да. Но, по-моему, это как-то недостаточно эффектно. Ну кофе, ну бесплатно, подумаешь. Я все-таки за курсы хождения голышом... при дворце королевы фей. Давай кого-нибудь спросим? Хочешь, я сама спрошу?

Вот в этом вся Сонька. Молчит, думает о чем-то своем, улыбается напряженно, как отличница перед экзаменом, и вдруг – ррраз! – готова расспрашивать незнакомых прохожих о курсах хождения голышом. И только самые близкие знают, что это еще вполне невинная выходка, Сонечка-лайт.

– Курсы для голых при дворце королевы фей – это все-таки слишком нелепо, – сказала Катя. – Мы с тобой не психи и точно знаем, что такого нигде в мире не может быть. Ничего не получится, еще и мой прекрасный метод, чего доброго, испортится от неправильного употребления. Надо придумать что-нибудь потоньше. Так, чтобы у нас самих оставалось смутное сомнение: а вдруг такое бывает?

Соня недовольно поморщилась, но, подумав, согласилась:

– Ладно, курсы и правда глупо. И никому не нужно, чтобы они здесь появились. Включая нас. Что мы будем делать с таким счастьем? Записываться? Так нам улетать в воскресенье. К тому же, занятия наверняка проводятся на литовском языке.

Катя прыснула, но сестра сохраняла серьезность.

– Пусть тогда будет комитет по защите воздушных шаров от воздушных змеев, – предложила она. – Или наоборот, змеев от шаров? Или санаторий для нервных комнатных растений. Мы, к примеру, собрались навестить любимую азалию нашей тетушки Изольды, но забыли дома визитку с адресом лечебного учреждения, только помним, что оно где-то возле Святых Ворот... Или нет, лучше какой-нибудь музей. Мы же туристы. Туристам полагается искать музей. Чего-нибудь совершенно бессмысленного и бесполезного.

– Музей разных глупостей, – предложила Катя.

– Да. Например, музей разных глупостей. Или даже так: музей глупых вещей. Отличное должно быть место. С воистину необъятной экспозицией. Все результаты деятельности человечества, кроме унитазов, стиральных машин и противозачаточных таблеток. Я бы на такое посмотрела. Ну что, давай?

Катя пожала плечами – дескать, делай, что хочешь. Не то чтобы ей было жалко; честно говоря, она вовсе не боялась, что ее любимый способ освоения незнакомых городов действительно испортится от неаккуратного применения – еще чего! Просто заранее представляла, как Сонька будет переживать разочарование. Будем честны, неизбежное. И ведь сама это знает, а все равно лезет. Как будто нарочно подыскивает повод огорчиться и ходить потом мрачнее тучи до самого отъезда. По уважительной причине, не просто так!

С другой стороны, если не поддержать игру, настроение у нее испортится не меньше. Но тогда Сонька будет обижаться не на весь жестокий мир, а адресно, на сестру. Нет уж!

Поэтому Катя поспешно добавила:

– Если спрашивать, то ту бабку в лиловой шубе. Если кто во всем городе и знает про музей глупостей, спорю, это она.

Старуха и правда была что надо. К лиловой шубе из меха невинноубиенного поливинилхлоридного агнца прилагались такие же лиловые кудри, радужные митенки, цыганская юбка и ковбойские сапоги. Встречая подобных красоток, Катя всегда думала: «Ужас какой, совсем чокнулась бедняга», – но вслух демонстративно заявляла: «Вот и я в старости тоже такая буду!» А Соня обычно говорила: «Нет, ну это уже слишком», – с такой плохо скрываемой завистью, что сразу становилось ясно, как она представляет идеальный закат своих дней.

Сейчас, впрочем, Соня не стала обсуждать наряды лиловой старухи, а торопливо подошла к ней, заговорила – ай, жаль, далеко, не слышно! Диалог затянулся, откуда-то появилась карта центра города, у них самих были такие же, в гостиницах их всем раздают. Две головы, лиловая и белокурая склонились над трепещущим на зимнем ветру тонким листом бумаги, наконец Соня выпрямилась, многословно поблагодарила свою помощницу и вернулась к сестре. Сказала, не дожидаясь расспросов:

– Она сама туристка. Из Лондона. У нее там, не поверишь, парикмахерская для кошек, а ее герл-френд в салоне через дорогу стрижет собак. Такой вот счастливый союз, основанный на фундаментальном противоречии. Но важно не это. А то, что на ее карте отмечены все достопримечательности Старого города. В частности, Городской Музей Глупых Вещей.

– Что?!

– Сама чуть в обморок не грохнулась, – призналась Соня. – Невозможно же! Но не хотелось волновать старушку. Случись с ней что, кто подстрижет несчастных лондонских кошек? На ее подругу надежды нет. Как пройти, я запомнила. Здесь совсем рядом. Пошли?

Соня преобразилась до неузнаваемости, хотя Катя, пожалуй, не смогла бы сказать, в чем именно заключаются перемены. Просто безобидная белокурая плюшка внезапно превратилась

в валькирию. Того гляди, взлетит, прихватив с собой, кто под руку подвернется, не разбираясь, погиб этот счастливчик в битве или пока нет. Его проблемы!

Эта перемена потрясла Катю так сильно, что только у самого входа в музей, прочитав новенькую вывеску на нескольких языках, включая русский, «Музей глупых вещей», она спохватилась: я же до сих пор так толком и не удивилась! А надо бы. Такого дурацкого музея не может быть в природе, но он все-таки есть. Есть потому, что мы спросили. Только потому! Чокнуться можно же.

Вывески над небесно-голубой дверью было достаточно, чтобы засчитать себе победу в этой нелепой игре с городом и всем миром, заходить уже не обязательно; будь Катя одна, она бы и не стала. Отложила бы до завтра, а пока расспросила бы о странном музее баристу в ближайшей кофейне, а вечером еще и гостиничного портье, искала бы информацию в Интернете, отправила бы фотографию вывески всем друзьям с припиской: «В мире вот какое диво!» И за сутки худо-бедно привыкла бы к самому факту существования этого невозможного места, тогда можно вернуться и зайти. Или, наоборот, убедить себя, что это абсолютно неинтересно. «Неинтересно» звучит гораздо лучше, чем «страшно». Никакого сравнения, факт.

Но Соню сейчас было не остановить. Валькирия и есть валькирия, вижу цель, не вижу препятствий, по крайней мере, обнаружив, что входная дверь заперта, она не развернулась и не ушла, а нажала на кнопку звонка.

«Надо же, что творится. Давно я ее такой не видела», – растерянно думала Катя.

Собственно, с детства. Тогда на Соню регулярно находило. Тихоня тихоней, а идея отправиться ночью на кладбище, навек расколовшая их дружную дачную компанию на позорных трусов и Победителей Мертвецов, принадлежала именно ей. И прогулка от дачного поселка до дальнего села, двадцать с лишним километров через лес, тоже. И город они уже к десяти годам изучили вдоль и поперек, пешком и всеми видами городского транспорта, с Сониной легкой руки: «Поехали, посмотрим, что там, на конечной сорок девятого! Вдруг что-нибудь необыкновенное? Или хотя бы магазин канцтоваров с закладками, каких больше нигде нет?» Забавно, что родители всегда считали заводилой бойкую Катю. Поневоле приходилось присваивать чужую славу – не ябедничать же на сестру! А потом...

«...а потом Соня стала взрослой, – подумала Катя. – И я тоже. Просто взрослыми, это нормально, со всеми случается. Но похоже, сегодня у нее это вдруг прошло».

Голубая дверь меж тем распахнулась, и на пороге возникла старушка. Не то чтобы копия той, которая подсказала дорогу, просто тоже кудрявая и крашенная, только не в лиловый, а в алый. Одета она была в ярко-зеленое платье, по какому-то недоразумению отороченное алыми, под стать кудрям, перьями.

– Музей, к сожалению, закрыт, – сказала она по-русски. – Мы не работаем по понедельникам и...

– Но сегодня четверг! – возмутилась Соня.

– ...и по четвергам! – торжествующе завершила старушка.

Нокаут.

Но Соня не собиралась сдаваться.

– Мы столько слышали о вашем музее! – умоляюще сказала она. – И приехали специально на него посмотреть. Всего на один день, представляете, как обидно?

– Слышали? – удивилась старушка. – Правда? Но где, от кого? Мы совсем недавно открылись.

«Точнее, возникли из небытия. Зато действительно совсем недавно. Буквально пять минут назад», – подумала Катя. На благоразумно промолчала. Пусть Сонька сама выкручивается как хочет.

Соня действительно выкрутилась.

– В Интернете читали, – сказала она. – «В Вильнюсе скоро откроется Музей глупых вещей», уникальная экспозиция, знающий экскурсовод.

– Так и написано, «знающий экскурсовод»? – умилилась старушка. – Очень приятно получить столь лестный отзыв.

– А вы и есть экскурсовод?

– Совершенно верно. А также директор, бухгалтер и уборщица, по совместительству. Меня зовут Луиза Яновна. Этот музей открыл мой племянник, можно сказать, мне в подарок, чтобы не скучала на пенсии. Он довольно богатый человек и, как говорится, с причудами. Всем бы такие причуды, отличная была бы жизнь!.. Ладно, что с вами делать, заходите. Но ненадолго.

– Всего на минуточку! – просияла Соня. – Быстренько посмотрим и сразу уйдем. Просто мы несколько дней спорили, какие тут у вас экспонаты. Интересно, кто угадал.

– Ну и кто из вас угадал? – спросила Луиза Яновна.

– Никто, – растерянно откликнулась Соня.

А Катя только молча кивнула. Потому что если бы они с сестрой действительно взялись фантазировать, что за экспонаты будут в этом музее, ни за что не угадали бы. Когда попадаешь в совершенно невозможный, немислимый Музей Глупых Вещей, ожидаешь увидеть там что-нибудь причудливое. Например, объекты современного искусства. Или клоунский реквизит. Или бракованную продукцию разных заводов: фотоаппараты, к которым забыли приделать объективы, ботинки с двумя пятками, кастрюли с намертво припаянными крышками, стаканы без дна. А здесь в витринах самые обычные вещи. Расческа, очень старая нарядная кукла, посеребренный поднос... Что в них такого уж глупого?

– А что глупого в этих вещах? – спросила она.

– Судьба, – улыбнулась Луиза Яновна. – Сами по себе вещи в нашем музее вполне обычные. Зато все как одна с чрезвычайно нелепой судьбой. Это, можно сказать, самые ненужные и неуместные вещи в мире: расческа, выигранная в лотерею лысым бобылем, которому даже передарить свой приз некому; поднос, купленный любящим супругом, чтобы приносить по утрам кофе в постель жене, которая ушла от него в тот самый день, пока он ходил по магазинам; кукла, всю свою долгую жизнь просидевшая в шкафу, потому что ее подарили девочке, мечтавшей о конструкторе и самокате. Кукла, кстати, моя, поэтому за эту информацию отвечаю головой. Впрочем, и за всю остальную: все вещи я собирала лично, по родственникам, друзьям и знакомым, вместе с историями, которые подробно рассказываю, проводя экскурсии. Без дополнительных пояснений никакого смысла в этой экспозиции, конечно, нет. Но я люблю рассказывать. Жалко, что вы уезжаете, я могла бы записать вас на послезавтра, в одиннадцать утра будет русская группа. Но нет, значит нет.

– Спасибо, – вежливо сказала Катя. И, не удержавшись, добавила: – У вас, получается, очень печальный музей.

Соне сейчас явно было не до разговоров, она с жадной сосредоточенностью зыркала по сторонам, словно бы задавшись целью не только разглядеть все экспонаты, но и составить их полный перечень. И запомнить его навсегда.

– Скорее, лирический, – улыбнулась Луиза Яновна. – Музей человеческих ошибок, роковых и просто забавных. В каком-то смысле, гораздо более честная история города и человечества в целом, чем та, которую мы знаем из учебников. Человек – существо, самой природой предназначенное ошибаться. Но ничего страшного в этой нашей особенности, как ни удивительно, нет. Если уж мы до сих пор живы – и мы с вами, и вообще все, кто сейчас есть. На этой оптимистической ноте предлагаю распрощаться. Не обижайтесь, дамы, у меня большие рабочие планы на этот выходной день.

«Например, пройтись по знакомым, выпросить для своего адского музея авторучку, которой так и не написали ни одной поэмы, шелковую простыню, не попавшую на ложе любви

по причине полного равнодушия объекта страсти, погремушку для нерожденного младенца, кошелек, куда оказалось нечего положить», – подумала Катя. Но вслух, конечно, сказала только: «Спасибо», – и с нескрываемым облегчением выскочила на улицу. Сестра последовала за ней.

«Здорово, конечно, что у нас получилось, – думала Катя. – Но какое же оно оказалось ужасное! Но получилось, это само по себе о-го-го!»

– Получилось, ну надо же! – сказала она вслух. – Сонька, у нас с тобой получилась вот такая невероятная фигня! Ты спросила, старуха ответила, мы пошли и пришли в этот невозможный музей, которого не бывает. Как ты думаешь, он тут останется? Навсегда?

– Все не навсегда, – пожала плечами Соня. – И музей этот наверняка скоро закроется. Как только богатому племяннику надоест платить за аренду. Или Луизе ходить на работу. Я бы поставила на то, что она и года не продержится. Одно и то же каждый день пересказывать, слово в слово – это чокнуться можно. Разве что у нее разные наборы историй для разных групп? И она все время сочиняет новые? Тогда, конечно, может, и подольше музей простоит. Но неважно. Пока ты стояла, разинув рот, я нащелкала фотографий, несколько уже отправила в Инстаграм. Даже если теперь у меня сломается телефон, доказательства останутся в любом случае. Значит, этот музей точно есть, мы не сошли с ума, жизнь прекрасна и продолжается, а твой метод действительно работает.

И помолчав, добавила:

– Ух, я теперь развернусь.

Катя содрогнулась. Потом достала телефон и принялась фотографировать. Все подряд: дома, прохожих, запорошенные снегом анютины глазки на клумбах, проезжающий мимо экскурсионный автобус, афишу возле филармонии, припаркованный в неположенном месте, прямо под знаком красный автомобиль. Просто на память. Не о поездке, а о последних минутах обычной городской жизни в нормальном реальном мире, за пять минут до того, как Сонечка за него взялась.

Кафедральная площадь (Katedros a.)

Четыре летних грозы

У грозы, приходящей с юга, семь пятниц – не на неделе даже, на дню. Гроза, приходящая с юга, сама не знает, чего хочет, она собирается целый день, как стареющая красавица, избалованная вниманием, но заранее тоскующая от его недостатка, собирается в театр на премьеру спектакля, где можно встретить всех бывших возлюбленных разом и всех ненавистных подруг, лепит на лицо и шею целебные маски, укладывает волосы, делает макияж, перебирает наряды, потом она может передумать, обидеться на весь мир, накинуть халат, сесть на балконе в шезлонг, закурить сигарету, но в самый последний момент сорваться и все-таки побежать, натянув старое платье, отложенное, чтобы подарить племяннице; к счастью, на самом деле оно действительно лучше всех. Так и гроза, приходящая с юга – солнечным утром мы слышим гром, в полдень раскаты его повторяются ближе и ближе, но в небе ни единого облачка, солнце пылает все жарче, и только после обеда вдруг начинается ливень, да такой, что ломаются стебли цветов, а трава припадает к земле, обнимает, просит: «Убереги». Но солнце по-прежнему светит, выглядывая из-за туч, которых только что не было вовсе. Солнце в недоумении: мы так не договаривались! «Ладно, нет так нет», – покладисто отвечает гроза, пришедшая с юга, и минуту спустя все снова тихо, и над чисто вымытым городом изгибается радуга, и птицы орут как весной. Но бывалые горожане знают цену воцарившемуся покою, поспешно убирают с балконов белье, уводят домой детей, накрывают свои палисадники пластиком и картоном, что есть под рукой, надо очень спешить, потому что вот-вот где-то на юге, далеко, за аэропортом, снова грохнет, и пока мы станем прислушиваться – что это было? – новая молния перечеркнет ясное небо наискосок, всю страницу сразу, не церемонясь, и на розово-серый гранит, которым вымощена Кафедральная площадь, упадет первая градина размером с пулю, пущенную в висок.

Гроза, приходящая с севера, последовательна в своих действиях. Грозу, приходящую с севера, метеорологи безошибочно предсказывают заранее, чуть ли не за неделю до первой ослепительно-белой молнии, которая аккуратно раскалывает небесную твердь ровно на четверть секунды и внимательно следит, чтобы края снова сошлись. Гроза, приходящая с севера, знает себе цену, осознает свою силу, у грозы, приходящей с севера, всегда есть задача, очень важная, почти невыполнимая: осуществиться, не разрушив этот прекрасный хрупкий мир, и она отлично справляется, мир до сих пор стоит, и в этом легко убедиться, достаточно выйти из дома прямо сейчас, пока грохочет и полыхает гроза, пришедшая с севера, поливая дремлющий город аккуратно процеженным сквозь пальцы дождем, от которого можно укрыться плащом, темным, как грозное небо, а можно не укрываться, промокнув насквозь, дойти до Кафедральной площади, встать там, прижавшись спиной к круглой угловой башне древнего Нижнего замка, которой давно уже нет, на ее месте стоит колокольня, выросшая как молодой побег из старого пня, но, прислонившись спиной, кто скажет наверняка, на что опирается, глядя, как в небе смеется, ликуя, совсем молодое лицо грозы, пришедшей к нам с севера, грозы, которой только что снова все удалось.

Гроза, приходящая с востока, предпочитает происходить по ночам, тревожить спящих грохотом грома, полыханием молний и шумом обрушившегося на ветхие крыши дождя, но действует осторожно, не в полную силу, так, чтобы жертвы не просыпались, а только стонали во сне, а потом, поутру, не могли вспомнить, что их испугало, пили горький горячий кофе, прикладывая ко лбам пальцы, холодные от пережитого ужаса, долго стояли в душе, безуспешно пытаясь смыть с себя нервную дрожь, выходили на уже просохшие улицы, пахнущие липовым

цветом, яблоками и шоколадом из соседней кондитерской, залитые солнечным светом, как ликованием, и, вдохнув запах далеких, но легких дорог, забывали не только о давешнем страхе, но о самой способности его испытывать – навсегда, или до следующей летней грозы, которая снова придет с востока ночью, на цыпочках, подкрадываясь ко всякому изголовью неслышной походкой убийцы, чтобы в последний момент сунуть под подушку подарок и уйти, не оставив записки, сами думайте, сами гадайте, за что вам такое счастье, откуда и от кого, по какому такому случаю, пока гроза, пришедшая в город с востока, с ближней границы, будет хохотать, грохотать, умирать от любви к кому-нибудь несуществующему, проливаясь сладким теплым дождем на гранит Кафедральной площади, серый, как сумерки, розовый, как рассвет, который уже наступил.

Гроза, приходящая с запада, приносит с собой тьму и начинается задолго до собственного начала. Первая тьма наступает внутри каждого, кто вышел на улицу, или остался дома, это ничего не меняет, и тогда одни засыпают посреди дня, практически на ходу, или стоя у плиты, или сидя на стуле, хорошо, если не за рулем, а другие просыпаются от собственного крика и идут покупать коньяк, шоколад, или новые платья, или затевают внезапно игру, часто опасную – все что угодно, лишь бы отвлечься от подступающей тьмы, лишь бы не видеть, как чернеют глаза влюбленных, а руки убийц становятся прозрачными как речная вода, где плавают рыбы, серебристые тени смерти, которая вот прямо сейчас вышла на Кафедральную площадь, встала на плитку с разноцветной надписью «чудо», «stebuklas», загадала желание, повернувшись трижды на пятке, и смотрит теперь, не отрываясь, на небо – как на западном горизонте, над Жверинасом, за рекой, сгущаются тучи, и город, только что полный жизни, спешащий, жующий, поющий, плачущий, разрушающийся, строящийся, деревянный, каменный, неприбранный, ветреный, золотой погружается во тьму, слишком густую для этого летнего дня. И когда небо озаряет первая молния, все, кто увидел ее – деревья и птицы, реки и ветры, смерть и прохожие – вздыхают от счастья, плачут от облегчения: гроза началась, живем.

Улица Кедайню (Kėdainių g.) Требуется чудовище

Дал себе слово не искать работу до Нового года. «Надо отдохнуть» – подсказывал голос разума. «Надо отдохнуть, надо отдохнуть, надоотдохнуть, надохнуть!» – скандально верещал остальной организм. А от него не уйдешь, хлопнув дверью.

Поэтому работу не искал. А что каждый день просматривал сайты и газеты с вакансиями – так это не настоящий поиск. Просто успокоительное чтение под кофе. Прочитаешь с утра: требуются бухгалтеры, требуются водители, требуются электрики, швеи, секретарь-референт, продавцы, охранники, рабочие в типографию, и так далее, – и сразу ощущаешь себя частью удивительного гармоничного мира, где все позарез нужны всем. Почти как фантастику читать. Даже не «почти», а лучше.

Когда среди умиротворяющих объявлений о нехватке швей, грузчиков и переводчиков вдруг заметил строчку мелким шрифтом «Требуется чудовище», – сперва не обратил на него внимания. Только целую минуту спустя вслух переспросил: «Чтоооо?!» – и вернулся назад. Просто чтобы понять: померещилось или все-таки не померещилось? И если не померещилось, что имеется в виду?

Не померещилось. Перечитал: «Требуется чудовище, работа посменная, оплата почасовая». Ни кому оно вдруг понадобилось, ни зачем, ни какого рода требования предъявляются кандидатам, написано не было. Сэкономили на знаках? Или просто розыгрыш? Какие-то острия поспорили, сколько народу откликнется до конца рабочего дня? Если меньше десяти, один ставит пиво, если больше – другой. Главное, что пиво будет в любом случае.

Впрочем, почему обязательно сразу розыгрыш? Скорее всего, ищут бедолаг, согласных поработать живой рекламой. Человек-тюбик зубной пасты, человек-ботинок, человек-бутерброд. А человек-чудовище вполне может рекламировать новый магазин игрушек. Или кино-театр. Или...

Да практически все.

Пожал плечами и выкинул дурацкое объявление из головы. Ну, то есть думал, что выкинул. А на самом деле постоянно о нем вспоминал, до самого вечера. И на следующее утро, не дожидаясь, пока сварится кофе, полез на сайт проверять, что там с объявлением про чудовище. На месте? Или уже сняли?

Оно было на месте. Более того, появилось еще на двух других сайтах, менее популярных. Когда пошел гулять, не удержался и купил четверговую рекламную газету, благо она как раз появилась во всех киосках. Рубрика «Вакансии» там крошечная, пара десятков объявлений, в лучшем случае. Однако объявление «Требуется чудовище» обнаружилось и там, самым мелким шрифтом, с экономными сокращениями: «посмен.», «опл. почасов.»

Смешно.

Гулял по городу своим обычным маршрутом: выйти из дома в глухой, неизменно безлюдный переулок Кедайню, свернуть на Траку и вверх, на холм, прямо-прямо до самого парка, оттуда по мосту на другой берег, и через Жверинас обратно в центр. Часа полтора-два получается, если не очень спешить. И почти всю дорогу тихо, спокойно, безлюдно. То что доктор прописал.

То есть доктор действительно именно это прописал: покой, прогулки, витамины, хорошее настроение и любовь. Последняя рекомендация звучала особенно прекрасно. Как будто можно прийти в аптеку, швырнуть на прилавок рецепт и несколько крупных купюр: «Мне любовь,

на все», – и ждать, нетерпеливо барабанив пальцами, пока ее отмеряют, взвешивают и пакут в мешки.

Но ладно. Прогулки, покой и витамины, тоже давали неплохой результат: то самое хорошее настроение, прописанное доктором. Местами даже слишком хорошее, то есть граничащее с дурью. Потому что чем, как не дурью, можно объяснить следующий поступок: взрослый человек усаживается на мокрую от вчерашнего дождя парковую скамейку, достает из кармана телефон и звонит по самому нелепому объявлению за всю историю рекламных газет: «Здравствуйте, я по поводу чудовища. Только один вопрос: живая реклама или все-таки розыгрыш? Второй день голову ломаю».

– Ни то, ни другое, – ответил мужской голос на том конце провода.

То есть не провода, конечно. Какие могут быть провода. Но как тогда сказать? На другом конце – чего именно? Эфира? Пространства? Ноосферы?

Не пойдет.

Голос, кстати, ему понравился. Спокойный такой голос, бархатный и глубокий, одно удовольствие слушать. На радио бы его.

– Понимаю, что наше объявление выглядит довольно интригующе, – бодро говорил человек на том конце неизвестно чего. – Сам хотел добиться такого эффекта. Однако подробности об этой вакансии я сообщаю только тем, кто приходит на собеседование. Завтра в одиннадцать вас устроит?

Ничего себе, какой шустрый.

Пришлось честно признаться:

– Я не собираюсь устраиваться на работу. Просто из любопытства позвонил. Извините, пожа...

Но собеседник не дал ему договорить.

– Я прекрасно понимаю, что вы позвонили только из любопытства. Могу вас успокоить: вероятность, что вы нам подойдете, крайне невелика. У нас, скажем так, довольно специфические требования. Однако я предлагаю честный обмен: вы уделите мне четверть часа своего времени, а я удовлетворю ваше любопытство. Плюс с меня кофе. Или, если предпочитаете, чай.

Зачем-то сказал:

– Нет, я как раз кофе... Но...

– Вот и прекрасно. Чашка кофе в одиннадцать утра никому не повредит. Жду вас в кафе напротив ратуши.

– Но...

– Если передумаете, можете не перезванивать, – великодушно сказал потенциальный работодатель. – Все равно я каждый день пью там кофе. В одиннадцать утра, не раньше и не позже. И завтра намерен проделывать то же самое, а с вами или без вас, решайте сами.

И положил трубку. В смысле нажал кнопку «отбой» или как она там называется. С красненьким значком.

И хорошо. А то как-то совсем уж неловко стало под конец.

Ночью, уже засыпая, подумал: «Ужасно все-таки интересно, что этот тип рассказывает идиотам, которые приходят на собеседование».

А утром зачем-то подскочил в семь тридцать вместо ставших уже привычными девяти. Как подскакивал раньше времени в детстве, в день рождения, когда под кроватью ждал поставленный туда ночью подарок, а на кухне – обрезки коржей для «Наполеона». Любил их больше, чем сам торт, и мама всегда оставляла. И немножко заварного крема в маленькой щербатой пиале – чтобы можно было вымазать пальцем и облизать, пока все спят и не видят, что он творит.

Но сегодня не было ни дня рождения, ни подарка, ни сладких черствых коржей. Ни, тем более, детства. Только рандеву в одиннадцать утра, на которое, ясное дело, никто не собирается идти.

Не собирается, ясно?

А кофе пей себе сколько влезет. Просто подальше от ратуши. И, будь добр, за свой счет.

«Господи, да при чем тут какой-то кофе, – думал, стоя под душем. – Просто я хочу узнать, что он мне скажет. Что вообще говорят психам, явившимся на собеседование по объявлению «Требуется чудовище»? По идее, какую-нибудь совершенно умопомрачительную чушь. И я хочу ее послушать. А от кофе откажусь. Ну или ладно, выпью, если он будет настаивать. Выслушаю, поблагодарю, попрощаюсь и уйду. Имею полное право, он сам сказал».

– Да не собираюсь я устраиваться ни на какую работу, – сказал он вслух своему зеркальному отражению, укоризненно наблюдающему, как тщательно выбирает рубашку и джемпер его легкомысленный оригинал. – Какая там может быть работа? Кем? Чудовищем? Не сходи с ума. Просто необходимость достойно выглядеть в любой ситуации никто не отменял.

Отражение было настроено скептически, но отобрать ключи от квартиры, кошелек и телефон все равно не могло. В этом смысле оно – идеальный опекун.

Ровно без трех минут одиннадцать был у ратуши. Но, устыдившись собственной пунктуальности, обошел ее кругом, еще раз и еще, под дружный перезвон всех городских колоколов. И только потом разрешил себе войти в кафе. Переступая порог, запоздало спохватился: интересно, а как я его узнаю? Не приставать же к каждому сидящему в одиночестве: «Вы не меня ли случайно ждете? Чтобы про чудовище рассказать?»

Но опасения были напрасны. Кафе оказалось почти пустым. За одним столиком сидела парочка влюбленных юных менеджеров, или банковских служащих, или просто секретарша и курьер, кто их разберет. Серые костюмчики, черные ботиночки, детский румянец на щеках, шапки взбитых сливок над чашками, блестящие глаза, горячий шепот, и пусть весь мир подождет.

Молодцы, так и надо.

Столик у окна занимала старушка, или даже старая леди в шляпке цвета осенних сумерек и таком же светлом синевато-сером пальто. А в дальнем конце, возле входа в служебные помещения сидел коренастый блондин средних лет, одетый, мягко говоря, не слишком официально. Джинсы, клетчатая рубашка и какая-то невнятная куртка, измятая не то от небрежного обращения, не то в соответствии с актуальной молодежной модой, поди разбери. Явно не работник отдела кадров. Скорее, журналист. Например.

Когда блондин приветливо улыбнулся и призывно взмахнул рукой, обреченно подумал: «Ну точно журналист. Или какие еще бывают любители ставить психологические эксперименты над живыми людьми? Социологи? Точно, они. Сейчас небось попросит меня заполнить анкету: возраст, профессия, социальный статус, где прочитал объявление, почему на него откликнулся, и все в таком духе. Как же я не люблю такие штуки! И вот, земную жизнь пройдя до середины, внезапно влип».

Решил: ладно, от анкет, если что, откажусь наотрез. Силой никто не заставит. Не убегать же теперь, сломя голову. Было бы от чего.

– ...Рад, что вы здесь, – сказал блондин. – И пожалуйста, не надо так на меня смотреть. Нет у меня под столом оператора с камерой. И опросника на сто сорок пунктов в папке тоже нет. И даже самой папки. Вообще никакого подвоха. Я пригласил вас на собеседование, вы пришли. С меня кофе и ответы на все ваши вопросы. И все.

Сказал, усаживаясь напротив:

– Кофе необязательно.

– Конечно необязательно, – согласился блондин. – Просто я его вам вчера пообещал. И буду чувствовать себя довольно глупо, если передо мной будет стоять чашка, а перед вами нет. Давайте так: кофе я все-таки закажу. А вы его не пейте, если не хотите.

– Ладно.

Впрочем, любому дураку ясно, что сидеть перед полной чашкой и не прикоснуться к ее содержимому – задача трудновыполнимая. Рано или поздно все равно отхлебнешь – машинально, увлекшись разговором. Поэтому лучше сделать первый глоток сразу, пока кофе горячий. Чего тянуть.

Отпил немного – кофе как кофе. Стандартный, как почти везде, кроме избранных тайных мест, которые наперечет. Сказал:

– Вы обещали объяснить, что за чудовище вам требуется. Вернее, что это за работа. Я третий день умираю от любопытства. Поэтому и пришел.

– Понимаете, – сказал блондин, – я сейчас в трудном положении. Потому что существует стандартный ответ на этот вопрос: «Мы действительно разыскиваем чудовище, чтобы предложить ему работу в должности чудовища. Но вы нам, к сожалению, не подходите, потому что вы – человек. Не огорчайтесь, в наше время это скорее преимущество, чем недостаток. Всего доброго. Успехов!»

– Ясно. Исчерпывающий ответ. Хотя совершенно не объясняет, зачем вам понадобилась эта затея с объявлением. Неужели просто потому, что скучно пить кофе в одиночестве?

– Кстати, прекрасная причина, – обрадовался блондин. – Спасибо! Надо будет запомнить и повторять всем желающим узнать тайную подоплеку моего поведения.

Ладно, будем считать, расплатился за кофе добрым советом. Уже хорошо.

Спросил без особой надежды услышать что-нибудь еще:

– А на самом деле? Какова тайная подоплека?

– Да нет никакой тайной подоплеку. Мне действительно позарез нужно найти кого-нибудь на должность чудовища. И ужас моего положения в том, что вы, похоже, подходите. При этом вы вчера очень твердо заявили, что не собираетесь устраиваться на работу. А я вас успокоил, заверил, что не стану ничего предлагать. Кто же знал, что вы окажетесь подходящей кандидатурой? И как мне теперь, скажите на милость, вас уговаривать?

Ничего себе поворот. О чем он? Во что меня пытаются втянуть?

Сказал:

– Не надо уговаривать. Лучше объясните.

– Ладно, – кивнул блондин. – Объясню, куда я теперь денусь. Как вы смотрите на то, чтобы прогуляться?

Насторожился.

– Куда?

– Никуда. В смысле не куда-то в конкретное место. А просто прогуляться по городу. Где-нибудь тут, в центре. Никаких подозрительных подземелий, спальных районов и трущоб под снос.

Подумал, кивнул:

– Ладно, идемте.

Несколько минут шли молча. Блондин имел вид задумчивый и рассеянный. Казалось, вот-вот скажет: «Спасибо, что проводили, приятно было познакомиться», – и нырнет в какой-нибудь офис. Или просто в подъезд.

Внезапно он оживился, пихнул локтем в бок. Жест, конечно, грубый и фамильярный, но в его исполнении вышел дружеским, как в детстве, когда толкаются от избытка сил и чувств. И прошептал тоже по-детски, свистящим заговорщицким шепотом:

– Видите того парня в синей куртке? Попробуйте посмотреть на него боковым зрением. Умеете? Видите? Ну?!

Ничего не понял, но послушно уставился на высокого мулата в синей куртке, который стоял на бульваре, прислонившись к дереву и разговаривал по телефону. И поспешно отвернулся: неловко же так пялиться. Не был уверен, что понимает, что такое «боковое зрение», но на всякий случай покосился на парня исподтишка. Ничего особенного не увидел, как и следовало ожидать.

– Не умеете, – заключил блондин. – Ладно, объясняю. Надо повернуться к объекту боком и смотреть прямо перед собой. Но при этом внимание сконцентрировать на периферии зрительного поля. В смысле на самом краю картинки. Понятно объясняю?

Буркнул:

– Не очень.

Но все-таки попробовал выполнить инструкцию. Старался до зуда в глазах. И в какой-то момент показалось или все-таки действительно увидел... Да нет, конечно, просто померещилось, что на месте смуглого лица незнакомца, прямо над расстегнутым воротом бушует яркое, синее, как его куртка пламя. Такой неукротимой мощи, что даже удивительно, как оно не перекинулось на дерево, к которому прислонился обладатель огненной головы. А с дерева – на остальной бульвар.

– Увидели! – восхищенно прошептал блондин. – Вы его увидели!

Сердито помотал головой, заодно отгоняя непрошенную галлюцинацию.

– Да ничего я не увидел.

– Неправда.

– Правда. Просто глаза стали слезиться, все расплывается, неудивительно, что...

– Синий огонь? – торжествующе ухмыльнулся его спутник.

Яростно выкрикнул:

– Нет!

Мулат в синей куртке тем временем закончил телефонный разговор, отлип от дерева и неторопливо пошел по бульвару. Невольно покосился ему вслед, вернее, не покосился, а посмотрел этим дурацким «боковым зрением» и снова увидел столб синего огня. Меж языков пламени мелькали лица, не то птичьи, не то все-таки человеческие, просто до неузнаваемости искаженные гримасой – боли? Гнева? Какого-то иного не поддающегося описанию чувства?

Да кто ж их разберет.

На этот раз не устоял на ногах. Начал оседать, тяжело, как мешок с песком, который перед этим всю ночь таскал другие мешки с песком. И устал навсегда.

Со спутником ему повезло. Не растерялся, подхватил, не дал упасть, усадил на лавку, извлек из внутреннего кармана маленькую флягу белого металла, открутил пробку, поднес к губам.

Там был очень хороший коньяк. Такой хороший, что ради возможности сделать два неуверенных глотка вполне имело смысл падать в обморок.

Хотя, положила руку на сердце, такое незначительное происшествие и обмороком-то не назовешь. Просто голова закружилась.

Сказал:

– Спасибо.

Достал из кармана единственную сигарету, специально приготовленную, чтобы покурить перед возвращением домой. Обычно за день выкуривал две, одну в финале прогулки, вторую – перед сном.

Но сейчас она явно гораздо нужней.

– Абсолютно нормальная реакция здорового организма, – примирительно сказал блондин. – Увидели то, чего человеческими глазами видеть не положено – получайте. Все честно. Впрочем, не переживайте, привыкните.

Еще чего не хватало – к такому привыкать.

Спросил:

– Слушайте, что это было вообще?

– Не «что», а «кто». Один из лучших моих сотрудников. Возможно, ваш будущий коллега... Ладно, ладно, забудьте. Не коллега, не будущий, не ваш. Огненный синий демон Двенадцатой Пустыни Альстейна, талантливый скрипач, очень заботливый сын; говорят, фантастический любовник. Не знаю, лично не проверял. Нам взаимно повезло: мне – заполучить столь ценного работника, а мальчику – зарабатывать достаточно денег, чтобы его мать проводила зиму на юге, а лето – на берегу Северного моря. У нее врожденная любовь к перемене мест и очень хрупкое здоровье. Ничего не поделаешь, немного я знаю женщин, способных родить демона без всякого ущерба для себя. Впрочем, извините, увлекся. Вас проблемы этой семьи совершенно не касаются. Тем более, что и проблем у них уже давно нет.

– Ничего себе. Это сколько же он зарабатывает?

– Понимаю ваше любопытство. Но называть точную сумму было бы неэтично. Скажем так, сколько ему нужно, столько и зарабатывает. И еще немного сверху – просто так, чтобы всегда был приятный сюрприз.

– А зачем огненному демону деньги?

– Ровно затем же, зачем всем остальным. Он же в некотором смысле совершенно обычный человек. То есть, воплощен в человеческом теле, которому нужно есть, пить, жить в тепле, не ходить по улице голым и получать разнообразные удовольствия. Все, что этот юноша пока может – демонстрировать свою удивительную природу на радость тем, кто способен ее увидеть. Может быть, потом, позже... Впрочем, поглядим, что будет потом. У всех по-разному получается.

Выбросил в урну скуренную до фильтра сигарету. Вдохнул: вторая сейчас не помешала бы. Но она осталась дома, в портсигаре, в ящике письменного стола.

Сказал:

– Ладно, хорошо, предположим. Но я-то вам зачем? Я не синий демон. И даже не фиолетовый в клеточку. Если бы был, я бы знал.

– Совершенно верно, – кивнул блондин. – Вы не демон. Вы – другое существо. А насчет вашего последнего замечания, вынужден разочаровать. Поначалу никто о себе не знает. Многие так и не узнают до самого конца. Потом, уже после так называемой смерти, очень веселятся, выяснив, какими дураками были все это время. Люди, впрочем, тоже, так что в этом смысле никакой принципиальной разницы между нами нет.

– Между «нами» – это между кем и кем?

– Между существами разной природы, скажем так. Если хотите посмотреть на меня боковым зрением, не стесняйтесь. Станет плохо, не беда, коньяк еще остался. И сигарету я вам найду.

Ох. То еще искушение. Продаться за глоток коньяка и сигарету. В смысле обменять на них остатки своего душевного равновесия. И последнюю надежду на то, что все-таки не сошел с ума, а просто...

Да ну, почему сразу «последнюю надежду»? С какого такого ума, кто сошел? Отставить панику. Просто померещилось что-то, со всеми бывает, отстань.

В глубине души понимал, что коньяк и сигарета – очень неплохая цена. Все равно ведь поглядел бы, как удержаться. Может быть, не прямо сейчас, а на прощание. Но поглядел бы непременно, потому что любопытство никто не отменял.

Пресловутое «боковое зрение» оказалось отличным способом галлюцинировать на халяву. То есть не принимая внутрь никаких специальных веществ. Вот и сейчас внезапно обнаружилось, что вместо коренастого блондина на лавке сидит великан.

Ну, то есть как – великан. Всего втрое больше среднего человека, но этого обычно достаточно, чтобы произвести впечатление.

Кожа у великана была золотой, глаза – зелеными, в каждом блестело как минимум три зрачка. Может быть, больше, но уточнять не взялся бы: врожденный астигматизм, даже в относительно легкой форме может оказаться серьезной проблемой при подсчете чужих зрачков.

На голове великана росли роскошные буйволиные рога, крупные даже для его габаритов. Ну или не росли, а были как-то к ней прикреплены. Надо же себя украшать перед выходом в город. Особенно если собираешься выпить кофе в кафе возле ратуши. В одиннадцать утра. Например.

В одной руках великан держал бубен из светлой кожи. Другой время от времени аккуратно по нему постукивал. Возможно, в этом постукивании был какой-то ритм, но чтобы его уловить, надо послушать подольше. А это довольно затруднительно, когда каждый удар отзывается у тебя в животе протяжным, сладким и одновременно тошнотворным эхом.

Хрен его знает, что было дальше. И было ли хоть какое-то «дальше». Потому что когда вынырнул из вязкой предобморочной тьмы, сделал торопливый огненный глоток из поспешно протянутой фляги, было не до воспоминаний о том, что случилось на дне этого провала.

А потом они, конечно, исчезли, не оставив даже намека на тень надежды когда-нибудь их вернуть. Так растворяются в едкой кислоте бытия самые сладкие предутренние сновидения. Только что были, и вот их уже нет. И это «нет» – навсегда.

Ладно, плевать.

– Я довольно безобидный с виду, – примирительно сказал блондин. – Немного великоват, но тут ничего не поделаешь. Зато похож на человека. И выгляжу вполне добродушно, сразу ясно, что я не собираюсь никого есть живьем, раздирая на куски. Для людей это обычно довольно важное обстоятельство.

Согласился:

– Есть у людей такая маленькая слабость. Чертовски приятно знать, что в ближайшее время тебя никто не съест.

За сговорчивость получил сигарету. Почему-то черную. Видимо, для пущего демонизма. Однако табак был неплох, и на том спасибо.

Впрочем, главное, что она вообще была.

Спросил после первой, самой жадной затяжки:

– Зачем это все? Дурацкое объявление, разговоры, мороки? Зачем смотреть на кого-то боковым зрением? Зачем видеть то, чего на самом деле нет? Чего вы от меня добиваетесь?

– Понимания, – серьезно сказал блондин. – И в идеале согласия на меня поработать. Но это на ваше усмотрение, силой не заставлю. Вы же видели, я добряк.

Ннннууу... Ладно, договорились. Запомним. Именно так и выглядят добряки: шести-метровые, с рогами и бубном. Предположим. О'кей.

Но вслух ничего не сказал. Просто сил не было на препирательства.

– ...Тут такое дело, – говорил великан. В смысле блондин. – В каждом человеческом поселении должны водиться чудовища. То есть существа нечеловеческой природы. Причем совершенно конкретное количество. Городу с полумиллионным населением, вроде нашего, полагается сорок три ночных чудовища и двадцать восемь дневных. Только не спрашивайте, почему такие строгости. Сам толком не знаю. Предполагаю, что просто для равновесия и заполнения некоторой пустоты. Факт, что такое правило существует, хотим мы того или нет. И оно работает. Это я вам как младший дух-хранитель города с четырехсотлетним стажем говорю.

Дух-хранитель, значит. Причем младший. Скромненько так. Приехали, поздравляю. Следующая станция – Желтый Дом.

Подумать-то все это подумал, но не встал и не ушел. Хотя силы уже вернулись. Бегом удрать вряд ли получилось бы, но быстрым шагом – вполне.

Однако с места не сдвинулся. Сидел. Слушал.

– С ночными чудовищами проблем у нас никогда не было, – говорил блондин. – Ночные чудовища жили тут всегда. Не знаю, от самого ли начала времен, но все вакансии были заняты задолго до момента моего вступления в должность, это факт. И по мере роста города своевременно подтягивались новые кадры. Сами приходили, точнее, возникали из тьмы. Ну так на то они и ночные. Ночь – самодостаточная стихия, сама всех, кого надо породит, а тех, кто больше не нужен – поглотит. И все довольны.

– Включая поглощенных?

– Разумеется. Для них это все равно что в отпуск съездить. Домой.

Сказал:

– Вы сводите меня с ума.

– Отчасти это так, – спокойно согласился блондин. – Однако у вас остается возможность, расставшись со мной, сказать себе, что стали жертвой нелепого розыгрыша. Вероятно, при участии заезжего гипнотизера. И думать так до самого конца жизни вам никто не запретит. И даже не помешает. Я неназойлив. Этого требуют мои служебные инструкции, а я их чту свято. Если вы сейчас уйдете, не стану вас догонять. И караулить под подъездом не начну, и в окно в полночь влетать, и даже являться во сне, пытаюсь усювестить и переубедить, не буду. Хотя вы мне, чего греха таить, очень нужны.

Спросил:

– Для чего?

Хоть и понимал, что лучше бы сейчас не развивать эту тему. Чем быстрее закончится этот выморочный разговор, тем лучше. Целее будут остатки того, что еще три дня назад казалось вполне себе светлым разумом. Как я теперь без него.

Блондин обрадовался вопросу, как вампир, которого только что вежливо пригласили войти в дом. И принялся обстоятельно отвечать:

– В нашем городе сейчас всего двадцать четыре действующих дневных чудовища, причем семерых нашел и нанял я сам. Осталось еще четыре вакансии. И ни одного стоящего кандидата с начала прошлого года. К дневным чудовищам очень строгие требования. С одной стороны, ни в коем случае нельзя пугать людей, демонстрируя им ту часть бытия, которая должна быть от них сокрыта. По крайней мере, при дневном свете. С другой стороны, чудовище должно быть именно чудовищем, плотным и материальным, а не бледной тенью смутного воспоминания о себе. Поэтому на должность годятся только существа вроде синего демона или, к примеру, вас. Временно занимающие человеческие тела, но при этом не полностью утратившие связь со своей подлинной природой. А это огромная редкость. Вашему брату нечасто приходит в голову отмочить что-то подобное. Разве что в ранней юности, лишившись опеки старших, по глупости или на спор... Впрочем, «на спор» – просто одна из разновидностей глупости.

Вздохнул:

– Вам бы книжки писать.

– Да я бы с радостью. Но пока времени хватает только на рекламные объявления, на которые обычно откликаются студенты, всегда готовые заработать на пиво, попрыгав по улице в образе человека-здорового зуба, человека-летучей мыши, человека-соленого огурца. Ну или чудовища, какая им разница... Если бы я был способен впадать в отчаяние, уже давно бы впал. Но, к счастью, моя природа этому препятствует.

Подумал: «Мне бы твои заботы». Но вслух спросил:

– А почему бы не махнуть на все это рукой? Если уж, как вы сами говорите, существует некое правило? Если оно работает, значит недостающие чудовища сами рано или поздно найдутся. Я не прав?

– В том-то и дело, что правы, – кивнул блондин. – Именно в том и беда, что непременно сами найдутся. На пустующее место городского чудовища может прийти кто угодно. Откуда угодно. В любой момент. Вы даже не представляете, что это может быть. А я бы предпочел не помогать вашему воображению. Просто поверьте на слово, что нам здесь такого не надо. Собственно, почему я так хочу как можно скорей укомплектовать штат: очень устал каждый день отбиваться от незваных гостей. Не то что на личную жизнь, а даже на остальную работу времени практически не остается. Притом, что кроме меня ее никто не сделает.

– А как же старший дух-хранитель?

Хотел, чтобы вопрос прозвучал ехидно, но интонация, вопреки его воле, получилась скорее озабоченная.

– Старший пока спит, – коротко ответил блондин. И, подумав, добавил: – Честно говоря, так лучше для всех.

Духи они там или нет, а отношение к начальству более чем понятное.

– Ясно, что сейчас вам совершенно не хочется слушать, что я еще придумаю, чтобы заморочить вам голову, – сказал блондин. – Однако, согласно служебной инструкции, обязан сообщить, что, во-первых, у нас очень неплохие условия работы. От сотрудника требуется находиться на улице или в любых других общественных местах не меньше шести часов в день. В любую погоду – это, согласен, большой минус. Но в такой ситуации, поверьте моему опыту, очень выручают так называемые «общественные места». Всегда можно отсидеться в кафе или пройтись по магазинам. В вашем случае гулять придется в светлое время суток, это очень важно. Зато точное расписание прогулок остается на ваше усмотрение. Как удобно, так и поступайте.

Невольно улыбнулся:

– Действительно, работа мечты.

– Есть один существенный минус: выходных не предусмотрено. Впрочем, раз в год можно взять отпуск – при условии, что вы научитесь осуществлять некоторые специальные обряды, необходимые для сохранения вашего места в неприкосновенности. Положа руку на сердце, довольно сложные, но до сих пор не было такого, чтобы кто-нибудь захотел и не смог научиться.

– А вот это уже звучит не очень заманчиво.

– Ничего не поделаешь, так есть. Не обманывать же вас в ходе еще не начавшихся переговоров. Зато оплата труда у нас щедрая. Как я уже говорил: ровно столько, сколько необходимо, плюс еще немного.

– Минус штрафы за прогулы?

– Прогулов у нас не бывает, – отмахнулся блондин. – И не потому что я такой грозный начальник. По моим наблюдениям, никто из подписавших контракт просто не может усидеть дома. При всем желании. Тянет его на улицу, и хоть ты тресни. Мистика какая-то.

Про мистику – смешно.

– А если заболит?

– На такой работе особо не заболит. На моей памяти даже обычного насморка никто не подцепил. Можете считать это надбавкой к основной зарплате. Есть, впрочем, еще одна надбавка, самая важная – возможность познакомиться с собой.

– Это как?

– Ни один из тех, кого я нанимал на работу, до нашей встречи понятия не имел о том, кто он такой. Рождаясь в человеческом теле, мы забываем о себе, как спящий забывает о своей жизни наяву, а бодрствующий – самые сокровенные сны. Потому что жизнь человека и есть

что-то вроде очень глубокого сна. И вспомнить себя, не просыпаясь – величайшая удача для всякого сновидца... Эй, что с вами?

– Ничего.

И не солгал. Но не в том смысле, что ничего не случилось. А в том, что внезапно случилось НИЧЕГО. Подошло очень близко, к самому краю сознания. Стояло, смотрело. И не пресловутым «боковым зрением», а открыто, прямо в глаза. И, кажется, собиралось протянуть руку и потрогать: «Это что у нас тут такое?»

А что будет с тем, к кому прикоснется НИЧЕГО, лучше бы никогда не знать.

– ...По-моему, пора вас отпустить, – внезапно решил блондин. – Не удивляйтесь, если придете домой и проспите весь день. Обычное дело. Мое общество довольно утомительно, тут ничего не поделаешь. Думаю, это из-за бубна. Никто не слышит, как он звучит, но слух – далеко не единственный орган восприятия.

Ушам своим не поверил, но со скамейки немедленно встал. Заодно убедился, что ноги действительно в полном порядке.

В отличие от головы.

Хотел развернуться и уйти, но тут блондин сказал.

– Я, как и обещал, оставляю вас в покое. Ничем не стану о себе напоминать. А если вдруг все-таки приснюсь, имейте в виду: это просто работа вашего собственного мозга, перерабатывающего дневные впечатления. Бывают и такие бессмысленные, ничего не означающие сны, хоть и непросто в это поверить.

Надо же, какое откровение.

– Но, если что, – добавил он, – имейте в виду: каждый день, включая выходные, я пью кофе в кафе возле ратуши. В одиннадцать утра.

– А если кафе закроют?

Сам не знал, зачем спросил. Какая разница?

С другой стороны, лучше заранее знать, какое еще место кроме Ратушной площади теперь лучше обходить десятой дорогой. Или даже одиннадцатой. Чтобы уж точно никого нигде никогда случайно не застать.

– Еще лет шесть не закроют, – уверенно сказал блондин. – А к тому моменту рядом откроется два других, оба очень хорошие. Даже не знаю, какое выбрать; впрочем, этот вопрос еще какое-то время ждет.

Да уж. Кто бы спорил.

– Если будет желание, заходите, – предложил блондин. – Не обязательно устраиваться на работу. Можно просто поболтать. Иногда побыть рядом с тем, кто видит твою подлинную природу и принимает ее вместо того, чтобы инстинктивно шарахаться, большое облегчение. Вы же наверное думаете, что плохо сходитесь с людьми. И в любви вам не очень везет, верно? Привыкли обвинять во всем свой нелюдимый характер. А дело совсем не в нем.

Подумал: «Ну уж нет. Я – нелюдимый хмырь, это любому ясно. И в любви мне действительно просто не очень везет. Хотя пару раз складывалось совсем неплохо, особенно поначалу... Ай, ладно. Таких как я нелюдимых хмырей очень много, не все же они чудовища. Это было бы как-то слишком».

Но вслух ничего не сказал. Просто ушел.

Блондин сдержал слово, остался сидеть на скамейке, даже не попытался догонять. Какая ж...

Нет, не «жалость», а «радость». Какая радость, что меня наконец-то оставили в покое, вот так надо формулировать. Что за херня творится у тебя в голове, мой бедный чокнутый я?

По дороге ни разу, то есть честно, вообще ни разу не попытался посмотреть боковым зрением на собственные отражения в зеркальных стеклах витрин. Хотя такая идея, конечно, приходила в голову. Но не как соблазн, а как самый страшный страх. Как в детстве на трещину в асфальте наступить. Или пройти через «собачьи ворота». Или нарушить еще какое-нибудь страшное дворовое табу.

Дома, как и предсказывал рогатый великан, в смысле, коренастый блондин, сразу упал и уснул. И проспал как убитый не до вечера даже, до четырех утра. Больше двенадцати часов – ничего себе рекорд.

Зато чувствовал себя отлично. Спокойным и умиротворенным. И самое главное, все увиденные, услышанные и сказанные за прошедший день глупости благополучно вылетели из головы. Ну, то есть какие-то воспоминания остались. Но без особых подробностей.

Вот и хорошо. Быть психом совсем не так интересно, как кажется. Попробовал, не понравилось, больше не хочу.

И в зеркало смотреться пока не хочу. Мало ли что спросонок померещится, а мне с собой еще жить и жить.

То-то и оно.

Сварил себе много-много кофе, добавил в него много-много молока. С огромной кружкой и целой тарелкой бутербродов завалился на диван, прихватив с собой полдюжины детективов в мягких обложках. Чтобы если не пойдет один, сразу можно было цапнуть другой. И не вставать лишний раз, не проходить мимо большого зеркала, такого удобного, когда надо критически оглядеть себя перед выходом из дома. И совершенно не нужного во всех остальных случаях, больно уж выжидающе смотрит из его глубины одетый в новенькую с иголки домашнюю пижаму двойник. Дескать, не хочешь ли ты, дорогой друг, взглянуть на себя боковым зрением, как великан научил? Неужели не интересно? Как, совсем-совсем? Врешь.

Хоть скатертью его завешивай. Или простыней, как в доме покойника. Но завесить зеркало означало бы признать его настоящей серьезной проблемой. А этого делать совершенно не хотелось. По крайней мере, не прямо сейчас. Может быть, потом, утром, когда рассветет, тело, щедро накормленное бутербродами, отяжелеет, а умиротворенный чтением детективов ум твердо скажет и пятнадцать раз повторит, что шарахаться от собственных зеркальных отражений – это совершенно нормально. И даже разумно – после всего, что нам пришлось сегодня пережить.

Четыре часа, шесть бутербродов и два с половиной детектива спустя пришлось все-таки встать и отправиться в туалет. И в душ заодно – если уж все так удачно совпало. Ум к тому времени был уже настолько умиротворен, что вообще ни черта не боялся. Можно сказать, обнаглел.

Подумал: «Дело выеденного яйца не стоит. Даже не на две трубки, как у Холмса, а на один взгляд. Сейчас посмотрю на себя в это чертово зеркало, не увижу ничего нового и успокоюсь навек. По крайней мере, перестану шарахаться от собственной мебели в собственном же доме. Эх, заживу тогда!»

Вышел в холл, как был, завернутый в полотенце, повернулся к зеркалу боком и уставился прямо перед собой тяжелым немигающим взглядом человека, пытающегося сосредоточить внимание на самом краю доступного зрению мира. Чего тянуть.

Существо, которое увидел в зеркале, не было чудовищем в прямом смысле этого слова. То есть его при всем желании сложно было назвать страшным. Длинное текучее тело, сотканное то ли из зеленоватого густого тумана, то ли из мутной воды, то ли из жидкого света, в лучах которого носятся мириады пылинок и пузырьков – что ни скажи, сравнение будет неверным

и скорее уводящим от правды, чем приближающим к ней. Просто в человеческих языках нет подходящих слов для обозначения этой материи. И правильно, с какой бы стати придумывать специальное слово для явления, которого нет.

А потом вспомнил нужное слово: «кьёнх».

Кьёнх – так называется та разновидность чистого света Райны, которая нужна для рождения четырехсмысленного живого и не препятствует равномерному течению любых других форм материи.

Например, я – кьёнх. То есть нет, не так. Мы – кьёнх. В нашем языке нет единственного числа для обозначения живого, оно годится только для неодушевленных предметов, потому что о множественности всякого сознания известно даже младенцам.

Мы был зеленым потоком кьёнх и потом еще буду. Точнее, мы суть зеленый поток кьёнх – вечно-всегда. В нашем языке только два грамматических времени: «кратко-всегда» и «вечно-всегда», первое подходит для разговоров о сиюминутном, второе – чтобы описывать воспоминания и намерения. Какая важная подробность, огромное счастье ее вспоминать!

Еще одно огромное счастье – вспоминать, что всегда (в данном случае «вечно-всегда») мы сижу рядом с Суйен, и они с азартом и увлеченностью дилетанта разглагольствует о невозможности сохранения четырехсмысленного сознания в условиях абсолютного преобладания «тронг» – жесткой плотной материи, препятствующей большинству живых потоков и практически всем чистым. О ее существовании, хвала чистому свету Райны, известно только теоретически. Сталкиваться с горькой непроницаемостью тронг еще и дома – это было бы чересчур.

Хотя в первый краткий (пережитый вне дома, а значит, не вечный) миг это даже интересно. И совсем не так страшно, как принято считать. Мы вечно-всегда прав!

Мы тогда был (вечно-всегда есть) совсем дурак, юный, вдохновенный и страстный. Который, будем честны, вообще понятия не имел о том, что такое тронг, но твердо знал, что сила высшего острия четырехсмысленного сознания безгранична. И выкрикнул, для убедительности вспыхнув по периметру ярким лиловым, как в детстве: «Вы кратко-всегда ошибаешься, глупый прекрасный Суйен, мы вам это доказываю вечно-всегда!»

И сейчас прошептал, зажмурившись от наслаждения: «Глупый прекрасный Суйен, мы кратко-всегда побеждаю тронг, вы вечно-всегда проигрываешь наш спор! С вас выпивка, готовься. Мы вечно-всегда, «скоро», как говорят опьяненные силой тронг, возвращаюсь домой».

И отвернулся от зеркала. Потому что слишком много радости, памяти и чистого света кьёнх сразу – невыносимо. Себя надо принимать как лекарство, щадящими дозами. А то подействует как яд.

Пошел в кухню. Залпом выпил стакан воды, сразу же налил второй и тоже выпил. Подошел к окну и долго-долго смотрел на пустой в это время, впрочем, как и в любое другое, переулок Кедайню, куда заглядывает, в лучшем случае, дюжина человек в день. Оно и понятно, кому охота гулять мимо логова чудовища. Даже совсем безобидного, вроде меня.

Сказал почему-то вслух:

– Там, где я пройду, будет разливаться беспричинная пьяная радость, как будто подул ветер, принесший запах весны.

Прозвучало очень глупо, зато было правдой. Он это точно знал.

Посмотрел на часы. До одиннадцати еще два с половиной часа, до Ратушной площади минут пятнадцать пешком. Значит, что? Значит, правильно, можно успеть дочитать тот смешной детектив, выяснить, кто убийца, а потом уже с чистым сердцем отправляться в кафе.

Конечно, давал себе честное слово до Нового года не устраиваться ни на какую работу, ну так в шею никто и не гонит. А чашка дармового кофе ни одному чудовищу не повредит.

Улица Клайпедос (Klaipėdos g.)

Повадки духов Нижнего Мира

– Правда же, я красивый?

Смотрит на себя в зеркало. И видит там, надо думать, примерно то же, что Яничка: впалые щеки, вдвое увеличившиеся от худобы глаза, почти бескровные губы, бледный лоб, перечеркнутый вертикальной морщиной. Но ему это, похоже, нравится. Румяный, полнокровный крепыш, он всегда хотел быть худым, глазастым и скуластым, как девочка-анорексичка какая-то, честное слово, смешно.

Ну вот, получилось.

«Все у тебя всегда получается, горе мое, – думает Яничка, – так или иначе, а своего добьешься, ты у меня упрямый».

А вслух говорит:

– Очень красивый.

И, подумав, добавляет для убедительности:

– Если бы я родилась дядькой, хотела бы таким как ты.

Яничек удовлетворенно кивает и откидывается на подушки. Он очень слаб. Даже на такую маленькую радость сил не хватает. И это его, конечно, бесит, но на злость сил не хватает тоже. Вот уж где совсем кранты.

– Ничего, силы скоро вернутся, – говорит Яничка вслух. – А красивым быть ты при этом не перестанешь, прикинь, как круто. Щеки так быстро не наешь, хоть ты лопни!

Яничек улыбается. Это дорогого стоит. Это стоит так дорого, что... Ай, ничего.

На самом деле, ничего.

– Я сейчас, – говорит Яничка. – В туалет. Я быстро.

И выходит из комнаты, и действительно идет в туалет, потому что только там можно дать волю слезам, сдерживать которые она, конечно, уже научилась. Но не очень долго. Пока – так.

Она беззвучно рыдает, уткнувшись лицом в застиранное оранжевое полотенце, закусив зубами противную, жесткую, пахнущую мылом для рук, почти невыносимую во рту махру, так – можно, так Яничек не услышит, а зареванных глаз, будем надеяться, не разглядит, зрение у него в последнее время сильно упало от лекарств, ну или не от них, какая разница, упало, факт. И ни хрена он не увидит, и все, и все, – думает Яничка.

И все, – думает она. И просыпается в слезах. И улыбается сквозь слезы, как подсудимый, только что выслушавший оправдательный приговор. Нет у меня никакого умирающего мужа, на самом деле его нет, никто ни от чего не умирает, это просто сон. Ну или ладно, не «просто», а тягостный, мучительный, страшный, но все-таки сон. Наяву у меня все живы, и знали бы они, мои все, как я их за это люблю.

* * *

– Да счастливое у меня было детство, счастливое, – почти сердито говорит Яна. – И никаких воображаемых друзей я себе не сочиняла. Мне реальных хватало. Более чем.

Ей сейчас не до детства и не до разговоров, Яна варит шоколад по условно ацтекскому рецепту, с перцем чили, корицей, ванилью и солью. Ясно, что немудреный рецепт выужен из интернета, не Уицилопочтли в видении нашептала, но какая разница, все равно варить шоколад трудно, особенно без постоянной практики, а Яна варит шоколад примерно раз в полгода, когда вот такой собачий холод на улице, настроение ниже плинтуса, а тут вдруг мальчишки пришли, и надо срочно устроить праздник, причем без капли спиртного, потому что один за рулем,

второй откажется за компанию, а у самой Яны еще перевод на пол-ночи, в лучшем случае, если хорошо пойдет. И что прикажете делать? В смысле подавать на стол. Просто кофе – это обыденно, чай – ну, слушайте, даже не смешно. Поэтому пусть будет шоколад, не зря же купила его в лавке деликатесов, где томятся под стеклом самые дорогие в городе сыры, а на полках пылятся бутылки с оливковым маслом, сто миллионов, ладно, не миллионов, но честное слово, больше полусотни разных сортов. Глаза разбежались, так хотела унести оттуда хоть что-нибудь, а выбрать почти невозможно, вот и купила дурацкий шоколадный порошок, на который как раз была скидка. Вари теперь, сама виновата, жадина.

– Янчик, – говорит Томас, прижимая к груди большие свои ручищи, – тебе точно не нужно помогать?

– Упаси боже, нет! – отмахивается она. – Сейчас сварю, выдам тебе чашку, вот ее и переворачивай в индивидуальном порядке себе на колени. Слышишь? Себе! А не на мою плиту.

Ромка понимающе ухмыляется и деликатно отодвигается от Томаса, якобы поближе к окну, якобы выглянуть, что творится на улице Клайпедос, постепенно превращающейся в один большой сугроб. Якобы выяснить, замело там его машину, или еще не совсем? Штаны ему, надо понимать, пока дороги. Хотя с виду и не скажешь. Суровые боевые штаны, что им какая-то кастрюлька шоколада, не о чем говорить.

Шоколад меж тем ведет себя просто идеально. Нагревается, густеет, вот-вот снова забулькает. И никаких чертовых комков. Вот что значит – друзья зашли. Когда себе варила, какой-то лютый ужас с этими комками был, пришлось в итоге процеживать. А сейчас – хоп! – и все. Делать что-то для других почему-то всегда гораздо легче, чем для себя. И веселее. Наверное, для того и была придумана дружба – чтобы обхитрить суровый материальный мир, в котором любой пустяк требует серьезных усилий.

– Ацтекский шоколад готов, – объявляет Яна. – Выпьете его и будете, как боги. Ацтекские, конечно. Осталось понять, кто из вас кто.

– Чур я Кетцалькоатль! – Томас подсакивает с табурета, роняя его и еще один соседний, предназначенный для Яны.

Хорошо, что я на него еще не села, – меланхолично думает она.

А вслух говорит:

– Ты не пернатый змей, ты пернатый слон. К тому же, в посудной лавке.

– Но все-таки пернатый, заметь, – говорит Томас, самодовольно поглаживая свою косматую шевелюру.

– Что есть, то есть.

– Тогда я Тескатлипока, – говорит Ромка. – Он там самый главный, я точно помню.

– Ну как тебе сказать...

– А вот и не подеретесь, – смеется Яна, раздавая чашки с горячим шоколадом. – Вернее, подеретесь, конечно, вам это мифологически положено. Но чур не здесь и не сейчас. Моя кухня совершенно не подходит для божественных битв. Мне и так непросто живется. Особенно в последнее время.

– Вот с этого места, пожалуйста, подробнее, – просит Томас. – Потому что пока я понял только, что у тебя умирает вымышленный друг детства. Которого ты при этом не выдумывала. Я в растерянности!

– Растерянность – это твое нормальное состояние, – ухмыляется Тескатлипока. В смысле Ромка.

Спорит, стало быть, с Кецалькоатлем, как миф велит. Молодец.

– Все-таки не вымышленный, – говорит Яна. – Вымышленного друга сперва надо выдумать, а уже потом дружить. А этот красавец мне просто снится. По собственной инициативе, я тут ни при чем. Уже очень давно снится. С детства. Не каждый день, но более-менее регулярно.

– Это называется «повторяющийся сон», – подсказывает Ромка.

– Мне кажется, не совсем. У меня только человек один и тот же, а все остальное меняется. Я бы даже сказала, последовательно развивается. Как в телесериале, каждый год – новый сезон. Изменяются обстоятельства, появляются новые сюжетные линии, только главные герои одни и те же, и краткое содержание предыдущих серий хранится в их головах, прирастая все новыми эпизодами, как и положено воспоминаниям о прошлом. Сперва герои взрослеют, потом понемногу начинают стареть, а история все тянется и тянется, пока милосердный продюсер не прихлопнет эту лавочку. Вот и у нас так. В смысле у меня. В детстве мне снилось, что мы с Яничком живем в одном дворе. В самом первом сне мы одновременно вышли гулять, я с папой, он с бабушкой, познакомились, обрадовались, что нас одинаково зовут, решили – надо дружить, если уж все так отлично совпало. Я, кстати, даже искала его потом, когда проснулась. Не видела разницы между сном и явью, думала: был же такой отличный соседский мальчик, мой тезка, куда подевался? И родителей втянула в свои поиски. Они честно пытались помочь, расспрашивали соседей, пока не въехали, что мой новый друг, о котором я им все уши прожужжала, это просто сон. До сих пор помню, как они смеялись, а я обиделась. У меня друг потерялся, а им смешно! Правда, они пытались объяснить, что смеются не надо мной, а над собой, но для ребенка это все-таки слишком сложная концепция.

– Она, не поверишь, и для большинства взрослых слишком сложная, – ухмыляется Томас. И наконец-то роняет чашку. Правда, почти пустую, так что последствия не столь страшны, как рисовало воображение. Одна разбитая чашка и всего пара шоколадных клякс на полу, не о чем говорить.

– С тех пор мне время от времени снилось, как мы с Яничком вместе гуляем и ходим друг к другу в гости, – говорит Яна. – Как лазаем по крышам, запускаем воздушного змея, катаемся на санках и придумываем всякие интересные игры; в некоторые я потом пыталась играть наяву, с настоящими дворовыми друзьями, но без Яничека получалось как-то не так. Чего-то важного не хватало, черт его знает, чего... А потом я пошла в школу, и во сне мы тоже пошли в школу, конечно же, в один класс. И начался новый сезон нашего сериала, сны о том, как мы встречаемся у подъезда, чтобы вместе идти на урок, делимся бутербродами, пишем друг другу записки, ссоримся, миримся, хотим сидеть за одной партой, больше не хотим сидеть за одной партой, нас дразнят «женихом и невестой», мы обижаемся и деремся, а потом уже не обижаемся, сообразив, что «жених и невеста» – это совсем неплохая идея, если пожениться, можно будет ночевать в одной комнате и, например, играть в «Морской бой», или рассказывать анекдоты – хоть до самого утра, никто не запретит... А потом школа как-то незаметно закончилась, и наяву я поступила на ИнЯз, а во сне в политехнический, с Яничком за компанию. Зря, между прочим ухмыляетесь, мало ли что наяву без калькулятора два и два не сложу, зато во сне я уже давно главный инженер не пойми чего, но пока сплю, очень даже неплохо понимаю... Впрочем, все это совершенно неважно. Важно, что раньше это всегда были очень хорошие сны. Давали мне радость, силу, а иногда, в трудные времена, и смысл. Надо жить дальше, чтобы мне снился Яничек, как же я его брошу? И жила, как миленькая. И, как видите, дожила до седых волос.

– Пряма-таки до седых, – укоризненно качает головой Ромка.

– Еще до каких седых. Просто они крашенные. На самом деле я не рыжая, прости, друг. Темно-русая, цвета приунывшего воробья, пришлось перекраситься, чтобы не умножать мировую скорбь.

– Надо же, какие зловещие тайны открываются сегодня, – смеется друг Ромка. – Одна за другой!

– Да уж, – вздыхает Яна. – Сама удивляюсь. Сажу тут с вами, жалуясь...

– Жалуешься? Да ну, отличные сны. Я бы сам, пожалуй, не отказался от такой запасной жизни, в которой у меня все хорошо. Или ладно, не обязательно хорошо, просто как-нибудь

совершенно иначе. Например, я там капитан круизного лайнера. Или хотя бы боцман. Или – внезапно! – оперный певец. И счастливо женат на подружке детства. Наяву всего этого со мной уже не случилось, а попробовать, как оно бывает, интересно.

– Ну вот и я так думала. Пока этот красавец не собрался помирать. Вдумчиво и обстоятельно, как все, что он делает. Ладно бы, один сон такой приснился. Проснулась, выдохнула и живи себе дальше. Но не с моим счастьем. События развиваются логично и последовательно, как всегда в этих снах. С причинно-следственными связями там всегда было в порядке. Если уж приснилось, что поступила в политех, в следующем сне не обнаружишь себя со скальпелем или за роялем. И даже одно и то же любимое пальто не желает оставаться новым, снашивается, как самое настоящее. Если разобраться, наяву нестыковок и неожиданностей гораздо больше, по крайней мере, у меня. Это еще надо подумать, где у нас сон, а где так называемая «настоящая жизнь».

– Кстати, да, – кивает примолкший было Томас. – Тоже иногда понимаю, что ничего не понимаю... И что, теперь тебе каждый день снится, как умирает твой муж? Не позавидуешь.

– Слава богу, не каждый. А то навещали бы вы меня сегодня в психушке. Но чаще, чем хотелось бы, это да.

– Елки, – сочувственно говорит он. И после долгой, томительной паузы повторяет: – Вот елки!

«Вот именно», – думает Яна и отворачивается к окну, где на подоконнике цветут и отчаянно, навзрыд пахнут нарциссы, неделю назад купленные в супермаркете, стремительно распустившиеся в тепле и, похоже, уже начавшие догадываться, что не доживут до настоящей весны. Сколько ни прижимайся к холодному стеклу, за которым сейчас плещется молочно-желтая от снега и фонарного света вечерняя тьма, апрельского солнца там не покажут.

– Ладно. Будем тебя спасать. Есть идея, – внезапно говорит Томас.

– Какая? А, ну да, примерно понятно. Для начала поиграть в снежки, продолжить вечер в ближайшем баре, а надравшись как следует, купить в ночном супермаркете какой-нибудь нелепый пластиковый поддон, гордо именуемый санками, и до рассвета кататься на нем с холма? Чтобы потом приползти домой, упасть и уснуть прямо в коридоре, и никаких дурацких снов? Я тебя обожаю, Томочка. Это вполне могло бы сработать. Но у меня дедлайн.

– И совершенно напрасно ты меня обожаешь. Идея надраться и кататься на санках отличная. Но не моя, увы.

– Ну надо же, – говорит Ромка. – Я тоже был уверен, что ты сейчас скажешь: «Одевайтесь, пошли, и пусть весь мир содрогнется». Ну и дальше примерно по Янкиному сценарию.

– Это потому что вы тайные алкоголики и латентные хулиганы, – ухмыляется Томас. – Одно у вас на уме. А я мыслю глобально. И совсем о другом.

– О чем?

– О том, что у нас тут Нижний Мир.

– Чего? – изумленно переспрашивает Яна. И Ромка вторит ей с некоторым запозданием: «Чегоoooooooo?!»

– С точки зрения тех, кто нам снится, у нас тут Нижний Мир. Мир духов. Ну типичный же! Сами прикиньте, от того, что мы тут съедим или выпьем, напрямую зависит их – в смысле, наших сновидений – судьба. А от поставленного будильника – срок жизни...

– Точно, – тут же подхватывает Ромка. – Обожрешься на ночь котлет, а у них, бедняг, от этого сразу апокалипсис. Или, к примеру, школьный экзамен по физике. Что в общем примерно одно и то же. Трудно им с нами!

– Придурки, – ласково говорит Яна. – Даже не знаю, кто хуже.

В переводе на общечеловеческий язык это означает: «Как же я вас обоих люблю». Впрочем, и так понятно.

– Эй, будь повежливей! – смеется Томас. – Ты сейчас в Нижнем Мире. С духами разговариваешь, не с кем-нибудь.

– Ну так я и сама дух. Если уж тут живу.

– Если живешь, то да. А если, предположим, ты сейчас сюда в гости пришла? Потому что там, у себя, наяву, в смысле во сне, ты – великий шаман с большим бубном. Например.

– Я – даааааа, – подтверждает Яна. – Великий. В смысле великая. Великая шаман!

– Вот именно. И теперь ты должна нас умиловать.

– Что?!

– Умиловать, – повторяет Томас. – Ты, кстати, уже начала. И очень неплохо начала! Таким горячим шоколадом самого злобного духа умиловать можно. А мы с Ромкой даже и не особо злобные. Просто прожорливые. И если ты сейчас свариишь еще одну порцию...

– Господи, – смеется Яна. – Ну так бы сразу и сказал!

И идет мыть кастрюльку. По справедливости, надо бы гостей припахать, но если уж у них хватило ума вовремя назначить себя духами Нижнего Мира – ладно, пусть сидят. Заслужили.

– Я, между прочим, совершенно серьезно, – говорит Томас, наблюдая, как Яна ставит кастрюльку на плиту.

– Совершенно серьезно хочешь добавки? Не сомневаюсь.

– Да ну тебя. Я про Нижний Мир.

– А. В смысле что с точки зрения наших сновидений бодрствование – это пребывание в Нижнем Мире? Да, красивая концепция.

– По-моему, Томка имеет в виду, что если уж мы – духи Нижнего Мира, значит, мы можем решить проблему шамана, – внезапно говорит Ромка, – То есть мы сперва выжрем твой шоколад – прости, друг, но без щедрых приношений духам никак не обойдешься, это тебе любая магическая традиция подтвердит – а потом за это спляшем какой-нибудь специальный полезный мистический танец, от которого исцелится твой больной муж. В смысле муж, который тебе снится. По-моему, гениальный ход. Потому что события наяву, хотим мы того или нет, а влияют на наши сны. Конечно, совершенно непредсказуемо. Но все-таки если нам удастся как следует тебя впечатлить...

– Ого, – задумчиво бормочет Яна, размешивая густеющий на огне шоколад. – Ого! – повторяет она. – Слушайте, дорогие духи Нижнего Мира, а давайте попробуем. А?

– Я как раз над этим думаю, – совершенно серьезно говорит Томас. – Пытаюсь понять, чем мы можем тебя впечатлить – после столько-то лет знакомства.

– Для начала хотя бы не урони свою чашку, – вздыхает Яна. – Просто аккуратно поставь ее на стол. Если сможешь, я уверю во все, что ты скажешь – хоть в Нижний Мир, хоть в духов, хоть в свое шаманское призвание. Навсегда.

– Я-то смогу, – кивает Томас. – Но мне кажется, этого недостаточно.

– Конечно недостаточно! – вклинивается Ромка. – Нам же не лось какого-нибудь дурацкого в капкан загнать надо, а целую человеческую жизнь спасти. В таком деле без кровавой жертвы не обойтись.

– Точно! – Томас поднимает указательный палец. – Принесем жертву. А лучше сразу две. Чего мелочиться. Пошли.

– Куда? – подскакивает Яна.

– Ты – никуда. Ты тут сиди. А мы – на улицу. Будешь смотреть на нас в окно. Внимательно смотри! Ты – шаман, тебе положены чудесные видения. Видела когда-нибудь, как духи Нижнего Мира приносят себя в жертву друг другу? То-то же. Трепещи.

И очень аккуратно ставит пустую чашку на стол, да так далеко от края, что захочешь – рукавом не смахнешь.

Ну надо же. Чудеса.

Яна стоит у окна и, затаив дыхание, глядит вниз, на улицу Клайпедос, внезапно ставшую полем битвы самозванных духов Нижнего Мира. Там, на белом снегу, извиваются темные тени, вполне бесплотные, если смотреть на них с высоты третьего этажа, но явно антропоморфные. Впрочем, какими им еще быть?

Если смотреть с высоты третьего этажа, может показаться, что мальчишки дерутся по-настоящему. Хорошо, что на улице пусто, потому что прохожие могли бы вызвать полицию... Ай, нет, конечно нет, они же сейчас наверняка хохочут, как школьники, просто отсюда не слышно, третий этаж – это все-таки довольно высоко, да и окно закрыто, чтобы не заморозить беднягу нарцисса, ему, сдуру рискнувшему расцвести в феврале, и так нелегко. Но ржут же, на что угодно спорю, знаю я их. Очень хорошо знаю, так уж мне повезло.

«Господи, – думает Яна, – спасибо тебе, что мы есть. Вот такие невероятные придурки, на любые глупости готовые, чтобы утешить друг друга. Впрочем, на глупости мы готовы и просто так, без всякого дополнительного повода, и за это отдельное спасибо Тебе, очень здорово придумал».

Темные тени внизу, похоже, устали сражаться, упали на землю и теперь неподвижно лежат, два черных силуэта на белом снегу, четких, плоских, словно вырезанных из бумаги. Скоро они поднимутся, отряхнутся, обретут дополнительное измерение и пойдут наверх, требовать за подвиг еще одну порцию шоколада... Кастрюлю, что ли, пока помыть?

Надо бы, конечно, помыть, но Яна стоит у окна, смотрит вниз, ждет, когда темные тени, духи Нижнего Мира, только что принесшие себя в жертву друг другу, павшие в честном бою, воскреснут, встанут, превратятся в живых теплокровных разноцветных людей, обнимутся от полноты чувств и потопают к подъезду. Но они все лежат и лежат, не шелохнутся, а время идет, и снег тоже идет, такими густыми хлопьями, что на месте двух черных фигур скоро будут два невысоких сугроба, а они... Какого черта?!

– Какого черта они не поднимаются? – вслух говорит Яна.

Говорит и от звука собственного голоса почему-то мгновенно впадает в панику. Выскакивает в подъезд и несется по лестнице вниз, перескакивая через несколько ступенек, проклиная слетающие с ног тапки и себя, дуру, за то что побежала на улицу, не надев сапоги, там же минус то ли пять, то ли вообще семь и снежище, а эти два придурка валяются на морозе в сугробах, промокли наверное уже насквозь, зубами стучат, если только не... Да нет, слушай, нет, не могли же они, в самом деле, поубивать друг друга, что у тебя вообще в голове?

Хороший вопрос, но ответ на него неизвестен, да и какая разница, что у тебя в голове, когда ты выскакиваешь на улицу, на мороз, в одной футболке, старых домашних джинсах и тапочках на босу ногу, тапочки – это, конечно, особенно прекрасная деталь образа, клетчатые, с розовыми помпонами, на два размера больше, чем надо и поэтому все время слетают, в подъезде еще как-то удавалось их подхватывать, но стоило пробежать всего несколько шагов по снегу, и вот уже тапки застряли в каком-то дурацком сугробе и остались там, вероятно, навек, потому что Яне совсем не до них. Отсюда два тела на снегу кажутся ей еще более темными, тяжелыми и неподвижными, чем выглядели сверху, да что же это такое, не может этого быть!

Добежав, она падает на четвереньки, чтобы увидеть лица, заглянуть в глаза, на худой конец хотя бы просто услышать дыхание, убедиться, что мерзавцы ее разыграли, да и сама хороша, придумала черт знает что на ровном месте, но все это уже не имеет значения, потому что сильные, очень холодные, очень мокрые руки, целых четыре сразу, хватают ее, валят в снег, заключают в объятия, и Ромка кричит: «Поверила!» – а Томас торжествующе хохочет: «Я же говорил!»

– Гады какие! – смеется Яна. – Я же перепугалась. И тапки потеряла. И осталась босиком.

Тапки, кстати, нашлись – потом, по дороге домой, куда Томас любезно донес ее на руках. А Ромка замыкал шествие, торжественно размахивая клетчатými тапками с намокшими розо-

выми помпонами. Таковы, надо понимать, повадки духов Нижнего Мира, делают что хотят и ржут при этом как кони, никакого сладу с ними нет, это вам любой шаман подтвердит.

* * *

– Представляешь, пока мы дрыхли, выпал снег, – говорит Яничек. – И еще не успел растаять. Дождлся нас, такой молодец.

Он стоит у окна и смотрит на улицу. Это само по себе настолько удивительно, что никаких дополнительных чудес вроде апрельского снега Яничке уже не надо. Ну, то есть, как – не надо, пусть будет, если уж выпал. Но и без снега трудно поверить, что все это происходит наяву, потому что Яничек, который всего неделю назад чашку ко рту поднести едва мог, встал, как ни в чем не бывало, без посторонней помощи добрался до окна и преспокойно там стоит, даже не опираясь на подоконник, где цветет солнечно-желтый нарцисс-долгожитель, купленный в супермаркете еще в феврале. И, в общем, уже понятно, что это – не случайное временное улучшение, а нормальное развитие событий, врачи обещали, что именно так теперь все и будет, а я им не верила, дура. И, похоже, не очень-то верю до сих пор. Ай, ладно, какая разница, верю, не верю, главное, что это – так.

– И какой-то энтузиаст на радостях успел пробежаться по этому снегу босиком, – говорит Яничек. – Хотел бы я посмотреть, как это было. Но следы босых ног на снегу и сами по себе – вполне вдохновляющее зрелище... Эй, заяц, а почему ты не удивляешься? И не бежишь смотреть, пока все на фиг не растаяло? У тебя все хорошо?

– Все хорошо, – эхом повторяет Яничка. – А как оно еще может быть? Я просто сон пытаюсь вспомнить. Но уже, наверное, не получится, ускользнул. Жалко. Что-то такое прекрасное мне снилось. Мы там все время ржали с... с кем-то. Вспомнить бы с кем... Ай, ладно, неважно.

Она вылезает из-под одеяла, подходит к окну, обнимает Яничека крепко-крепко, говорит:

– Ну давай, показывай, что там за босые следы на снегу?

Улица Косцюшкос (Kosciuškos g.)

Тяжелый свет

Когда ехал домой привычным уже, самым коротким маршрутом, от Петра и Павла⁶ по Косцюшкос, увидел далеко впереди, на другом берегу здание, украшенное в честь грядущего Рождества гигантской, от земли до крыши, гирляндой синих фонариков, таких убийственно мощных, что зарево от них было чуть ли не на пол-неба.

Очень яркий свет. И очень холодный. Вблизи он, должно быть, совершенно невыносим.

Даже свернул раньше, чем обычно, поехал кружным путем, через Старый город, лишь бы не смотреть.

Не то чтобы с утра до ночи переживал по поводу этих синих огней, но каждый вечер неизбежно сворачивал из-за них к Кафедральной площади и делал изрядный крюк. И всякий раз заново обижался, неведомо на кого – то ли на незадачливых украшателей темного зимнего мира, подобравших такой ужасный цвет для праздничной иллюминации, то ли на себя за незапный приступ эстетства. Синие огоньки, видите ли, не угодили. Другие вон ездят мимо, и ничего.

Думал: ладно, скоро уже Рождество, а потом фонарики уберут.

Пожаловался на противный синий свет Янине. Та переспросила: «Это где?» Выслушав объяснения, нахмурилась, потом пожала плечами – ну надо же, а я не замечала, хотя почти каждый день там... ладно, предположим, я-то не езжу, хожу пешком. Может быть, только с проезжей части видно? Хотя если, как ты говоришь, зарево на полнеба, странно, что я не обратила внимания.

Развел руками – бывает. У каждого из нас свой список раздражителей. Ты, например, не выносишь звук газонокосилки, а я под него спать могу. Зато, оказывается, бешусь от синего света, слава богу, не любого, а только этого оттенка, как он, интересно, называется? Ультра-марин? Ну, может быть. Такой ядовитый неоновый, практически быющий в судорогах ультрамарин.

Поговорили и забыл – до того дня, когда Янина зашла за ним на работу, чтобы вместе ехать домой. До сих пор она так не поступала, но тут случайно оказалась рядом незадолго до конца рабочего дня и зашла, такая молодец.

Обрадовался ей, потому что любил внезапные сбои в постоянном распорядке, даже такие незначительные.

И Янину тоже любил.

Когда ехали по Косцюшкос, сказал:

– Видишь, какая синяя жуть? Это я на нее тебе жаловался.

Янина как-то растерянно моргнула, повертела головой в разные стороны:

– Где?

Ничего не ответил, пока не остановились у светофора возле моста Короля Миндаугаса. Только тогда спросил:

– Ты что, правда не видишь? Вон, на той стороне, справа и впереди. Такой невыносимый синий свет!

⁶ Костел Святых апостолов Петра и Павла – римско-католический приходской костел Вильнюсского деканата, памятник архитектуры XVII века. Расположен в самом начале улицы Антакальнё.

Она молчала, пока не загорелся зеленый. Уже после того, как свернули, сказала:

– Ничего, бывает. Всем время от времени что-то мерещится. Вот и теперь примерещилось – не то тебе этот противный синий свет, не то мне его отсутствие. И, в общем, все равно, кто прав: мы теперь вместе, значит, все у нас общее, и морок тоже один на двоих.

Ничего себе поворот.

С одной стороны, ужас, конечно – получается, синие огоньки – галлюцинация? А с другой – услышать от сдержанной, скупой на слова Янины сентиментальное рассуждение насчет общего морока было удивительно приятно. Прежде не подозревал, что нуждается в словесных подтверждениях их близости, а оказалось – еще как.

Не знал, что на это ответить. Но и молчать было нельзя. Поэтому предложил:

– Давай сейчас поставим машину возле дома и пойдем поужинаем в городе. Хочешь суши, Нинка? Сто лет их не ел.

Янина понимающе улыбнулась, кивнула:

– Конечно, давай.

С тех пор невзлюбил синие фонарики еще сильнее. И стал ездить домой совсем уж дурацкой кружной дорогой, лишь бы не видеть эту чертову праздничную иллюминацию.

В отместку чертова иллюминация стала сниться по ночам. Только во сне свет был не синим, а желтым. Но таким же холодным и невыносимо ярким.

Во сне не сворачивал с набережной раньше времени. Наоборот, хотел добраться до источника света, выяснить, что за здание украсили дурацкими фонарями, посмотреть на него вблизи и может быть наконец что-то понять. Но это никогда не удавалось. Все время то проезжал мимо нужного моста, то напротив, никак не мог до него доехать. А иногда откуда ни возьмись появлялся полицейский патруль и приказывал остановиться. Лица у патрульных бывали разные, причем далеко не всегда человеческие, но их начальник, седой, коренастый, очень придиричивый и дотошный с упорством, достойным лучшего применения, кочевал из одного сновидения в другое. Пока этот тип внимательно изучал документы на автомобиль, целые тюки бумаг, которые, согласно дурацкой логике сновидения, приходилось возить в багажнике связанными в толстые пачки, успевал зазвонить будильник. Это было досадно.

Проснувшись, всякий раз мысленно показывал седому бюрократу кулак. Не то чтобы это помогало, но немного поднимало настроение. По утрам это важно.

На Рождество они с Яниной поехали к друзьям в Краков, и там сны про яркий холодный свет и полицейских прекратились. Был этому очень рад. Однако стоило вернуться домой, и все стало по-старому. Синее зарево наяву, желтое во сне. Праздники давным-давно миновали, закончились школьные каникулы, уехали последние туристы, от Рождественской ярмарки на Ратушной площади не осталось и следа, сняли фонарики, украшавшие рестораны и кафе, убрали искусственные елки из магазинных витрин, но вот именно эта проклятая синяя гирлянда никуда не делась.

Как назло.

Однажды залез на крышу дома – не во сне, наяву. Подозревал, что синее зарево должно быть оттуда видно. Подозрение, увы, подтвердилось; счастье еще, что окна квартиры выходили на другую сторону.

Время от времени специально проезжал по набережной днем, ничего особенного там не увидел; впрочем, и не ждал. А однажды, воспользовавшись теплой погодой, прогулялся вдоль реки пешком, пристально разглядывая здания на другом берегу. Дома как дома, жилые и офисные. Ничего выдающегося. Но переходить мост, чтобы рассмотреть их поближе все-таки не стал. Бог весть почему.

Несколько раз пытался сфотографировать синие огоньки телефоном – просто чтобы получить доказательство их существования или отсутствия. Все-таки фотография – это документ. Однако ничего из этой затеи не вышло. Снимки оказывались то полностью черными, то наоборот, пересвеченными. Никакой особой мистики тут не было, просто плохонькая камера в старом телефоне не справлялась со съемкой в темноте.

С Яниной о синих фонариках на том берегу больше не говорил, не хотел лишний раз выставлять себя психом, а она не расспрашивала. Оба боялись нарушить хрупкое равновесие счастливой совместной жизни, которой ждали и, чего греха таить, смутно опасались целых шесть лет, пока он работал в другой стране, и встречаться удавалось хорошо если раз в месяц. А теперь, съехавшись, старались беречь друг друга, каждый – от себя. В первую очередь, от собственной способности быть человеком-не-праздником. В смысле не только праздником. Не всегда им.

Иногда подвозил с работы коллег, живущих более-менее по соседству. С ними специально ехал по Косцюшкос, а потом по набережной, мимо сияющего ультрамарином здания на другом берегу. На самом деле ничего страшного, если смотришь прямо перед собой, только на дорогу, а справа, между тобой и невыносимым синим сиянием сидит безмятежно разглагольствующий о пустяках пассажир.

После разговора с Яниной не решался открыто обсуждать эти синие огни с другими людьми. Кому хочется прослыть сумасшедшим. Но всякий раз, выезжая на набережную, как бы вскользь замечал: вот удивительно, праздники давным-давно миновали, а светящиеся гирлянды кое-где до сих пор так и не убрали, это же огромный дополнительный расход на электричество, вот на чем следует экономить учреждениям, а не на зарплатах сотрудников, – и так далее, обычное ворчание умеренно благополучного обывателя. Очередной спутник, глядя прямо перед собой, в освещенную ультрамариновым заревом тьму, рассеянно переспрашивал: да неужели не все убрали? Разве что-то еще осталось? А где?

Впрочем, все они удовлетворялись неопределенным мычанием: «Нннуу... кое-где в центре». Им было все равно.

Думал порой: какой же бездарный из меня получился псих. Одна-единственная галлюцинация, довольно противная, но совсем не страшная. И не интересная, будем честны. Зато всегда на одном и том же месте, даже во сне. Удивительный я все-таки зануда.

Посмеяться над собственными проблемами – хороший способ приуменьшить их значимость, это всем известно.

Однако к началу февраля был вынужден признать, что нервы уже на пределе. Синий свет стал занимать слишком много места в его мыслях. А бестолковые сны про желтый повторялись теперь не время от времени, а почти каждую ночь. Ну или даже не «почти», просто иногда будильник звонит невовремя, и потом невозможно вспомнить, что приснилось, как ни старайся; кажется, это как-то связано с фазами сна, когда-то об этом читал. Очень давно.

Когда понял, насколько сильно его беспокоит этот синий свет, решил бороться с наваждением методом «клин клином». Снова стал ездить домой с работы коротким удобным путем: по Косцюшкос, потом по набережной, и плевать на невидимые для всех остальных ультрамариновые фонари на другом ее берегу. Подумаешь – фонари.

Не то чтобы это помогло. Скорее наоборот. Теперь целыми днями был на взводе, предвкушая предстоящую поездку. Стал делать в документах ошибки, которых раньше – не то что просто себе не позволял, а даже вообразить не мог, каким надо быть рассеянным идиотом, чтобы их наваливать.

Говорил себе: «Ладно, ничего, потерпи, день прибывает, еще немного, и будешь возвращаться с работы засветло». И всякий раз внутренне вставал на дыбы от необходимости ждать и терпеть.

К тому же, не факт, что увеличение светового дня как-то повлияет на содержание сновидений.

С Яниной по-прежнему вел себя как ангел; слава богу, давно научился ни при каких обстоятельствах не срываться на близких. Однако воздух в доме звенел от напряжения, и она это, конечно, чувствовала. И тоже нервничала. И тоже не подавала виду. Не спрашивала, что происходит; может быть, зря.

Все чаще думал: «Похоже, я все порчу, вот черт».

А о том, что напрасно, наверное, ухватился за первую же возможность вернуться в этот город, старался думать пореже. Говорил себе: «Рано сдаваться, все еще наладится. Контракт пока подписан на год. Потом поглядим».

Ни дня не хотел здесь оставаться. Не хотел никуда уезжать.

Наконец решился. Сказал себе: сегодня посмотрю на чертовы синие фонарики вблизи. Поеду на тот берег, выйду из машины, обойду вокруг увешанного ими дома, потрогаю его, в конце концов. Попробую еще раз сфотографировать, может быть, вблизи хоть что-то получится. И тогда...

А что, собственно, «тогда»? Чего он ждал от этой экспедиции? Сам понятия не имел, просто ум, утомленный полным непониманием происходящего, требовал действий. Все равно, каких. Давно пора было кинуть ему эту кость.

Смешно, но чуть не проскочил мимо моста Короля Миндаугаса, на который собирался свернуть. По привычке заранее перестроился в крайний левый ряд и только в самый последний момент сообразил, что сейчас надо наоборот, в правый. Вспомнил, сколько раз это случилось во сне, невольно улыбнулся. Подумал: «Ладно, по крайней мере, обошлось без полиции».

Ага, держи карман шире.

Полиция остановила его уже за мостом, практически в двух шагах от вожаемой цели. Ну, правда, не его одного, а целую кучу народу. Как бы проверка документов, а на самом деле, скрытая, но эффективная реклама страхования и своевременного техосмотра, ничего личного.

Документы у него были в порядке, зато от близости источника ультрамаринового света кидало в дрожь, а седой полицейский, пожелавший хорошего вечера, показался старым знакомым. Неужели сны о нем были вещими? И теперь я – провидец и пророк? Вот спасибо.

Не удержался от нервного смеха, полицейский оторвался от изучения документов и уставился на него с доброжелательным, но требовательным интересом. Дескать, чего ржешь.

Пришлось объяснять:

– В последнее время мне несколько раз снилось, как меня останавливает полиция. И один из полицейских был очень похож на вас.

– А, это бывает, – флегматично кивнул седой. И снова уткнулся в его документы.

Он и наяву очень долго их изучал, за это время можно было успеть прочитать средних размеров рассказ. Или даже его написать. Наконец спросил:

– Во сне – это когда вы ехали посмотреть на желтые огни?

– Что?

– На желтые огни, – невозмутимо повторил полицейский. – Во сне они желтые, а наяву синие, верно? Такой тяжелый, почти невыносимо яркий холодный свет. И никто кроме вас их не видит. Это довольно неприятно. Выбивает почву из-под ног.

– Что?!

Чокнуться недолго от подобных откровений. Не мог же я уснуть за рулем? Или еще раньше, в офисе?.. Или мог? Нет, стоп, погоди. Во сне свет ярко-желтый. А сейчас – адский, невыносимый, судорожный ультрамарин, как всегда бывает наяву.

– Что слышали, – неожиданно сурово ответил полицейский.

Отдал ему все бумаги, только права почему-то продолжал вертеть в руках. Молчал, думал. Наконец сказал:

– Хорошая новость состоит в том, что вы не сошли с ума. И я тоже. Просто одни люди видят этот синий свет, а другие нет. Так бывает. Да чего только не бывает, на самом-то деле... Знаете что? По-моему, вы очень хотите закурить. А сигарет нет, на работу вы их с собой не берете, верно?

Буркнул:

– Беру. Но всего две штуки, специально под кофе в перерывах. До вечера они обычно не доживают.

– Ничего, – сказал седой полицейский, – я с вами поделюсь. Идемте.

Опешил:

– Куда?

– Да просто отойдем немного в сторону от дороги. Машину оставьте как есть, тут она никому не мешает.

– Ладно.

Поднял стекло, погасил фары, вынул ключ из замка зажигания. Вышел. В награду за сговорчивость получил обратно свои права. И сигарету. Да не простую, а «Camel» без фильтра. Надо же, они еще, оказывается, есть в природе. Интересно, где этот тип их берет? В магазинах их точно нет, запрещены к продаже – здесь и в подавляющем большинстве европейских стран.

– Контрабандные, – усмехнулся седой полицейский. И вдруг как-то очень по-свойски подмигнул. Словно они были знакомы целую вечность, и шутка про контрабандные сигареты сопровождала чуть ли не каждую встречу. Ну или не шутка, как знать.

Чуть было не поверил, что так оно и есть. Но вовремя опомнился. Есть же такая штука – «дежавю». Необъяснимая, зато все объясняющая. Очень удобно.

Полицейский протянул ему зажигалку. Сказал:

– Представляю, сколько у вас вопросов. И вы не знаете, с чего начать. Поэтому начну я. С этими синими фонариками, как вы и сами догадываетесь, все довольно непросто. Они вполне объективно существуют, однако людей, которые их видят, по пальцам можно пересчитать. Причем, как правило, если уж кто-то увидит синий свет, сразу устремляется к нему, как мотылек к лампе, забыв обо всем на свете. Но по дороге, еще не добежав, обнаруживает, что свет погас, все выглядит, как обычно. И спокойно возвращается к своим делам. Ну, то есть, как – спокойно. На самом деле, конечно, тревожится, спрашивает себя: «Что это вообще было?» Некоторые даже обращаются к врачам и получают вполне успокоительные объяснения. В этом смысле сейчас очень удачное время, любое странное происшествие можно списать на стресс, выдохнуть с облегчением, перекреститься и забыть. А с вами не так. Вы этого синего света сразу испугались, хоть и сочли его обычной рождественской иллюминацией. Отлично, на самом деле. У вас, судя по всему, неплохие шансы.

Сигарета без фильтра оказалась очень крепкой. Оно к лучшему, стал от нее как пьяный, и слова этого странного полицейского звучали, как забавная, но вполне бессмысленная байка случайного собутыльника. Удивительно успокаивающий эффект. Однако при слове «шансы» встрепнулся.

– Какие шансы? На что?

– Добраться до источника света, конечно. Подойти к нему совсем близко. Погрузиться в него целиком. Войти.

– И что тогда будет?

– Что будет конкретно с вами? Я тоже хотел бы это узнать, – усмехнулся седой полицейский. – Заранее никогда не скажешь. Я слышал о людях, которые, достаточно долго простояв в лучах этого тяжелого синего света, словно бы приходили в чувство. И о других, которые забывали все, включая собственное имя. И о тех, кто исчезал неведомо куда. И о таких, кто просто возвращался домой, разочарованно пожимая плечами – ну и к чему была вся эта суета? А я, например, просто устроился на работу. В ту зиму синяя гирлянда украшала центральное отделение полиции, где как раз расположен отдел кадров. Смешно тогда получилось; я-то всю жизнь считал себя без пяти минут анархистом и вообще человеком здравомыслящим...

Он умолк – то ли вспоминал забавные подробности своего трудоустройства, то ли просто прикидывал, что бы еще такого интересного рассказать. Наконец заговорил:

– Единственное, в чем я более-менее уверен, – добираться до источника света следует наяву, а не во сне. В здравом уме и твердой памяти, чувствуя себя полным идиотом, сознательно переступая через собственный иррациональный страх. Вполне справедливая плата за входной билет неведомо куда. Впрочем, не только в оплате дело. Еще и в том, что люди не придают значения сновидениям. Нравится мне это или нет, но таковы особенности культуры, в рамках которой мы все воспитаны. Что бы ни стряслось с человеком во сне, а просыпается таким же дураком, как был накануне. Ничего не помнит, а если и помнит, отмахивается – приносится же всякая ерунда. Поэтому я так назойливо вмешивался в ход ваших сновидений, не давал вам удовлетворить любопытство. Между прочим, в нарушение служебной инструкции. Знаете, сколько уже выговоров получил за превышение полномочий? У-у-у-у-у, и не сосчитать! К счастью, устных. Начальство у нас все-таки понимающее. И здравомыслящее, не хуже меня самого. И словосочетание «по велению сердца» для него не пустой звук.

Растерянно повторил:

– По велению сердца? Но какое вам?..

– Какое мне дело до вас? Сложно сказать. С одной стороны, конечно, никакого. А с другой, я сочувствую всем, кого пугают и одновременно притягивают эти синие фонари. Трудно забыть, что сам когда-то был в таком же положении. Да и надо ли забывать? Не факт.

– А мне обязательно туда идти?

Совершенно не планировал задавать такой жалобный, совершенно детский вопрос. Само вырвалось. Потому что вдруг испугался, как не боялся до сих пор никогда, ничего. Впрочем, нет, было один раз – в самолете, когда показалось, будто что-то пошло сильно не так. Вот эта холодная тошнотворная бездна, разверзающаяся в собственном животе, от которой никуда не деться, потому что она – и есть ты.

Впрочем, тогда обошлось. И сейчас обойдется. Что может случиться с человеком, обеими ногами стоящим на твердой, надежной земле?

На самом деле все что угодно. В том и беда.

– Господи, ну конечно не обязательно, – вздохнул полицейский. – Каждый человек имеет право испугаться и передумать. Я здесь не затем, чтобы вас заставлять.

– А зачем?

Полицейский только плечами пожал. И отвернулся. Похоже, он внезапно утратил интерес к беседе. И теперь жалел, что вообще ее затеял.

Докурил крепкую сигарету, почти такую же невыносимую, как синее зарево над головой. Огляделся по сторонам в поисках урны. Не нашел, зато увидел канализационный люк и засунул окурок в щель. Полицейский последовал его примеру. Сказал:

– Еще одна новость. Не уверен, что однозначно хорошая, но вам, по идее, должна понравиться: этот морок не навсегда. Скоро закончится. Даже из города уезжать не обязательно. Вы об этом уже начали думать, верно? Жалко все бросать, но рассудок дороже.

Кивнул, даже не удивившись его проницательности.

– Так вот, с отъездом можете не спешить. Просто наберитесь терпения. Однажды вы поедете ночью по набережной и внезапно обнаружите, что небо над ней самое обыкновенное. Никакого синего зарева. И сны перестанут вас беспокоить. И я отстану. Все пройдет. Все.

– Правда?

– Конечно, правда. Плюньте на этот синий свет. Он скоро погаснет – лично для вас. Перестанет беспокоить. Все будет хорошо. Поезжайте домой. Я же отдал вам ваши права? Проверьте.

Проверил. Права были на месте, в бумажнике.

Пока рылся в карманах, седой полицейский куда-то ушел, видимо, присоединился к коллегам.

Сел за руль. Спросил себя: «Что это было вообще?» Ответа разумеется не последовало. Да и какой тут может быть ответ.

Развернулся и поехал обратно на мост, а оттуда домой – мимо Кафедральной площади, через центр. Хватит с меня этих синих фонарей. Хотя бы на сегодня хватит, договорились?

Янине, конечно, ничего не рассказал. Зачем пугать человека историей развития навязчивой галлюцинации. Тем более, если добрый полицейский обещает, что все скоро пройдет. Он, конечно, сам та еще галлюцинация, ну да ладно. Не будем придирааться.

Вместо исповеди просто сел на пол возле Янинино кресла, положил голову ей на колени. Сказал:

– Буду мешать тебе тупить в интернете. Как настоящий котик.

– Ну что ты, – флегматично возразила Янина. – До настоящего котика тебе далеко. Пока жопой на клавиатуру не уселся, не считается.

Не стал спорить. Нет, так нет.

Спросил ее:

– Нинка, а откуда я вообще взялся?

Янина рассмеялась.

– Такой прекрасный, на мою голову? Из франкфуртского аэропорта. Мы вместе застряли там в лифте, и я опоздала на свою дурацкую пересадку, а ты совершил самый галантный в мире поступок: пропустил свою, чтобы было кому меня утешать. И честно утешал до утра во всех барах города Франкfurта, смешивая напитки в какой-то адской последовательности; как живы-то остались, вот я чего не пойму. Неудивительно, что ты забыл.

– Да ну тебя. Ничего я не забыл. Просто... Ай, неважно. Считай, что я впал в грех сентиментальности. Пост и молитва определенно спасут то небольшое, что осталось от моей души.

Не говорить же ей, что воспоминание о счастливом знакомстве в поломанном лифте, как и сотни тысяч других воспоминаний внезапно перестало казаться надежным источником информации. То ли действительно было, то ли приснилось, то ли кино такое когда-то смотрел. И отдельный вопрос, откуда я взялся в этом дурацком лифте? В отпуск летел? Просто в отпуск с пересадкой во Франкфурте? Правда, что ли? Ладно, предположим, что так. У Янины всяко не спросишь, она не в курсе.

А все этот дурацкий псих в полицейской форме с разговорами о людях, которые «словно бы приходили в чувство» от невыносимого синего света. В какое это, интересно, «чувство»? Хотел бы я знать.

Впрочем, нет. Не хотел бы.

Не сейчас.

– Трудно тебе тут, – сказала Янина.

Не спросила, а констатировала. И была, конечно, права.

Но яростно помотал головой, вложив в этот отрицательный жест так много силы, что даже шея неприятно хрустнула.

– Ты же мне тогда полночи рассказывал, как рад, что уехал из Вильнюса, – улыбнулась она. – И что не любишь этот город и не планируешь возвращаться, ни за что, никогда! А я ужасно сердилась, потому что ты мне очень понравился. И я думала, это ты так элегантно даешь понять, что продолжения не последует, и не надейся, детка. Но оказалось...

Улыбнулся:

– Еще как оказалось! Ужасно этому рад.

– Но тебе трудно, – упрямо повторила Янина.

Согласился:

– Трудно, конечно. А как иначе. Тяжелая работа – быть человеком на этой прекрасной земле двадцать четыре часа в сутки, без перерывов и выходных. Зато и платят неплохо. Иногда, например, счастьем. Например, рядом с тобой.

– Тогда ладно, – невозмутимо кивнула Янина. – Пока такая зарплата тебя устраивает, я могу спать спокойно.

Вот и хорошо.

После этого разговора и сам спал – не просто спокойно, а как убитый, без сновидений. И проснулся в приподнятом настроении. Все проблемы внезапно показались пустяковыми. Думал, пока брился: «На самом деле мы же так отлично живем. За почти полгода ни разу не поссорились, так вообще не бывает. И город со времени моего отъезда все-таки здорово похорошел. И даже работа, на которую согласился только из-за более-менее приличной зарплаты, оказалась совсем не такой противной, как я себе воображал. А этот дурацкий синий свет, господи, ну подумай. Какие-то огоньки порой мерещатся, тоже мне горе. Даже если никогда не пройдет, вполне можно с такой галлюцинацией жить.

Припеваючи.

Хорошего настроения хватило ровно до обеда. А потом оно внезапно сменилось паникой. Ну, то есть, как – паникой. По офису с воплями не бегал, рук не заламывал, ни своих, ни чужих. Даже срочную работу кое-как закончил, трижды перепроверил, нашел и исправил несколько ошибок, и руки не дрожали, когда застегивал пуговицы пальто.

Почти не дрожали.

Ушел с работы последним; спускаясь по лестнице, написал Янине: «Похоже, немного задержусь». Подумал: «Как она без меня?» Отогнал дурацкий вопрос яростным усилием воли. С чего бы вдруг вот так сразу – «без меня»? Купил в ближайшем магазине пачку сигарет Camel. С фильтром, конечно, других-то в продаже нет.

Прежде, чем закурить, оторвал этот дурацкий фильтр к черту. Но все равно не то, конечно. Совсем другой вкус.

Ладно, не беда.

Выехав на Косцюшкос, вздохнул с облегчением: синее зарево было на месте. Никуда не исчезло, не рассеялось, не померкло, или что там еще случается с галлюцинациями, когда пациент перестает ими страдать?

А ведь как испугался, что больше никогда его не увидит. Совсем дурак.

На этот раз заранее перестроился в нужный правый ряд. И полиции за мостом не обнаружилось. Что к лучшему, полиция – это было бы уже слишком. А так все в порядке. Небольшой крюк по дороге домой для успокоения нервов, что может быть естественней после непростого рабочего дня.

Почти сразу понял, что ехать навстречу синему свету – плохая идея. Чем ближе, тем сильнее кружится голова, тем труднее следить за дорогой, да что там дорога, за самим собой – и то не уследишь. Остановился, включил аварийку, потер виски, выдохнул, осмотрелся, уви-

дел пустое место на парковке возле маленького магазинчика с темными витринами. Поставил машину там. Вышел. Достал из пачки еще одну сигарету, оторвал фильтр, сделал несколько жадных затяжек. От табака начало мутить, и это почему-то показалось добрым знаком. Как будто с детства знал, что тошнота – к счастью. Хулы не будет.

Однако окурок топтал с искренней ненавистью, как личного врага. А затоптав, пошел вперед – туда, где стояло довольно высокое, никак не меньше шести этажей, здание, украшенное ультрамариновой гирляндой, которая даже издали всегда казалась слишком яркой, а вблизи стала настолько невыносимой, что от света мутило хуже, чем от давешнего табака.

Тяжелый свет.

Но ничего не поделаешь, решил дойти – значит надо. Шел.

Шел по набережной, то и дело останавливаясь – не столько от нерешительности, сколько от внезапно охватившей его физической слабости. Хорошо, что кое-где росли деревья. Когда прислоняешься к фонарному столбу, становится только хуже, того гляди, сползешь понемногу на землю, будешь лежать на асфальте, в лучах невыносимого синего света, биться как выуженная рыба в тщетных попытках встать. Зато древесный ствол – отличная опора. Живая, надежная, даже сил вроде бы прибавляется. Постоишь так немного, и вполне можно пройти еще несколько шагов.

Когда наконец добрался до дома, украшенного синими фонарями, не чувствовал ничего, кроме желания лечь и сдохнуть. Прямо здесь, прямо сейчас, чего тянуть.

Удивительное дело, думал, вблизи от источника синего света будет очень страшно. А оказалось – просто тошно. Невмоготу.

Когда увидел, что парадная дверь приоткрыта и даже подперта кирпичом, чтобы не захлопнулась, не рассмеялся только потому, что на это не было сил. А так-то очень смешная ловушка. Такая наивная, что даже пятилетний ребенок мог бы изобрести что-нибудь поинтересней. Но при этом все равно эффективная. Кто угодно согласится войти в эту дверь, как только сообразит, что внутри не будет никаких синих фонарей. Они останутся снаружи. Снаружи! И если так, то плевать на ловушку, на все плевать.

Порог переступал так медленно, что за это время там, на улице, у него за спиной вполне могли пройти годы. Словно бы всю жизнь его переступал. И до жизни, и после нее. Вечно, всегда.

Интересный эффект. Раньше так не было.

– Тони Куртейн, я тебя убью!

В ответ на угрозу смотритель маяка заорал: «Ты вернулся!» – и заключил его в объятия. От избытка энтузиазма даже оторвал от земли и закружил, как ребенка. Вот же лось здоровенный. Поди такого убей.

Впрочем, не очень-то и хотелось. Так, в сердцах вырвалось.

– Получилось! – сказал Тони, поставив его наконец на твердую землю. – Ты гений, Блетти Блис. И я тоже. Хоть и страшный дурак. Прости, что тебя на это подбил.

Сказал:

– Сигарету дай. Только нашу, если есть. От тамошних меня теперь еще долго будет тошнить.

Тони вынул из серебристой пачки с надписью «Dark Bark» тонкую черную сигарету, протянул ему. С наслаждением затянулся горьким дымом. Надо же, прежде всегда считал их дрянью, курил только контрабандные. Как и все остальные, кто мог их достать. А на самом деле наши лучше.

– Ты вообще как? – спросил Тони.

Огрызнулся:

– А как ты думаешь? Восемь лет, чувак. Восемь долбанных лет!

Что последние шесть получились очень даже ничего, говорить не стал. И даже не потому, что не Тониного ума это дело. Просто если сейчас разрешить себе думать о Янине, крыша совсем съедет. Нинка – потом. Сперва – разобраться с делами.

– Что у тебя с памятью? – нетерпеливо спросил Тони. – Что-нибудь помнишь о том, как там жил?

Пожал плечами.

– Много чего. Может быть, вообще все. А может быть, не помню, а наскоро выдумал, пока запирал за собой дверь, хрен теперь проверишь. Но давай будем считать, что помню. Особенно, как меня тошнило по дороге к твоему маяку. Чуть всю набережную не заблевал напоследок. Такой элегантный прощальный привет.

– Ну, тут ничего не поделаешь, – развел руками Тони. – Пришлось выдать самую полную мощность. Ты очень крепко там увяз.

– Крепко – не то слово. Кстати, сотни за такое дело явно маловато. Я сдуру тогда согласился, думал, быстро вернусь. Ну или совсем сгину, тогда и деньги ни к чему.

– Согласен, – кивнул Тони. – Все время, пока тебя не было, откладывал понемножку. Так что шесть сотен могу добавить прямо сейчас. И еще одну ближе к лету. Пока не накопил, но мое слово твердо, ты знаешь. Отдам.

Едва сдержался, чтобы не броситься ему на шею. Еще семь сотен! Сколько лет промышлял контрабандой, и дела вроде шли неплохо, а таких денег в жизни в руках не держал. Даже неловко так много с человека брать.

Впрочем, Тони есть Тони. Смотрителям маяков очень хорошо платят, а тратить при такой работе почти некогда. Во всяком случае, не на этой стороне. И если Тони сам говорит, что готов накинуть к той сотне еще семь, можно взять, совесть будет чиста.

Поэтому сказал:

– Всего получается восемь сотен за восемь лет. Ладно. Это справедливо.

– Хорошо, – улыбнулся Тони. – Главное, ты вернулся. Нарушил Второе Правило, а все равно тут как тут! Значит, в принципе это возможно. За такую новость ничего не жалко. Пошли в кабинет. Деньги там. И коньяк найдется.

Вот это совсем славно. Выпить сейчас точно не помешает.

После третьей рюмки осознал наконец, что вернулся домой. До сих пор понимал это только теоретически. Умом. А теперь дошло по-настоящему.

И как ничтожно малы были шансы вернуться, тоже только теперь дошло. Что забыл себя – ладно, это на Другой Стороне часто случается, уж больно силен ее морок. Сам не раз так влипал и все равно возвращался как миленький на синий свет маяка. Поэтому ни черта не боялся, верил: сердце выведет, оно выводит всегда.

Но теперь, задним числом, насмерть перепугался, вспомнив, что бывает, когда приходишь на маяк во сне, прельстившись его желтым светом. Тони ему перед уходом все уши прожужжал, предостерегая, и всякий раз мороз продирает по коже.

Наяву маяк – просто путь домой, самый прямой и легкий. Для того их, собственно, и ставят во всех приграничных городах, где проще простого провалиться на Другую Сторону; настоящих мастеров делать это по своей воле, оставаясь в полном сознании, по пальцам можно пересчитать, зато нечаянно практически каждый горожанин хоть раз в жизни, да влипал в подобную историю, особенно в детстве, и где бы мы все сейчас были, если бы не наши маяки.

Но во сне маяк – гиблое место, хуже не придумаешь. В тот момент, когда переступаешь его порог, вместо того, чтобы просто вернуться, как случается наяву, просыпаешься. Причем не дома, а там, где уснул. То есть, на Другой Стороне. Что приснилось, не помнишь, а если и

помнишь, тут же выбрасываешь из головы, потому что с этого момента ты – самый настоящий человек Другой Стороны, а они, за редким исключением, снов не запоминают и особого значения им не придают. И дороги назад тебе больше нет, света маяка уже никогда не увидишь. Твоя настоящая жизнь становится просто забытым сновидением, а временная шкура, которой обрастает всякий гость Другой Стороны, прилипает к тебе навсегда. Не сдерешь, как ни старайся. До гробовой доски. Ангелы смерти, говорят, умеют снимать фальшивые шкуры, как гардеробщики пальто с подгулявших клиентов. И, похоже, никто кроме них.

Содрогнулся.

Сказал:

– Я должен поставить Альгирдасу хорошую выпивку. И еще, если по уму, полжизни в придачу. Но не знаю, как отломить от нее кусок, да он и не возьмет...

– Какому Альгирдасу? – удивился Тони. – Аптекарь?

– При чем тут аптекарь? Альгирдасу из Граничной полиции. Твоему другу.

– Ничего себе. Я думал, у тебя на него зуб.

– Естественно. И не просто зуб, а очень длинный клык. Был. Однако он спас мою шкуру, это факт. Если бы не Альгирдас, твои синие фонарики помогли бы мне, как мертвому припарки. Как же я их возненавидел, знал бы ты! Теперь наверное до конца жизни на праздничные огни без изжоги смотреть не смогу.

– Ты не вспомнил, что это маяк? Даже не догадывался? Никаких смутных подозрений?

– Ну, разве что, совсем смутные. Чувал, что этот синий свет горит не просто так, а лично для меня. Но добра от него не ждал. Набережную объезжал дальней дорогой, только бы лишний раз на синие огоньки не смотреть.

– Ясно, – кивнул Тони. – Значит, никакой я не гений. А просто наивный болван. По моей теории, свет должен был тебя вытащить, хочешь ты того или нет.

– Ну, он, как видишь, все-таки вытащил. В итоге. Спасибо Альгирдасу, что тут скажешь. Он, представляешь, не давал мне добраться до маяка во сне. Всякий раз возникал невесть откуда, да не один, а с подкреплением, останавливал и затевал проверку документов. Рылся в бумагах, пока не зазвонит будильник. А потом и наяву объявился. Ничего толком не объяснил, но душу растревожил; слава богу, мне этого хватило... Интересно, как он туда пробрался?

– Тоже мне проблема, – отмахнулся Тони. – Наша граничная полиция по обе стороны дежурит. Ты не знал?

– Откуда бы? Раньше он ко мне на Другой Стороне не цеплялся.

– А зачем? Ничего противозаконного ты не делал. Ходить на Другую Сторону никому не возбраняется. Получается – гуляй себе на здоровье, оба города только спасибо скажут, им нравится, когда мы бегаем туда-сюда. Только добычу оттуда приносить запрещено. Да и то... Сам, в общем, знаешь, что запрет скорее формальный. Тебя за все эти годы даже не оштрафовали ни разу. А ты контрабанду мешками таскал.

Усмехнулся:

– Однако крови этот тип мне попортил. Вечно крутился где-нибудь рядом. Все всегда обо мне знал. Говорил, собрал такое шикарное досье, что уже не на одну, а на три пожизненные ссылки из приграничной зоны потянет. То ли дразнился, то ли всерьез грозил, поди его разбери. Подобные дурацкие разговоры очень нервируют. Как по мне, штраф в сто раз лучше. Заплатил и спи спокойно. А так сиди, думай: вдруг и правда даст делу ход, добьется ссылки? Заработок – черт бы с ним, я много чего умею, нигде не пропаду, но без прогулок на Другую Сторону быстро зачахну, факт... И вдруг – вот так повернулось. Я сам себя давным-давно потерял, а он нашел. И спас – столько раз, сколько понадобилось. Ни хрена себе злейший враг.

– Альгирдас всегда о тебе беспокоился. Говорил, такие, как ты, слишком способные и азартные, никогда не умеют вовремя остановиться и пропадают почем зря. А у него сердце

рвется. И поделаться ничего нельзя, только ссылкой грозить, хотя самому ясно, что такое спасение хуже любой гибели.

Тони помолчал и неохотно добавил:

– Он со мной почти год не разговаривал, когда узнал про наш с тобой уговор. Потом, вроде, помирились, но на самом деле он меня все равно не простил. Хотя знает, что я не просто из любопытства тебя на дуэль подбил. Алекс, Вера, Эдо, Квитни, Беата, Аура, Ванна-Белл... Ай, ладно, что толку перечислять имена сгинувших на Другой Стороне. Про Эдо доподлинно известно, что он нарушил Второе Правило, выехал за пределы города. Весь тамошний мир ему, видите ли, приспичило посмотреть. Почти не сомневаюсь, что остальным под хвост попала примерно та же вожжа. Естественно, я хотел убедиться, что вернуться, нарушив Второе Правило, хотя бы в принципе возможно. Теперь твердо это знаю, спасибо тебе. Буду думать, что делать дальше. Я же из тех, кому для того, чтобы эффективно действовать нужна не просто надежда, а уверенность, что хоть какие-то шансы на успех есть. Тщетность усилий – мой главный страх. Единственный непобедимый.

Надо же, как Тони разговорился. Не ожидал от него. А ведь выпили совсем немного.

Сказал:

– Эта слабость – обратная сторона твоей силы. Дуракам вроде меня в этом смысле гораздо легче. Когда уверен, что возможность действовать, как считаешь нужным, сама по себе успех, вопрос о тщетности вообще не встает. Ну так мне и зрителем маяка никогда не бывать, сам знаешь. Не из того я теста. Фигура, а не игрок.

– Это так, – согласился Тони. – Зато какая фигура! Самый настоящий ферзь. Вернулся, ну надо же! Восемь лет спустя, а все-таки вернулся. Чокнуться можно.

– Вот это точно.

Помолчали. Тони налил еще по рюмке. Спросил:

– Как тебе там вообще жилось? Подробности выпытывать не стану, мне сейчас вот что важно знать: ты тосковал по дому после того, как забыл, что он есть?

– Да как тебе сказать. По дому ли? Скорее уж, по Блетти Блису, которым перестал быть. Впрочем, вряд ли это называется «тосковал». Чтобы тосковать, надо хоть что-нибудь помнить. Просто мне его не хватало. Ну, то есть на самом деле себя, о котором напрочь забыл, когда задремал в машине на выезде из города. Вроде бы, неплохо придумал, да? Выбрал единственный вариант передвижения, который гарантированно вынуждает бодрствовать: сел за руль. Никаких автобусов, поездов и, тем более, самолетов. Сперва вообще собирался идти пешком, но решил, что у водителя все-таки меньше возможности заснуть, чем у пешехода. Понадеялся на многолетнюю привычку сохранять бдительность за рулем, представляешь? Думал, я самый умный. А оказалось, такой же дурак, как все. Только на то и хватило моей привычки, чтобы в последний момент, уже практически с закрытыми глазами свернуть на обочину и остановиться. Ладно, сам уцелел и никого не угробил, и то хлеб. А что пару минут спустя на месте Блетти Блиса проснулся просто Эдгар, непоседливый виленский житель, решивший попытать счастья в чужих краях – так это изначально входило в условия задачи. Не на что жаловаться.

Тони улыбнулся:

– Ты был бы не ты, если бы не попробовал перехитрить дурацкое Второе Правило и весь мир с ним за компанию. Не получилось, бывает. Но это вовсе не означает, что не следовало и пытаться. Ничего. Главное – ты вернулся. А значит, рано или поздно мне удастся вытащить еще кого-нибудь. Если очень повезет, вообще всех.

– Для этого надо, чтобы они, для начала, вернулись в город. Поди их заставь. Я, например, очень не хотел возвращаться. Такой, знаешь, почти иррациональный внутренний протест. Всякий раз, когда туда приезжал, нервничал. А когда пришлось вернуться надолго, все время прикидывал, как бы снова куда-нибудь умотать. Особенно после того, как увидел твои синие фонари. Думаю, это обычные фокусы Другой Стороны. Она отпускать не любит.

– Ничего, – отмахнулся Тони. – Как-нибудь выкрутимся. Я эти восемь лет тоже не то чтобы совсем без дела штаны протирал. Мой маяк теперь и в других городах иногда видно.

– В других городах?!

– Ну.

– Вдалеке от границы? Правда, что ли?

– Именно. Впрочем, пока это вполне неуправляемый процесс. Слишком мало зависит от моей воли. Но сам факт...

– Да уж. Ну ты даешь! Всегда считалось, что это невозможно.

– Мало ли, что считалось. Невозможное – это просто то, чего с нами до сих пор не случилось. Но все однажды случается в первый раз. На том и стоим. Налить тебе еще?

Подумал. Наконец неохотно отказался.

– Давай я лучше завтра вернусь. Выпьем и поговорим, о чем захочешь. Мне бы сейчас...

– Поспать дома?

– И это тоже. Но есть кое-что поважнее.

Тони кивнул.

– Понимаю. У тебя неплохие шансы. Альгирдас на сегодня свое отдежурил. А значит, наверняка сидит в «Разбитой Кукушке».

– Что за «кукушка» такая?

– Точно, откуда бы тебе знать. Они открылись лет пять назад, уже без тебя. На углу Лисьих Лап и Вчерашней, напротив трамвайной остановки. Как по мне, ничего выдающегося, но Альгирдас к этой забегаловке как-то прикипел. Говорит, идеальное место, чтобы сменить шкуру после дежурства. Ему виднее.

На пороге Тони снова его обнял, от всего сердца, так, что ребра хрустнули.

– Блетти Блис, вот же черт! Ты не представляешь, как я рад, что ты вернулся.

Подумал: «Да почему же, вполне представляю. Я же помню, что Эдо был твоим лучшим другом. И что к тебе даже подходить было страшно после того, как он пропал, тоже помню. Я – не он, но конечно, ты сейчас рад».

Но вслух ничего не сказал.

Одно дело идти по городу, из которого уехал восемь лет назад. И совсем другое – по городу, о котором целых восемь лет вообще не помнил. Вроде ничего не узнаешь, и в то же время прекрасно знаешь, куда тебе сейчас надо свернуть, через какой проходной двор сократить путь до улицы Лисьих Лап, а уж когда понимаешь, что вон то высокое здание из красного кирпича – школа, в которую ты когда-то ходил с тяжелым, до отказа набитым книгами и игрушками ранцем, волосы становятся дыбом, не от страха, конечно, от радости. От такой странной, непривычной разновидности радости, подозрительно похожей на страх. Однако желания расцеловаться с каждым кирпичом это сходство совершенно не отменяет.

Тони спрашивал о тоске по дому – смешно! О чем тосковать тому, кто все позабыл? Надо будет сказать ему завтра, что тоска по дому приходит, оказывается, потом, задним числом, весь запас, рассчитанный на восемь тягучих медовых лет чужой, потусторонней, выморочной, а все же твоей собственной жизни, обрушивается на тебя в один миг, и это, конечно, невыносимо и одновременно прельстительно сладко, очень уж похоже на любовь.

Наверное, это и есть любовь. При чем тут какая-то тоска.

Бар «Разбитая кукушка», названный так, надо думать, в честь несчастной механической птицы, навек вывалившейся из своего гнезда, свитого в недрах прибитых над стойкой огромных старинных часов, и правда, не представлял собой ничего особенного. Часы с болтающейся на пружине кукушкой и полудюжиной хаотически скачущих в разные стороны стрелок

были единственной примечательной деталью интерьера. Но интерьер его интересовал сейчас меньше всего. Какой, к чертям собачьим, может быть интерьер, когда на высоком табурете у барной стойки сидит твой спаситель, седой человек, успевший уже сменить форму полицейского на клетчатую рубашку и какие-то невнятные темные штаны с миллионом карманов в самых неожиданных местах.

Сел рядом. Открыл было рот и понял, что слова вымолвить не способен. Куда только подевались эти проклятые слова.

Слава богу, Альгирдас заговорил первым.

– Контрабандист Эдгар Куслевский по прозвищу Блетти Блис, – сказал он. – Здравствуй, любимчик Другой Стороны, головная боль всей моей жизни. Вернулся таки. Мать твою. Зары-дать впору.

И отвернулся, демонстративно вытирая глаза рукавом клетчатой рубахи. Не то смеху ради, не то и правда прослезился. Кто его разберет.

Прокашлялся. Смог наконец выговорить:

– По справедливости, я должен выставить тебе всю выпивку в этой забегаловке. И во всех остальных. Ты за сотню жизней столько не выпьешь, сколько я тебе теперь должен.

– Не выпью, – согласился тот. – Зато возьму сигаретами. Спорю на что угодно, что ты их сюда притащил. Ни за что не поверю, что ты вернулся с Другой Стороны без добычи. Сколько себя ни забывай, а рефлексы никто не отменял. Ты же и с того света, если что, душу праотца Адама притащишь и втюхаешь за бесценок городскому музею.

Кивнул:

– А ведь ты совершенно прав.

Достал из кармана пачку сигарет, купленную сегодня вечером после работы. Почти полная, всего двух штук не хватает. Положил на стойку. Сказал:

– Только эти с фильтром. И, как по мне, довольно паршивые. Но других там сейчас не продают.

– Да знаю, – усмехнулся Альгирдас. – Те, без фильтра мне по случаю достались. Приятель откуда-то привез, угостил.

Спросил его:

– Может быть, все-таки что-нибудь выпьешь?

– Стакан чего-нибудь горького, как мои мысли о нашем с тобой ближайшем будущем.

– Джин-тоник сойдет? – деловито спросил молчавший все это время бармен, нацепивший для смеху маску в виде сердитой кошачьей головы.

– Вполне, – откликнулись хором.

– Я вот это примерно и имел в виду, когда предупреждал тебя, что допрыгаешься, – сказал Альгирдас после того, как были сделаны первые глотки. – Не то чтобы я был против контрабанды как таковой, да и горожане наши ценят всякую возможность попробовать еду, сигареты и выпивку с Другой Стороны. И обоим городам такой обмен скорее на пользу, как и наши прогулки. Контрабанда официально запрещена по одной-единственной причине: Другая Сторона – алчное место. Неохотно отдает свое и всегда зарится на чужое. Когда ты уносишь оттуда мешок леденцов и пару блоков сигарет, некий невидимый, невообразимый, но определенно существующий кладовщик делает пометку в своей черной книге: теперь ты должник. Чем больше вынес, тем больше должен, и самый простой способ взыскать с тебя долг – заставить остаться там навсегда. Ты крепко влип, Блетти Блис. Столько уже утащил с Другой Стороны, что и правда, стоило бы выслать тебя куда-нибудь подальше от границы – просто чтобы спасти твою шкуру. Да ведь вернешься, я тебя знаю. Найдешь способ. Я бы на твоём месте тоже нашел.

Ничего себе он разоткровенничался. Не то чтобы совсем на ровном месте, а все равно непривычно это – с полицейским такие разговоры вести.

Напомнил:

– Я уже дома. Уже вернулся. Повезло, пронесло. И тебе, конечно, за это спасибо. Без тебя я бы намертво влип. До задницы Тонин маяк тому, кто застрял так надолго. Но слушай, я все равно вернулся. Даже я! Значит, не так уж велика алчность Другой Стороны. И власть ее над нами не безгранична. По-моему, это хорошая новость. Скажешь, нет?

– Так-то оно так, – невесело усмехнулся Альгирдас. – Но прежде, чем хорохориться, хорошенько подумай, что за сила толкала тебя под руку, когда ты обдумывал предложение Тони: сознательно рискнуть, нарушить Второе Правило, уехать из приграничного города, забыть себя и посмотреть, что из этого выйдет.

– Любопытство, конечно. И привычка к собственной удаче. И жадность, не без того. Он же сотню мне предложил! Целую сотню за авантюру, которую я и сам был совсем не прочь проверить, потому что, как мне казалось, нашел способ всех обхитрить. Дерьмо, а не способ, как выяснилось. Но кто же знал.

– Ладно, – вздохнул Альгирдас. – Хочешь думать, будто ты тогда сам так решил, думай, кто ж тебе запретит. Никому не нравится признавать, что самые важные решения за нас принимает кто-то другой... Что-то другое. Прости, что порчу тебе праздничный вечер этими разговорами. Но что мне остается делать, когда другого шанса поговорить может уже и не случиться? Ты же прямо сейчас, отсюда, отправишься обратно. Даже домой не зайдешь. И тебя можно понять. Другая Сторона позаботилась, чтобы у тебя была веская причина вернуться как можно скорей.

Он что, мысли мои читает?

Сказал неохотно:

– Нинка... Янина не виновата, что связалась с потусторонним бродягой. С виду я был таким надежным и благоразумным, теперь смешно вспомнить. Ты бы на меня посмотрел.

– Да я и посмотрел, – усмехнулся Альгирдас. – Можно сказать, впрок налюбовался. Когда еще такое чудо увижу – Блетти Блис, прилежный бухгалтер, почти образцовый семьянин, тишайший из виленских обывателей...

– Да ладно тебе. Тоже мне «тишайший».

– А что, скажешь, нет? Шуму от тебя было, прямо скажем, немного. Даже правил дорожного движения никогда не нарушал. Такой молодец.

Ладно, пусть дразнится, если хочет. Что толку сейчас спорить.

Сказал:

– Между прочим, я же и есть бухгалтер. Точнее, экономист. Почти. Три года учился считать чужие деньги, потом надоело, бросил. А на Другой Стороне оказалось, что все-таки выучился, прикинь.

Помолчали.

– Все-таки пойдешь обратно? – наконец спросил Альгирдас.

– Ну а что мне остается. Она там сейчас с ума сходит. Телефон у меня не отвечает. Когда о пропавшем человеке известно, что он был за рулем, в голову лезут понятны какие мысли. Служба спасения, скорая помощь, полиция, морг. Всех уже небось обзвонила. И слушай, я же до сих пор не знаю, как это там устроено. Что случается после того, как пленник сбежал? В реальности образуется необъяснимая дырка? Или о нем все забывают? Или в морге появляется свеженький труп?

– Да по-разному бывает, – неохотно сказал Альгирдас. – Никогда заранее не знаешь, как выйдет... Впрочем, пока ты всем сердцем хочешь вернуться, труп не появится. Другая Сторона до последнего держится за возможность вернуть добычу. С первой попытки никого не отдаст.

– И это хорошо. Труп – не лучший прощальный подарок возлюбленной. Необъяснимое исчезновение, впрочем, ничем не лучше. Поэтому все-таки надо за ней сходить. В смысле, к ней.

– «За ней»? Планируешь нарушить еще и Первое Правило и посмотреть, что будет? – горько усмехнулся Альгирдас. – Извини, но вынужден разбить тебе сердце: провести на маяк человека, который не видит его свет, невозможно. Что с ним ни делай, какими наркотиками ни накачивай, как ни усыпляй, а все равно не пройдет. Другая Сторона своих так легко не отдает. И наше Первое Правило записано в Граничном Кодексе только для того, чтобы вдохновенные авантюристы вроде тебя не мучили зря людей невыполнимыми обещаниями. Ну и себя заодно. Жизнь и так непростая штука.

– Правда, что ли, никаких шансов?

– У тебя – никаких. И это, не поверишь, хорошая новость. Люди Другой Стороны у нас – не жильцы. Про Незванные Тени когда-нибудь слышал?

– Слышал, конечно. Думал, это сказки, детей пугать, чтобы по ночам на улицу играть не убегали. Разве нет?

– Скажем так, не всегда.

– Плохи мои дела. Но ладно, нет, так нет. В гости-то ходить мне никто не помешает. Мы, собственно, и раньше так жили, в разных городах, целых шесть лет. А теперь еще и на билеты тратиться не надо. Следовательно, жизнь скорей налаживается, чем наоборот.

– Всегда знал, что оптимизм – утешительный приз для тех, на кого ума не хватило.

Ладно, ничего. Если смеется, значит, не такую уж самоубийственную глупость я затеял. Это сейчас главное. А там поглядим, как пойдет.

– Ты главное дрыхнуть там не завались, – сказал Альгирдас. – А то знаю я тебя, решишь, что один раз выкрутился, и теперь все можно. Можно, конечно. Вопрос – какой ценой.

Кивнул:

– Ладно, не завалюсь. Не настолько я любопытный, чтобы на собственной шкуре узнать, что бывает с теми, кто приходит во сне на маяк.

– Правда, что ли, не настолько? Не узнаю тебя, Блетти Блис.

Хотел сказать: «После того, как ты сколько раз спасал мою шкуру, она уже отчасти твоя, а с чужим имуществом я всегда обращался бережней, чем со своим». Но язык не повернулся. Не привык говорить подобные вещи вслух. Проще отшутиться:

– По крайней мере, не прямо сейчас. У меня несколько сотен в кармане, а богачи, сам знаешь, не слишком рискованный народ.

Альгирдас недоверчиво покачал головой. Но останавливать его не стал. Даже без обычных советов возвращаться домой с пустыми карманами обошелся. Как подменили человека.

Вышел из бара, свернул на Вчерашнюю улицу, пошел по ней так быстро, как только мог – чем быстрее идешь, чем больше сбивается дыхание, чем меньше замечаешь вокруг, тем скорее окажешься на Другой Стороне. Таков был его способ; вряд ли кому-то еще подойдет. Это же только возвращаются с Другой Стороны все примерно одинаково, на свет маяка, а уходит туда каждый своим путем. Некоторые, говорят, до конца жизни не могут понять, как им это удастся, поэтому во всем полагаются на волю случая. Но настоящими мастерами перехода таких считать, конечно, нельзя.

Сам-то давно был мастером, а все же до сих пор на дорогу уходило как минимум полчаса. Обычно больше. А теперь и минуты не прошло, как оказался на набережной, где оставил машину. Слишком быстро. Подозрительно быстро. Видимо, дело в том, что слишком долго тут жил. Интересно, уходить опять будет так тошно? Ладно, пусть. Если и есть на свете что-нибудь, с чем я не справлюсь, будем считать, что его все равно нет.

И достал из кармана телефон.

Улица Кранто (Kranto g.)

Сделай сам

– Туфли для сна, – говорит человек с резко очерченными скулами и волосами цвета выгоревшей травы.

У него хищный профиль и недобрый прищур, но внезапно – обезоруживающая улыбка и трогательные ямочки на щеках.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает второй, большой, широкоплечий, коротко стриженный под машинку, в джинсовой куртке, выцветшей почти добела.

Этот кажется совершенно невозмутимым.

– Здешним жителям совершенно необходимы туфли для сна. Мягкие, войлочные или просто вязаные. С такими, знаешь, специальными хитрыми узорами на подошвах, чтобы сно-видец всегда мог найти обратную дорогу и проснуться дома. Куда бы он перед этим ни заснул.

– *Принято. Отличная идея. Простая, практичная и абсурдная. Все как я люблю. Но этого мало. Тут, сам видишь, надо почти все строить заново. Не с нуля, конечно. С нуля я бы и не взялся. Но работы непочатый край.*

У этого стриженного в куртке такие ярко-зеленые глаза, что мне даже отсюда видно. Хотя я сижу не то чтобы совсем рядом. Метрах в десяти, не меньше.

Интересно, думаю я, это линзы, или настоящие? Да ну, разве такой цвет бывает... Хотя, все бывает, наверное.

Наверное, все.

– Эту речку зовут Вильняле, – говорит тем временем зеленоглазый.

– Хорошая, – одобительно откликается его приятель. – Рыженькая такая.

Вода в реке сегодня и правда переливается всеми оттенками янтаря. Но Вильняле не всегда такая рыжая. У нее каждый день что-нибудь новенькое. Поэтому я так часто хожу сюда рисовать. То есть я по многим причинам хожу, но в частности – поэтому.

Этюдник мой стоит в высокой густой траве. Я сижу рядом. Делаю вид, будто напряженно обдумываю работу, а на самом деле, конечно, просто подслушиваю двух говорливых незнакомцев. Над их головами выются бабочки – белые, желтые, голубые, рядом деловито пасутся толстые утки.

При этом считается, что все мы находимся на одной из центральных городских улиц. До знаменитой Святой Анны отсюда минут пять ходу, до Кафедральной площади – еще столько же.

На всех картах это благословенное место фигурирует под названием «Кранто гатве». То есть Береговая улица. Тут нет ни жилых домов, ни фонарных столбов, ни даже какого-нибудь ветхого забора, на который можно было бы повесить табличку с названием. Зато много травы, цветов и деревьев. И густые заросли кустарника. И один из лучших видов на дома и сады Ужуписа – там, на другом берегу. Словом, мы сидим в очень хорошем месте.

Ну как – «мы сидим». Я с этюдником отдельно, а эти двое – отдельно, сами по себе. Пришли, уселись на траву всего в десятке метров от меня. Хотя берег совершенно безлюден, вполне могли бы отойти подальше. Мне же каждое их слово слышно. Но им, похоже, плевать. Или, наоборот, нравится, что кто-то их слышит? Некоторые шутники любят вот так, на публике нести чепуху и исподтишка наблюдать за реакцией. А может, я теперь человек-невидимка?

Поди разбери. Но я в любом случае только за. Мне интересно. Так интересно, что краска на кистях уже засохла, то-то радости будет потом их отмывать.

– Тут еще есть Нерис, – говорит зеленоглазый. – Большая, серьезная, солидная река, настоящая граница, делит город на две части – почти равные, но неравноценные. Лично я к Правому берегу равнодушен, слишком уж он реален и, как следствие, деловит. Мне там делать совершенно нечего, а вот на мосту постоять – отличное занятие. На любом, все хороши... Хочешь попробовать? Здесь совсем недалеко. Сперва по берегу до Святой Анны, потом пересечь Кафедральную площадь и, считай, дело в шляпе.

– Которой у нас, между прочим, нет.

– Зато мы у нее есть.

– Ну да. Целых два белых кролика, – смеется его друг. – Повезло этой шляпе, чего уж там. А уж мне-то как повезло. Одно удовольствие их слушать.

– Не знаю пока, что там с Нерисом, – говорит скуластый. – А вот в Вильняле, несомненно, водятся русалки. Видимо-невидимо.

– Бывалые рыбаки ловят их на суши из японских забегаловок, – подхватывает зеленоглазый. – Местные русалки так любят суши, что даже удочка ни к чему. Достаточно показать, поманить, и она сама на берег полезет.

– Погоди. А зачем рыбакам ловить русалок? Их же не едят. А если едят, я так не играю.

– Вечно у тебя одна жратва на уме. Почему все, что поймал, обязательно надо сразу в рот тянуть? Может быть, русалок просто для красоты в домах держат?.. Или нет, не так. Например, они поют. Сладчайшими, прельстительными голосами. Как старшие сестры их, сирены. Но все же никто не цепенеет и волю не теряет. Просто слушают, распахнув рот, забыв обо всех делах и заботах. И все.

– Ладно. Значит, русалки у нас поют. А в перерывах лопают суши и сашими. Роллы тоже годятся. Главное, чтобы не с огурцом. Да будет так.

– Чем, интересно, тебе огурец не угодил?

– Понятия не имею. Просто у меня тяжелый характер. Мне совершенно необходимо всегда иметь в запасе образ врага. Огурец сойдет.

– Ладно, – кивает зеленоглазый. – Как скажешь.

Совсем психи, восхищенно думаю я. Такие прекрасные психи. И как же хорошо, что никому до сих пор не пришло в голову их вылечить. Это была бы невосполнимая потеря.

– Еще туманы, – говорит скуластый. – По моему опыту, без туманов никак. Если у нас не будет туманов, можно сразу прикрывать лавочку.

– Как это – не будет? За кого ты меня принимаешь?! Тем более с туманами тут и без нас все в порядке. Величайшее виленское сокровище. Жемчужина княжьих снов. И практически в полной сохранности. Время над ними не властно, равно как и людская суета.

– Отлично. Верю на слово. Но. Того, что есть, по умолчанию недостаточно. Было бы достаточно, нам с тобой и делать ничего не пришлось бы. Значит – что? Значит, надо распоясаться.

– Ты, похоже, уже вполне распоясался, – одобрительно говорит зеленоглазый.

– Распоясаться в данном случае следует не столько мне, сколько туманам. Пусть берут все в свои руки. Пусть покажут, кто в этом городе хозяин. Для начала пусть просто стирают все на хрен, каждую ночь. А потом возвращают на место. Можно как было, можно с некоторыми небольшими изменениями. Второй вариант мне, сам понимаешь, нравится больше. Но я не настаиваю. Как пойдет. Пусть хозяйничают, к примеру, между тремя и четырьмя часами утра.

Отличное время. Любители шляться по ночам будут в восторге, а я лоббирую их интересы. Сам такой – был, есть и буду.

– А кстати, о гуляющих. Вот с этой, к примеру, горы, – зеленоглазый машет рукой в сторону холма, увенчанного тремя белыми крестами, – должен открываться вид на вчерашний день. То есть на тот город, который был вчера. Поначалу, конечно, никто ничего не поймет. Но со временем непременно найдется кто-нибудь достаточно внимательный, чтобы заметить, к примеру, как резко изменилась погода. Скажем, весь день моросил дождь, а стоило забраться на холм, и над городом засияло солнце, в точности, как вчера. Спустился – а там опять мокро, и небо тучами затянуто. Или увидит, что над городом парят воздушные шары, которых, пока он поднимался, не было. И быть не могло, погода-то нелетная. Зато как раз вчера эти шары все небо заполнили, и вот этот красный с надписью «Его» точно так же низко-низко летел, чуть ли не царапая дном корзины колокольню Святого Иоанна... Словом, непременно найдется кто-нибудь достаточно внимательный и любопытный, чтобы сперва задуматься, а потом проверить свои догадки. И проверять, и перепроверять – снова и снова. И друзей за собой таскать, чтобы были независимые свидетели. И глядеть сперва недоверчиво, а потом – едва унимая сердцебиение. И наполнять город слухами, как же без них. Слухи – это в нашем деле главное.

– Отлично, – кивает его друг. – Просто слов нет. Я бы, пожалуй, предпочел позавчерашний день, но это, возможно, перебор. Действительно, пусть будет вчерашний. Для полной ясности.

Я уже не просто не рисую. Я уже даже не делаю вид, будто собираюсь рисовать. И кисточки давно упали в траву. И лежат там, скрестившись, сложившись в большой деревянный икс. Которым в школьных учебниках математики любят обозначать все неизвестное.

– Твой ход, – говорит зеленоглазый.

– Башмаки на перилах мостов.

– Что-о?

– Пусть люди развешивают на мостах свои старые башмаки. То есть не от балды, кто попало и когда попало, а в особых случаях. К примеру, когда человек твердо сказал себе, что начинает новую жизнь. И, чтобы придать силу своему решению, снимает обувь, в которой ходил старыми путями, оставляет ее на мосту и отправляется дальше, вдохновенный и босой. Ну, или не босой, если запасную пару с собой прихватил. Почему нет.

– Народ у нас хозяйственный, а башмаки – вещь полезная, долго не провисят, – ухмыляется его друг.

– Смотря какие. К тому же, далеко не каждый захочет вот так наугад на чужой путь становиться. С другой стороны, если все-таки будут растаскивать, оно даже и хорошо. Естественный круговорот башмаков и путей в природе, так и надо.

– Слушай, а ведь со временем некоторые горожане станут развешивать на мостах свои старые туфли для снов. В таком деле перемены даже желанней, чем наяву. А другие станут их таскать – просто из любопытства.

– Совершенно верно. Сам бы таскал. Мало ли чьи попадутся. Вдруг повезет.

– Ага. Отлично может получиться. Как же хорошо, что я тебя сюда заманил.

– Мне тоже нравится. Прекрасное развлечение выходит. И город замечательный – уже сейчас. А то ли еще будет.

– Единственное что плохо, моря здесь нет, – печально говорит зеленоглазый.

– Зато целых две реки. Мало тебе?

– Да хоть бы и три, все равно мало. Надо, чтобы море хотя бы мерещилось. Пусть будет его запах летними вечерами – для начала. И проходы к морю в глубине некоторых дворов. То есть тем, кто идет мимо, должно казаться, будто тут есть проход к морю, и если свернуть,

непременно к нему выйдешь. Правда, сейчас совершенно нет времени, но в следующий раз – непременно. Прекрасное ощущение.

– Тогда еще должно быть одно особенное кафе у самой реки. Непременно с верандой.

– Есть уже такое. Будем мимо идти – увидишь.

– Отлично. Так вот, пусть все, кто сидит на веранде, видят оттуда море. И никакого другого берега, вода до самого горизонта, запах йода и водорослей, все как положено, без обмана. А как только расплатятся, выйдут на набережную – бац! – снова река. И другой берег – вот он, рукой подать, вброд перейти – раз плюнуть. Но всегда можно вернуться на веранду. И сидеть там сколько заблагорассудится.

– Популярное станет место.

– А то. Что дальше? Твой ход.

– Давно думаю, что надо бы слегка перемешать времена года. Аккуратно, без перегибов. Просто, к примеру, изредка снег в июле. Выпал, лежал полчаса, тут же растаял, все танцуют. И продолжают загорать.

– Тогда уж и оттепели посреди зимы. А то нечестно.

– Они здесь и так каждый год бывают.

– Не просто какой-нибудь жалкий плюс один по Цельсию, а хорошая, добротная, жирная оттепель. Плюс пятнадцать и подснежники прут как на дрожжах. На буйном цветении садов, впрочем, не настаиваю. Перебор.

– Будешь смеяться, но тут и без нашей помощи пару лет назад каштаны в декабре цвели. И форзиции в январе. И, кстати, никто не погиб, не замерз, весной снова цвели, как миленькие, такие молодцы. Впрочем, ты прав, нельзя полагаться на волю случая. Зимние оттепели не менее важны, чем июльский снег, значит – будут. По рукам?

– По рукам. Теперь смотри, есть такая важная штука как зеркала. С зеркалами вообще отдельная песня. Вернее, великое множество песен, все – хиты. Хоть альбом записывай... Знаю, что у тебя на уме – входы и выходы из ведомого в неведомое и, соответственно, наоборот. Для чего еще и нужны зеркала, все так. Но здесь у них будут и другие обязанности. Настолько пустяковые, что их вполне можно считать развлечениями. Из зеркал станут порой выглядывать чужие отражения и, смущенно хихикая, исчезать, уступая место законным владельцам места. И, конечно, в некоторых зеркалах дети смогут увидеть себя взрослыми, а старики – юными. Еще на зеркалах станут писать записки своим отражениям и порой получать ответы. И... Нет, стоп. Пошли прогуляемся. Да вот хотя бы к другой реке. Некоторые слова следует произносить, оставаясь на месте, а другие – только на ходу.

– Как скажешь.

Они поднимаются и идут по берегу в сторону рынка, а я, забыв о приличиях, этюднике и упавших в траву кистях, вскакиваю, чтобы побежать за ними – вот интересно, что я собираюсь делать, догнав? Не знаю и теперь уже никогда не узнаю, потому что, не сделав и шагу, падаю навзничь.

И просыпаюсь.

Я лежу в густой траве, чуть поодаль валяется деревянный икс, сложившийся из упавших кистей. Над моим этюдником вьются бабочки – белые, желтые, голубые, рядом деловито пасутся толстые утки. Мне очень смешно и немножко обидно – просто приснилось, надо же!

Вру. Совсем другая пропорция. Мне очень обидно и немножко смешно. Ровно настолько, чтобы не заплакать от разочарования.

Просто приснилось.

А может быть, и не приснилось, думаю я. То есть приснилось, конечно, но не «просто». Может быть, это были духи-хранители полян и ручьев, местная разновидность фэйри, или даже какие-нибудь мелкие локальные божества. Такие типы, если верить соответствующей литературе, обычно с удовольствием насылают волшебный сон на всех, кто встретится на их пути. Вот и на меня наслали. Вполне может так быть.

Вот теперь мне уже действительно очень смешно. И совсем чуть-чуть обидно. Исчезающе малая величина, можно игнорировать. Духи! Божества! Волшебный сон! А ведь только третьего дня справку о полной психической нормальности выдали – для управления автомобилем. Бедный наивный старенький доктор. Знал бы он, что творится у меня в голове. Особенно если поспать на солнцепеке.

Кстати, да. Солнцепек – это многое объясняет.

Я лежу в густой мягкой траве и курю сигарету. Мне больше не обидно. И даже не смешно. Мне – хорошо. Такое специальное, ни на что не похожее «хорошо», для которого нет антонима «плохо». И вообще никакого антонима. Без вариантов.

А башмаки на мосту, думаю я, это и правда была бы отличная традиция. Куда лучше дурацких замков с именами молодоженов, под тяжестью которых уже перила всюду гнутся.

Башмаки на мосту, думаю я, это очень красиво. Отличный образ. Нежный, стилистически безупречный абсурд. Надо бы их хоть нарисовать, что ли. Как висят на перилах моста, привязанные за шнурки, на фоне темной тяжелой зелени, звонкой золотой воды, линиялого июльского неба и обманчиво далеких храмов.

А можно вообще ничего не рисовать, думаю я. А взять да и повесить на мосту башмаки. Просто так, низачем. Чтобы было. Чтобы появилось то, чего раньше не было, и без меня не стало бы никогда. Строго говоря, именно это и есть искусство. Картинки и прочее рукоделие – только средство, самый простой и понятный метод изменения мира, а не конечная цель, как принято считать.

Я смотрю на свои ноги, обутое в дурацкие лакированные ботинки с острыми, как шпаги, носами. Прежний владелец, мой дед, разносил их на совесть. Вид ботинок неописуемо ужасен. Я надеваю их только когда собираюсь как следует поработать, чтобы ноги не уставали. Более удобной обуви у меня не было никогда. И, наверное, уже не будет.

Мне, конечно, просто напекло голову, думаю я. Поэтому и приснилась всякая прекрасная ерунда, местами переходящая в горячечный бред. С другой стороны, развешивать башмаки на мосту – это была бы прекрасная традиция. И почему бы мне не попробовать ее основать? Вот прямо сейчас. Уж мои ботинки вряд ли кто-то сопрет. Их в руки-то взять страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.